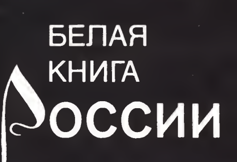


БЕЛАЯ КНИГА РОССИИ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

И.Р. ШАФАРЕВИЧ

РУСОФОБИЯ

•

ДВЕ ДОРОГИ — К ОДНОМУ ОБРЫВУ

•

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ



И.Р. ШАФАРЕВИЧ

РУСОФОБИЯ

ДВЕ ДОРОГИ — К ОДНОМУ ОБРЫВУ

ТОВАРИЩЕСТВО РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ
Москва, 1991

ББК 60.55
Ш 30

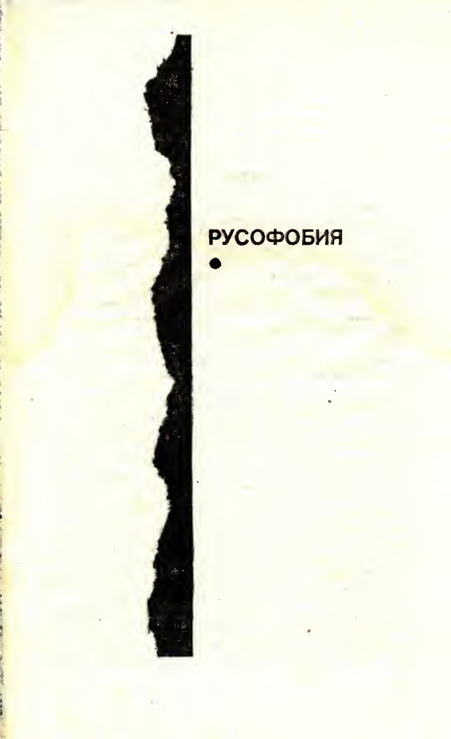
Шафаревич И. Р.
Ш 30 Русофобия. Две дороги — к одному обрыву. — М.: Товарищество русских художников, 1991. — 142(2) с.

ISBN 5-85025-019-0

Автор рассматривает две проблемы, представляющие особый интерес в наше непростое время: межнациональные отношения и пути развития человеческого общества в условиях нарастающей промышленной революции.
Книга адресована широкому кругу читателей.

Ш $\frac{0302010000-006}{090\ (01)-91}$ Без объявл. ББК 60.55

ISBN 5-85025-019-0



РУСОФОБИЯ

§ 1. ЦЕЛЬ РАБОТЫ

Как течет сейчас духовная жизнь нашего народа? Какие взгляды, настроения, симпатии и антипатии, — и в каких его слоях — формируют отношения людей к жизни? Если судить по личным впечатлениям, то размах исканий и (может быть, метаний?) необычайно широк: приходится слышать о марксистах, монархистах, русских почвенниках, украинских или еврейских националистах, сторонниках теократии или свободного предпринимательства и т. д. и т. д. И конечно, о множестве религиозных течений. Но как узнать, какие из этих взглядов распространены шире других, а какие лишь отражают мнение активного одиночки? Социологические обследования на эту тему, кажется, не проводятся, да и сомнительно, дали ли бы они ответ.

Но вот случилось непредвиденное: в 70-е годы произошел взрыв активности именно в этой области. В потоке статей, передававшихся здесь из рук в руки или печатавшихся в западных журналах, авторы раскрывали свое мировоззрение, взгляды на различные стороны жизни. Судьба как будто приоткрыла крышку кастрюли, в которой варится наше будущее, и дала заглянуть в нее. В результате обнаружилась совершенно неожиданная картина: среди первозданного хаоса самых разнообразных, по большей части противоречащих друг другу суждений обрисовалась одна четкая концепция, которую естественно счесть выражением взглядов сложившегося, сплоченного течения. Она привлекла многих авторов, ее поддерживает большинство русскоязычных эмигрантских журналов, ее приняли западные социологи, историки и средства массовой информации в оценке русской истории и теперешнего положения нашей страны. Приглядевшись, можно заметить, что те же взгляды широко разлиты в нашей жизни: их можно

встретить в театре, кино, песенках бардов, у эстрадных рассказчиков и даже в анекдотах.

Настоящая работа возникла как попытка уяснить себе причины, вызвавшие это течение, и цели, которые оно себе ставит. Однако, как будет видно дальше, здесь мы неизбежно сталкиваемся с одним вопросом, находящимся под абсолютным запретом во всем современном человечестве. Хотя ни в каких сводах законов такого запрета нет, хотя он нигде не записан и даже не высказан, каждый знает о нем, и все покорно останавливают свою мысль перед запретной чертой. Но не всегда же так будет, не вечно же ходить человечеству в таком духовном хомуте! В надежде на возможного хоть в будущем читателя и написана эта работа (а отчасти и для себя самого, чтобы разобраться в своих мыслях).

В наиболее четкой, законченной форме интересующее нас течение отразилось в литературной продукции — ее мы и будем чаще всего привлекать в качестве источников. Укажем конкретнее, о какой литературе идет речь. Она очень обширна и растет от года к году, так что мы назовем только основные работы, чтобы очертить ее контуры. Началом можно считать появление в Самиздате сборника эссе Г. Померанца * и статьи А. А. Амальрика ** в конце 60-х годов. Основные положения, потом повторявшиеся почти во всех других работах, были более полно развернуты в четырех псевдонимных статьях, написанных здесь и опубликованных в издающемся в Париже русском журнале «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения». Разъясняя принципиальный, программный характер этих работ, редакционная статья предваряла: «Это уже не голоса, а голос не вообще о том, что происходит в России, а глубокое раздумье над ее прошлым, будущим и настоящим в свете

* Приведем самые краткие сведения об авторах тех произведений, которые будут здесь обсуждаться.

Г. Померанц — советский востоковед. В сталинское время был арестован. Свои исторические и общественные взгляды он излагал в сборниках работ, распространявшихся в Самиздате, а потом изданных на Западе, а также в лекциях и докладах на семинарах. Несколько его статей появилось на Западе в журналах, издаваемых на русском языке.

** А. Амальрик учился на историческом факультете МГУ, потом сменил ряд профессий. Вскоре после опубликования указанной выше работы был арестован и осужден на три года, а когда срок почти отбыл — вторично осужден лагерным судом. После заявления, разъясняющего его взгляды, был амнистирован и эмигрировал.

христианского откровения. Необходимо подчеркнуть необыкновенную важность этого, хотелось бы сказать, события...» С увеличением потока эмиграции центр тяжести переместился на Запад. Появилось несколько сборников и статей и книги Б. Шрагина * «Противостояние духа» и А. Янова ** «Разрядка после Брежнева» и «Новые русские правые». Близкие взгляды развивались в большинстве работ современных западных специалистов по истории России. Мы выберем в качестве примера книгу Р. Пайпса *** «Россия при старом режиме», особенно тесно примыкающую к интересующему нас направлению по ее основным установкам. Наконец, множество статей того же духа появилось в журналах, основанных на Западе недавними эмигрантами из СССР: «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Тель-Авив), «Континент» (Париж) и в западных журналах и газетах.

Вот очень сжатое изложение основных положений, высказываемых в этих публикациях.

Историю России, начиная с раннего средневековья, определяют некоторые «архетипические» русские черты: рабская психология, отсутствие чувства собственного достоинства, нетерпимость к чужому мнению, холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед чужой властью.

Издревле русские полюбили сильную, жестокую власть и саму ее жестокость; всю свою историю они были склонны рабски подчиняться силе. До сих пор в психике народа доминирует власть, «тоска по Хозяину».

Параллельно русскую историю еще с XV века пронизывают мечтания о какой-то роли или миссии России в мире, желание чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир. Это «русский мес-

* Б. Шрагин — кандидат философских наук. Был членом КПСС и даже секретарем своей организации. Опубликовал под различными псевдонимами ряд статей в Самиздате и за границей. За подписи под несколькими письмами протеста был исключен из партии и эмигрировал. В эмиграции участвовал в сборнике «Самосознание» и писал в эмигрантских журналах.

** А. Янов — кандидат философских наук и журналист. До эмиграции был членом КПСС и любимым автором журнала «Молодой коммунист». После эмиграции — профессор университета в Беркли, советолог. Опубликовал большое число работ в англо- и русскоязычных журналах и газетах.

*** Р. Пайпс (Пипес или Пипеш) — выходец из Польши, американский историк. Считается ведущим специалистом по русской истории и советологом. Ближайший советник президента Рейгана.

сианизм» (а проще — «вселенская русская спесь»), начало которого авторы видят в концепции «Москвы — Третьего Рима», высказанной в XVI веке, а современную стадию — в идее всемирной социалистической революции, начатой Россией.

В результате Россия все время оказывается во власти деспотических режимов, кровавых катаклизмов. Доказательство — эпохи Грозного, Петра I, Сталина.

Но причину своих несчастий русские понять не в состоянии. Относясь подозрительно и враждебно ко всему чужеродному, они склонны винить в своих бедах кого угодно: татар, греков, немцев, евреев... только не самих себя.

Революция 1917 г. закономерно вытекает из всей русской истории. По существу, она не была марксистской, марксизм был русскими извращен, переиначен и использован для восстановления старых русских традиций сильной власти. Жестокости революционной эпохи и сталинского периода объясняются особенностями русского национального характера. Сталин был очень национальным, очень русским явлением, его политика — это прямое продолжение варварской истории России. «Сталинизм» прослеживается в русской истории, по крайней мере, на четыре века назад.

Те же тенденции продолжают сказываться и сейчас. Освобождаясь от чуждой и непонятной ей европеизированной культуры, страна становится все более похожей на Московское царство. Главная опасность, нависшая сейчас над нашей страной, — возрождающиеся попытки найти какой-то собственный, самобытный путь развития — это проявление исконного «русского мессианства». Такая попытка неизбежно повлечет за собой подъем русского национализма, возрождение сталинизма и волну антисемитизма. Она смертельно опасна не только для народов СССР, но и для всего человечества. Единственное спасение заключается в осознании гибельного характера этих тенденций, в искоренении их и построении общества по точному образцу современных западных демократий.

Некоторые же авторы этого направления высказывают бескомпромиссно-пессимистическую точку зрения, исключающую для русских надежду на какое-либо осмысленное существование: истории у них вообще никогда не было, имело место лишь «бытие вне истории», народ

оказался мнимой величиной, русские только продемонстрировали свою историческую импотенцию, Россия обречена на скорый распад и уничтожение.

Это лишь самая грубая схема. Дальше по ходу нашего исследования мы должны будем еще очень много цитировать авторов рассматриваемого направления. Надо надеяться, читатель сможет тогда более ясно почувствовать дух этих работ и тот тон, в котором они написаны.

Такая энергичная литературная деятельность с четко очерченными взглядами отражает, несомненно, настроение гораздо более широкого круга, чем только авторы работ: она выражает идеологию активного, значительного течения. Это течение уже подчинило себе общественное мнение Запада. Предлагая четкие, простые ответы на центральные вопросы, связанные с нашей историей и будущим, оно в какой-то момент может оказать решающее влияние и на жизнь нашей страны. Конечно, историю движут не теории и концепции, а гораздо более глубокие и менее рациональные переживания, связанные с духовной жизнью народа и его историческим опытом. Вероятно, то отношение к истории и судьбе своего народа, те жизненные установки, которые важнее всего для нашего будущего, вызревают веками, продолжают создаваться и сейчас — и хранятся где-то в глубинах душ. Но пока все эти черты национального характера, традиции, чувства не нашли выхода в сферу разума, они остаются аморфными и малодейственными. Они должны быть конкретизированы, связаны с реальными проблемами жизни. С другой стороны, четкая, безапелляционная, ярко сформулированная схема может захватить на время сознание народа, даже будучи совершенно чуждой его духовному складу — если его сознание не защищено, не подготовлено к столкновению с подобными схемами. Поэтому так важно было бы понять и оценить это новое течение в области мировоззрения. Именно само течение и породивший его социальный слой будут представлять для нас основной интерес, а созданная им литература — привлекаться лишь как материал для его анализа. Авторы, которых мы будем цитировать, вряд ли и сейчас широко известны, а лет через десять их, возможно, никто не будет знать. Но социальное явление, отражающееся в их произведениях, несомненно,

будет еще долго и сильно влиять на жизнь нашей страны.

План работы таков. Изложенные выше взгляды группируются вокруг двух тем: оценка нашей истории и оценка нашего будущего. Мы разберем их, разделив по этому признаку, в двух следующих параграфах. В оставшейся части работы мы попытаемся понять происхождение этих взглядов: какое духовное течение и почему могло их породить?

Ссылки на источники, из которых заимствованы приводимые цитаты, отнесены в «Библиографические примечания» в конце работы.

§ 2. ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Начать, конечно, надо с обсуждения конкретных аргументов, которыми авторы рассматриваемого направления подкрепляют свои взгляды. Такое обсуждение предпринималось уже не раз, и это облегчает мою задачу. Приведем краткий обзор высказанных при этом мыслей.

> Декларируемый многими авторами тезис о «рабской душе» русского человека, о том, что в нем собственное достоинство было менее развито, чем у жителей Запада, трудно подкрепить какими-либо фактами.
>
> Пушкин, например, считал, что соотношение — обратное. Мнениям приезжих иностранцев, видевших в России азиатскую деспотию, а в ее жителях — рабов, можно противопоставить мнение других иностранцев, поражавшихся чувству собственного достоинства у русского крестьянина или даже видевших в России «идеальную страну, полную честности и простоты». Скорее всего, и те и другие очень мало знали реальную Россию.
>
> Отношение к власти в Московской Руси никак не совпадает с «рабским подчинением». Термин «самодержец», входивший в титул русского царя, не означал признания его права на произвол и безответственность, а выражал только, что он — суверен, не является ничьим данником (конкретно — хана). По представлениям того времени царь был ответственен перед Богом

религиозными и нравственными нормами, и царю, нарушающему их, повиноваться не следовало, идя, если надо, на муки и смерть.

Яркий пример осуждения царя — оценка Грозного не только в летописях, но и в народных преданиях, в одном из которых, например, говорится, что «Царь обманул Бога». Также и Петр I прослыл в народе Антихристом, а Алексей — мучеником за веру.

Концепция «Москвы — Третьего Рима», сформулированная в начале XVI века псковским монахом Филофеем, отражала историческую ситуацию того времени. После Флорентийской унии Византии с католичеством и падения Константинополя Россия осталась единственным православным царством. Автор призывает русского царя осознать свою ответственность в этом новом положении. Он напоминает о судьбе Первого Рима и Второго (Царьграда), погибших, по его мнению, из-за отпадения от истинной веры, и предсказывает, что Русское царство будет стоять вечно, если останется верным православию. Эта теория не имела политического аспекта, не толкала Россию к какой-либо экспансии или православному миссионерству. В народном сознании (например, в фольклоре) она никак не отразилась. Утверждение о том, что идея «Третьего Рима» и революционная марксистская идеология XX века составляют единую традицию, принадлежит Бердяеву, которого, по-видимому, особенно пленило созвучие Третьего Рима с Третьим Интернационалом. Но ни он, ни кто-либо другой не пытался объяснить, каким образом эта концепция передавалась в течение 400 лет, никак за это время не проявляясь*.

Никакой специфической для русских ненависти к иностранцам и иностранным влияниям, которая отличала бы их от других народов, обнаружить нельзя. Сильны были опасения за чис-

* В отличие от Бердяева и повторяющих его мысль цитированных выше авторов современные профессиональные историки, по-видимому, эту концепцию не поддерживают. Обширная литература, посвященная этому вопросу, сходится на признании того, что концепция «Москвы — Третьего Рима» даже в XVI веке никак не влияла на политическую мысль Московского царства, а последние ее следы обнаруживаются в XVII веке.

> тоту своей веры, подозрительность по отношению к протестантской и католической миссионерской деятельности. Здесь можно видеть известную религиозную нетерпимость, но эта черта уж никак не отличает Россию того времени от Запада, уровень религиозной терпимости которого характеризуется инквизицией, Варфоломеевской ночью и Тридцатилетней войной.
>
> Сводить всю дореволюционную историю к Грозному и Петру — это схематизация, полностью искажающая картину. Это все равно, что представлять историю Франции состоящей лишь из казней Людовика XI, Варфоломеевской ночи, гонений на протестантов при Людовике XIV и революционного террора. Такая подборка выдернутых фактов ничего не может доказать. Не доказывает она и того тезиса, что Революция была специфически русским явлением, закономерным следствием русской истории. И если бы это было так, то как можно было бы объяснить революцию в Китае или на Кубе, господство марксизма над умами западной интеллигенции, влияние коммунистических партий Франции и Италии?

К этим аргументам, заимствованным из упомянутых выше работ, прибавлю несколько своих, чтобы обратить внимание на один важный аспект вопроса.

1. Как мало отношение русского допетровской эпохи к власти походило на «рабскую покорность», «стремление думать и чувствовать одинаково с нею», — показывает Раскол, когда второстепенные, не имевшие догматического значения изменения обрядов, введенные властью, не были приняты большой частью нации, люди тысячами бежали в леса, шли на муки и смерть, самосжигались — и за 300 лет проблема не потеряла своей остроты. Интересно сравнить это с похожей ситуацией в классической стране, утвердившей принцип личной свободы и человеческих прав, — Англии. Генрих VIII скроил *совершенно новое вероисповедание*, взяв кое-что от католичества, кое-что от протестантизма, да еще несколько раз его перекраивал, так что под конец его подданные уже не знали хорошенько, во что же им надлежит верить. И вот — парламент и духовенство оказались покорными, большинство народа приняло это сочиненное из политиче-

ских и личных соображений вероисповедание. Конечно, в Западной Европе XVI—XVII веков религиозные разделения играли не меньшую роль, чем у нас, но они, по-видимому, больше сплелись с политическими и материальными интересами. Так, Р. Пайпс поражается: «Секуляризация церковных земель (в России XVII века. — *И. Ш.*) — пожалуй, самая веская причина Европейской Реформации — прошла в России так спокойно, как будто речь шла о простой бухгалтерской операции». Немыслимо в России того времени было бы положение, зафиксированное Аугсбургским религиозным миром, выражавшееся формулой «куйус регио, эйус религио» (чья власть, того и религия), когда вера подданных определялась их светскими властителями. Некоторые из авторов разбираемого направления считают особенно ярким проявлением рабских черт русского национального характера — подчинение Церкви государству в форме синодального управления церковью, введенного Петром I. В цитированной книге Р. Пайпса одна глава так и называется «Церковь — служанка государства». А. Шрагин пишет: «Наиболее ярко и, так сказать, архитипически* российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию сказалась в подчинении церкви государству в тех формах, какие оно приняло в синодальный период». Уж им-то — историку и философу — должно быть прекрасно известно, что возникли эти формы подчинения церкви государству в протестантских странах, откуда и были точно скопированы Петром I, так что в них нет ничего не только «архитипичного», но вообще типичного для русских.

2. Другое любопытное наблюдение связано с точкой зрения, которую высказывает Р. Пайпс. Он считает, что законодательство Николая I послужило образцом для советского, с которого, в свою очередь, Гитлер якобы копировал законы «третьего рейха» (!), так что законодательство николаевских времен оказывается в итоге источником всех антилиберальных течений XX века. Он прокламирует даже, что значение николаевского законодательства для тоталитаризма сравнимо со значением Великой хартии вольностей для демократии! Концепция Р. Пайпса, конечно, является всего лишь анекдотом, типичным, впрочем, для всей его книги, но интересно, что более внимательное рассмотрение этого вопроса

* Мы сохраняем правописание подлинника, хотя речь идет, по-видимому, о понятии архетипа, принадлежащем К. Юнгу.

приводит к выводам, прямо *обратным* тем, к которым его тянет. Вся концепция тоталитарного государства (как в монархическом, так и в демократическом его варианте), подчиняющего себе не только хозяйственную и политическую деятельность подданных, но и их интеллектуальную и духовную жизнь, была полностью разработана *на Западе,* — а не будь она столь глубоко разработана, она не могла бы найти и воплощения в жизнь *. Так, еще в XVII веке Гоббс изобразил государство в виде единого существа, Левиафана, «искусственного человека», «смертного Бога». К нему он относит слова Библии: «Нет на земле подобного ему, он сотворен бесстрашным. На все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости». А более конкретно, «Суверен» обладает властью, не основывающейся ни на каких условиях. Все, что он делает, справедливо и правомерно. Он может распоряжаться собственностью и честью подданных, быть судьей всех учений и мыслей, в частности, и в вопросах религии. К числу главных опасностей для государства Гоббс относит мнения («болезни»), что частный человек является судьей того, какие действия хороши и какие дурны, и что все, что человек делает против своей совести, является грехом. Отношение подданных к «Суверену», по его мнению, лучше всего выражается словами «вы будете ему рабами». В этом же веке Спиноза доказывает, что к государственной власти вообще не применимы нравственные категории, государство принципиально не может совершить преступления, оно в полном праве нарушать договоры, нападать на союзников и т. д. В свою очередь, любое решение государства о том, что справедливо и не справедливо, должно быть законом для всех подданых. В XVIII веке Руссо разработал демократический вариант этой концепции. Он полагает, что верховная власть принадлежит народу (тоже называемому Сувереном), и теперь уж ОН образует «коллективное существо», в котором полностью растворяются отдельные индивидуальности. Суверену опять принадлежит неограниченная власть над собственностью и личностью граждан, он не может быть не прав и т. д. От Суверена каждый индивид «получает свою жизнь и свое бытие», Суверен должен изменить «физическое существование» человека на «существование частичное».

* На это много лет назад обратил мое внимание А. И. Лапин.

Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал взамен другие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других.

Что уж тут могло прибавить столь бледное на таком фоне законодательство Николая I! Да можно четко проследить, как эти принципы были заимствованы в России с Запада. Положение о том, что подданные отреклись от своей воли и отдали ее монарху, который может повелеть им все, что захочет, высказано в «Правде воли монаршей», составленной Феофаном Прокоповичем по поручению Петра. Там почти дословно цитируется Гоббс со всеми основными элементами его теории, как, например, о «договоре», который заключают между собой подданные, отказываясь от своей воли и отдавая ее монарху.

3. «Мессианизм», т. е. вера некоторой социальной группы (нации, церкви, класса, партии...) в то, что ей предназначено определить судьбу человечества, стать его спасителем, — явление очень старое. Классическим примером, от которого пошло и само название, является содержащееся в иудаизме учение о Мессии (помазаннике), который установит власть «избранного народа» над миром. Такая концепция возникала в очень многих социальных движениях и учениях. Марксистское учение об особой роли пролетариата принадлежит к традиции «революционного мессианизма», развивавшейся в Европе в XIX веке. Недавнее очень тщательное исследование этой традиции описывает различные ее стадии (Сен-Симон, Фурье...) вплоть даже до концепции «Третьего Рима» (Рома Терцио у Мадзини), но о России упоминает лишь в самом конце книги, в связи с тем, что западный «революционный мессианизм» к концу века захлестнул и Россию.

4. Наконец, тезис о том, что революция в России была предопределена всем течением русской истории, надо было бы проверить на вопросе о происхождении русского СОЦИАЛИЗМА, так как без этого ингредиента столь радикальное изменение всего общественного и духовного уклада жизни было бы невозможно — что доказывают многочисленные прецеденты, хотя бы наше Смутное время. Социализм же, по-видимому, не имел никаких корней в русской традиции вплоть до XIX века. В России не было авторов типа Мора и Кампанеллы. Радикальное сектантство, которое в Западной Европе было питательной почвой социалистических идей, в России играло гораздо меньшую роль, и лишь в исключительно редких случаях

в еретических учениях встречаются взгляды, которые можно было бы считать предшественниками социалистических концепций (например, пожелание общности имущества). Тем более это относится к попыткам воплотить такие взгляды в жизнь: ничего хоть отдаленно напоминающего «Мюнстерскую коммуну» в России не было. Другой источник, в котором можно было бы искать зародыши социалистических идей — народные социальные утопии, — тоже не дает ничего, на что могла бы опереться социалистическая традиция. Они поражают своей мягкостью, отсутствием воинственной агрессивности. Это осуждение Зла, противопоставление Правды — Кривде, мечты о «царстве Правды», призыв к братству всех людей во Христе, провозглашение любви высшим законом мира.

В Россию социализм был полностью привнесен с Запада. В XIX веке он настолько однозначно воспринимался как нечто иностранное, что, говоря о современных ему социалистических учениях, Достоевский часто называл их «французский социализм». И основоположниками движения являются два эмигранта — Бакунин и Герцен, начавшие развивать социалистические идеи только после того, как эмигрировали на Запад. Зато западное общество нового, постренессансного типа родилось с мечтой о социализме, отразившейся в «Утопии» Мора, «Городе Солнца» Кампанеллы и в целом потоке социалистической литературы.

Таким образом, многие явления, которые авторы рассматриваемого направления объявляют типично русскими, оказываются не только не типическими для России, но и вообще *нерусскими* по происхождению, занесенными с Запада: это как бы плата за вхождение России в сферу новой западной культуры.

Подобных аргументов можно было бы привести гораздо больше, но, вероятно, и этих достаточно, чтобы дать оценку разбираемой нами концепции: ОНА ПОЛНОСТЬЮ РАССЫПАЕТСЯ ПРИ ЛЮБОЙ ПОПЫТКЕ СОПОСТАВИТЬ ЕЕ С ФАКТАМИ.

Обратим внимание на еще одну черту рассматриваемых нами произведений: их равнодушие к фактической стороне дела, использование удивительно легковесных аргументов, так что минутное размышление должно было бы сделать для авторов очевидной их несостоятельность. Например, Померанц приводит в качестве примера того, как русская душа «упивалась жестокостью

власти», «Повесть о Дракуле», распространявшуюся в списках в XVI веке, в то время как она посвящена обличению жестокости, в некоторых списках Дракула называется диаволом. В одной из работ, посвященных критике подобной концепции, указывается на это обстоятельство. Но в появившейся позже самиздатской «антикритике» Померанц заявляет, что он и не особенно настаивает на своей трактовке повести. Зато, говорит он, ему был известен один автор, подписывавший свои самиздатские произведения псевдонимом «Скуратов». Так что приверженность русских жестокой власти все равно доказана!

Из одного рассуждения Р. Пайпса следует, что он полагает, будто в Московской Руси не существовало частной собственности! В другом месте своей книги он приводит пословицу «Чужие слезы — вода» как доказательство «жестокого цинизма» и эгоизма русских крестьян. По-видимому, он понял ее не как осуждение эгоизма, а как нравственную максиму. Он же утверждает, что в допетровской Руси не было школ, и подавляющее большинство служилого сословия было неграмотным. А ведь еще в 1892 г. А. И. Соболевский писал: «Мы привыкли думать, что среди русских этого времени (XV — XVII вв.) было очень немного грамотных, что духовенство было малограмотно, отчасти безграмотно, что в высшем светском сословии грамотность была слабо распространена, что низший класс представлял безграмотную массу». Он приводит многочисленные подсчеты, из которых вытекает, что белое духовенство было поголовно грамотно, среди монахов процент грамотных был не ниже 75, среди земледельцев не ниже 50, среди посадских — 20, среди крестьян (в XVII в.) — 15, по всей стране было много «училищ» для обучения грамоте. Как полагает Д. С. Лихачев, уровень грамотности в России XVII в. во всех слоях населения был не ниже, чем на Западе. И вот предрассудок, опровергнутый 70 лет назад, сейчас повторяет ведущий специалист США по русской истории!

Особенно много таких мест в работах А. Янова (может быть, по той причине, что он чаще привлекает конкретные аргументы, в то время как другие авторы в основном ограничиваются декларациями). Так он полагает, что «Архипелаг ГУЛАГ» — постоянный спутник русской истории, периодически в ней проявляющийся, и в качестве даты его предшествующего явления указы-

вает 1825 г. Сначала даже не поймешь, что речь идет о восстании декабристов — попытке вооруженного свержения правительства и убийства царя (а по некоторым планам — истребления всего царского дома), когда был убит генерал-губернатор Петербурга Милорадович — и в результате было казнено 5 человек и около ста сослано. При том, что в это же время в Испании, Неаполе, Сицилии, Пьемонте и Ломбардии были совершены такие же попытки военных переворотов (1820—1823 гг.), сопровождавшиеся после подавления такими же казнями. В Англии в 1820 г. был раскрыт заговор Тистельвуда, ставивший себе целью убийство членов кабинета. Пятеро руководителей заговора были казнены, остальные участники сосланы на каторгу в колонии. Так что ничего типичного для русской истории здесь вообще нет. Не «отсталая» Россия, а «передовая» Франция показала, как надо расправляться с подобными возмущениями! — тысячи расстрелянных после подавления восстания в Париже в 1848 г., десятки тысяч — после подавления Парижской Коммуны.

Или, желая показать, что даже самые, на первый взгляд, невинные русские национальные течения, вроде славянофильства, приводят к черносотенству и погромам, он рассматривает для доказательства в качестве последователей славянофилов только: Данилевского, Леонтьева, третьеразрядного публициста начала этого века Шарапова и очень темного интригана В. И. Львова, которого он почему-то называет князем (обер-прокурора Синода во Временном правительстве, эмигрировавшего, потом вернувшегося и под конец вступившего в «Союз воинствующих безбожников»!). Но если он счел бы, что идеи славянофилов развивал Достоевский — как писатель, Соловьев — как философ, Тихомиров — как публицист, А. Кошелев, Ю. Самарин и другие деятели эпохи реформ, а позже Д. Шипов — как политики, то картина получилась бы совсем другая, а при еще одном подборе — третья. Вот прием, при помощи которого можно доказать решительно все, что желательно!

Обсуждая вопрос о приемлемости для России демократической формы правления, Янов отводит указания на некоторые недостатки этого строя тем, что «демократия как политическое изобретение — еще ребенок. Ей не 1000 лет, а едва 200». Трудно себе представить человека, рассуждающего об истории и не слыхавшего о де-

мократии в Греции, Риме или Флоренции, не читавшего посвященных ей страниц Фукидида, Платона, Аристотеля, Полибия, Макиавелли! Наконец — уже совсем курьез, — Белинского Янов относит к «классикам славянофильства»! За такой ответ школьник получит двойку, а пишет это кандидат философских наук и ныне профессор университета Беркли.

Мы поневоле приходим к вопросу, от ответа на который зависит все дальнейшее направление наших размышлений: *интересует ли вообще истина этих авторов?* Вопрос неприятный, существуют «правила игры», согласно которым следует обсуждать аргументы, а не добросовестность и мотивы оппонента. Столь опостылела постановка вопроса: «Кому это выгодно?», «На чью мельницу льет воду?..» Но, с другой стороны, дискуссия с авторами, которых ни факты, ни логика не интересуют, действительно превращается в какую-то игру. Поэтому прежде, чем идти дальше, давайте проверим наши сомнения на еще одном примере: на утверждении, встречающемся почти во всех разбираемых работах, — о жестокости, варварстве, специфических якобы для всей русской истории.

Как будто существовал народ, который в этом нельзя упрекнуть! Ассирияне покрывали стены завоеванных городов кожами их жителей. В Библии читаем:

> И предали заклятию все, что в городе, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом.
>
> (Кн. Иисуса Навина, VI, 20)

И о царе Давиде:

> А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими.
>
> (2-я Книга Царств, XII, 31)

И светлые, прекрасные эллины во время междоусобных войн уничтожали население целых городов (по их масштабам — государств): всех мужчин убивали, а женщин и детей продавали в рабство. И так идет через всю Историю: не только в темные средние века, но и в эпоху торжества Разума. Кромвель уничтожил треть населения Ирландии, и только восстание в Шотландии помешало ему осуществить первоначальный план — покончить с ирландцами как нацией. В США благочести-

вые пуритане истребляли индейцев, как волков: была назначена плата за скальп. А работорговля, в которой участвовали короли, которую парламенты защищали, ссылаясь на права человека, — и которая стоила Африке 100 миллионов жизней! А французская революция, число жертв которой некоторые современники оценивали в 1 миллион — это когда все население Франции составляло 26 миллионов! И, наконец, Гитлер! Конечно, много жестокости было и в нашей истории, но ведь нужно совершенно позабыть о добросовестности, чтобы приписывать нам жестокость как какую-то специфическую черту! Нет, кажется, ни одного из наших авторов, который не помянул бы с торжеством опричнину! Но современный историк, специально исследовавший число жертв опричнины, пишет: «Традиционные представления о масштабах опричного террора нуждаются в пересмотре. Данные о гибели многих десятков тысяч человек крайне преувеличены. По синодику опальных, отразившему подлинные опричные документы, в годы массового террора было уничтожено около 3—4 тысяч человек». (Речь идет, конечно, о числе убитых. Голод, эпидемии, набеги крымцев и бегство от непосильных поборов уменьшило население центральной России на сотни тысяч человек.) А в Варфоломеевскую ночь, близкую по времени, *за несколько дней* было истреблено больше народа (в Париже и провинции).

Русскую историю авторы рассматривают исключительно в плоскости современного сознания, полностью игнорируя требования *историзма*. А ведь все они — люди с гуманитарным образованием; факты, которые мы выше напомнили, должны быть большинству из них прекрасно известны. Те же, которым они не известны, легко могли бы их узнать, если бы их действительно интересовали факты. Приходится признать, что мы имеем здесь дело не с искренними попытками понять смысл русской истории, не с «историософскими размышлениями». Перед нами деятельность совершенно другого типа: это *журналистская публицистика, пропаганда,* стремящаяся внушить читателю некоторые заранее заданные мысли и чувства. Но тогда ее и надо исследовать как пропаганду. А всякая пропаганда имеет определенную ЦЕЛЬ. Мы приходим к важнейшему вопросу: какова же цель всей этой литературы, зачем понадобилось внушать читателям взгляд, *согласно которому русские — это народ рабов, всегда преклонявшихся перед*

жестокостью и пресмыкавшихся перед сильной властью, ненавидевших все чужое и враждебных культуре, а Россия — вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира?

Можно было бы и не ломать голову над этим вопросом, если бы мы имели дело просто с эмигрантскими эмоциями. Но дальше мы убедимся, что это не так. Мы просто видим надводную часть айсберга: то, что рассматриваемая литература в своем большинстве опубликована на Западе, объясняется только тем, что там публиковать безопаснее и легче. А сами эти настроения уходят корнями сюда, да и здесь они проявляются, хотя и не так прямолинейно. Ведь надо отдать себе отчет в том, что если эта концепция впитается в национальное сознание, то это будет равносильно духовной смерти: народ, ТАК оценивающий свою историю, существовать не может. Так что мы имеем здесь дело с каким-то явлением, которое нас, жителей этой страны, кровно затрагивает.

§ 3. ПЛАНЫ ДЛЯ РОССИИ

Ответить на вопрос, поставленный в конце предшествующего параграфа, поможет рассмотрение второй группы взглядов, развиваемых авторами интересующего нас направления: как оценивается сегодняшнее положение страны и какие пути предлагаются на будущее. Если верно высказанное нами предположение, что интерес к Древней Руси, старцу Филофею, Грозному, Пересветову и т. д. определяется не склонностью авторов к историческим исследованиям, а какими-то очень злободневными интересами и чувствами, то очевидно, что их суждения о современности должны особенно прояснить их мотивы.

Все высказываемые здесь точки зрения концентрируются в основном вокруг двух положений: опасность, недопустимость влияния русского национального начала на жизнь государства и необходимость точно следовать образцу современных западных демократий в построении общества.

Авторы очень болезненно и резко реагируют на любые попытки взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения, т. е. подойти к сегодняшним проблемам с точки зрения русских духовных и исторических традиций.

> ...не национальное возрождение, а борьба за свободу и духовные ценности должна стать центральной творческой идеей нашего будущего.
>
> (Горский, псевдоним)

Тот же автор предупреждает:

> Новое национальное сознание должно строиться не на бессознательном патриотизме...

(как оно, по-видимому, строилось у 20 миллионов*, сложивших свою голову в последней войне). Опасным соблазном автор считает размышление о СМЫСЛЕ существования России, т. е. саму презумпцию ОСМЫСЛЕННОСТИ русской судьбы. С осуждением он говорит:

> Русский человек, если он только способен самостоятельно мыслить, до сих пор мучается вопросом: что такое Россия? В чем смысл ее существования? Каково ее назначение и место во Всемирной истории?

(Интересно, что по смыслу этой фразы сам «Горский» себя к числу «русских людей», по крайней мере, «самостоятельно мыслящих», не относит!).

К анонимным авторам, выступившим в «Вестнике РСХД» № 97 («Горский» и др.), с большим сочувствием относится Янов. Он считает даже, что будущее России в значительной степени зависит от того, какую политическую ориентацию примет движение «Русского Православного Ренессанса». Здесь он различает два направления: одно, близкое ему по духу, к которому относятся упомянутые авторы, он называет «либерально-экуменическим». Трудно вложить в этот осторожный и деликатный оборот речи другое содержание, кроме — *безнациональное.* Да и в предисловии к другой книге Янова Бреслауер подчеркивает, что симпатии Янова — на стороне КОСМОПОЛИТИЧЕСКОЙ прослойки советского общества. Нужно как-то назвать и другое направление в «Православном Ренессансе», по смыслу оно НАЦИОНАЛЬНОЕ, но тут Янов не выдерживает роли профессора, беспристрастно анализирующего интересный социальный феномен, его прорывает: оно — «ТАТАРСКИ-МЕССИАНСКОЕ» и угроза «мировому политическому процессу».

В этом противопоставлении Янов видит основную проблему современной советской жизни: «решающий водораздел проходит между *националистами и не националистами».* Излишне оговаривать, что «национализм»

* По некоторым данным, гораздо больше.

имеется в виду не армянский, литовский или еврейский, а только русский. И очевидно, по какую сторону водораздела стоит автор. Более того, он обвиняет своих противников в том, что если бы реализовались их идеи о будущей России, то там не оказалось бы места АНТИРУССКОЙ ОППОЗИЦИИ! Не берусь судить, справедливо ли это обвинение, но уж очень ярко оно демонстрирует заботы автора.

С предельной отчетливостью концепции Янова проявляются в его полемике с самиздатским журналом «Вече», выходившим в начале 70-х годов. Как иллюстрацию «слепого отказа видеть происходящее» цитирует он статью из этого журнала: «Даже проблема гражданских прав в СССР МЕНЕЕ важна в данную историческую минуту, чем проблема гибнущей русской нации». Поучительно дать себе отчет в позиции самого Янова. Если эта точка зрения не верна и «проблема гибнущей русской нации» является менее важной, то что же произойдет, если мы сконцентрируем усилия на более важной проблеме, а нация погибнет? (В цитированной статье утверждается, что численность русских сокращается.) За чьи же права тогда бороться? Уж, конечно, — не за права русских!

Наконец, эта проблема обсуждается еще раз на более высоком уровне. По поводу одной самиздатской статьи Янов пишет:

> Рискуя профанировать метафизический энтузиазм статьи, сформулируем просто ее смысл: человечество квантуется, так сказать, не на отдельные индивидуальности, как до сих пор наивно полагало «гуманистическое сознание», но на нации.

Однако «профанирование метафизического энтузиазма» здесь совсем ни при чем; то, что делает Янов, называется гораздо проще: подмена одной мысли другою. В отрывке из обсуждаемой статьи, который Янов сам приводит перед цитированным выше местом, говорится: «нации — ОДИН из уровней в иерархии Христианского космоса...» (выделено мною. — *И. Ш.*), т. е., если пользоваться терминологией Янова, человечество квантуется И НА НАЦИИ. Обратная точка зрения, которой, по-видимому, придерживается Янов, заключается в том, что человечество квантуется ТОЛЬКО НА ОТДЕЛЬНЫЕ ЛИЧНОСТИ, а не на нации. Точка зрения не новая. Человечество, распыленное (или «квантованное») на ин-

чем друг с другом не связанные индивидуумы, — таков, по-видимому, идеал Янова.

Но существует и еще более радикальное направление мысли. Вместо того чтобы бороться с национализмом, предупреждать о его опасности, утверждается, что спора и вести-то не о чем, так как НАРОДА ВООБЩЕ НЕТ. Мы уже приводили утверждение: «народ оказался мнимой величиной» («Горский»). Особенно подробно и с любовью эту мысль развил Померанц:

> Народа больше нет. Есть масса, сохраняющая смутную память, что когда-то она была народом и несла в себе Бога, а сейчас совершенно пустая.
>
> Народа, в смысле народа-богоносца, источника духовных ценностей, вообще нет. Есть неврастенические интеллигенты — и массы.
>
> В нашей стране остались только следы народа, как следы снега весной.
>
> То, что у нас обычно называют народом, совсем не народ, а мещанство.

Итак, если в прошлом у русского народа не было истории, то в настоящем нет уже и русского народа...

Эти мысли, естественно, вытекают из концепций, рассмотренных в предшествующем параграфе. В русской истории авторы не видят ничего, кроме тирании, раболепия и бессмысленных, кровавых судорог. Померанц разъясняет:

> Так в России вообще делается история. Русский народ трепещет и пятится перед грозным самодержцем, который его режет на части, как Иванушку, и спекает заново. Потом, когда спечется, признает хозяина своим и служит верой-правдой!

Или в поэтической форме Галич:

> Что ни год — лихолетье,
> Что ни враль — то Мессия.

Если принять этот взгляд, то действительно попытка строить будущее на основе ТАКИХ традиций может кончиться лишь еще одной катастрофой. Мнение одного из авторов, что «Россия не имела истории», другие, может быть, отклонили бы как полемическое преувеличение, но, по существу, все их взгляды приводят к этому выводу: Истории, как того чрева, в котором вынашивается будущее народа, Россия, согласно их точке зрения, не имела. На чем же тогда строить будущее этой страны? Ответ дает второй основной тезис, выдвигаемый рассма-

триваемой нами литературой: на основе *чужого* опыта заимствуя как образец современную западную многопартийную демократию. Именно то, что этот опыт *чужой*, не вырастающий органически из русской истории, делает его привлекательным, так как дает гарантию, что он не заражен теми ядами, которыми пропитано, по мнению авторов, все наше прошлое. Наоборот, поиски какого-то своего пути неизбежно вызовут, как они полагают, цепь новых катастроф. Янов, например, считает это основным вопросом, «который сейчас, как и много поколений назад, разделяет русское диссидентское движение — является ли Россия европейской страной, или для нее существует особый, собственный путь развития...».

Таким образом, именно ПОИСК собственного пути (конечно, без ограничения его направления, так что, в частности, результатом мог бы оказаться и какой-то собственный вид демократии) здесь отклоняется. Причина в том, что, по мнению авторов, *вообще, существуют лишь два решения, выбор возможен лишь из двух вариантов: современная демократия западного типа или тоталитаризм.* Говоря о том же основном вопросе, что и в цитированном только что отрывке, Янов спрашивает:

> Не заключается ли он *в поисках альтернативы* для европейской демократии? И не приводит ли такой поиск неизбежно даже самых благородных и честных мыслителей в объятия авторитаризма, ибо никакой «особой» русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно. Далее, не ведет ли *логика борьбы* против демократии (как доктрины и как политической реальности) в конце концов к оправданию самых крайних, тоталитарных форм авторитаризма?

Отметим эту характерную черту, которая будет дальше полезна для анализа взглядов наших авторов: они предлагают выбор только из *двух* возможностей — или «европейской демократии», или авторитаризма, да еще в его «самых крайних тоталитарных» формах. Вряд ли реальная жизнь укладывается в столь упрощенную схему. В обществе действовало и действует столько сил: монархическая власть, аристократия, буржуазия и другие сословия, церковь или церкви, корпорации, партии, национальные интересы и т. д. и т. п., что из их комбинаций способен возникнуть (и все время возникает) непрерывный спектр государственных форм, а не те две его

КРАЙНИЕ точки, между которыми нам предлагается выбирать. И часто тот механизм, при помощи которого формируется государственная власть, оказывается далеко не самым важным признаком общества. Иначе мы должны были бы признать родственными Римскую империю в «Золотой век Антонинов» и китайскую империю Цинь Ши Хуан Ди с ее всеобщим рабством, круговой порукой и сожжением книг. В нашем веке однопартийные государства — и современная Югославия, и Камбоджа при красных кхмерах, а многопартийные — и ЮАР, и Швейцария. Тот строй, который существовал в Англии, когда она победила Людовика XIV, выдержала четверть века войн с революционной Францией и Наполеоном, стала «мастерской Европы» и образцом свободного общества, был столь отличен от современной демократии, что вряд ли разумно объединять их одним термином. Он опирался на очень ограниченное избирательное право. Парламент состоял из лиц, тесно связанных общими интересами и даже родством, дискуссия в нем носила технический характер, и демагогия, стремление влиять на общественное мнение, не играла заметной роли. Зомбарт сравнивает его с советом акционерной компании, где обсуждается, как вести предприятие, в успехе которого все одинаково заинтересованы и в делах которого все более или менее хорошо осведомлены. Большинство членов парламента фактически назначалось крупными землевладельцами, а часто места и покупались. И тем не менее суд Истории показал, что этот парламент в какой-то мере получил поддержку народа. Точно так же, как в 1912 году русский народ, по-видимому, единодушно поддержал самодержавную власть, а американский народ во Вьетнамской войне, потребовавшей от него очень небольших жертв, отказался поддерживать правительство, выбранное по всем канонам западной демократии. И как оценить, кто в большей мере выразил волю американского народа: партийная машина, выдвинувшая президентов Кеннеди, Джонсона и Никсона, которые вели Вьетнамскую войну, или левые круги, опирающиеся на средства массовой информации, которые добились отставки президента и капитуляции в этой войне?

Здесь возникает очень глубокая проблема. Поиски лучшего пути для выявления воли народа молчаливо предполагают, что такое понятие, как «воля народа», существует и всеми одинаково толкуется. А именно это

предположение, которое почти не обсуждается, требует тщательного анализа. Говоря современным научным жаргоном, народ — это «большая система». Но далеко не всякая большая система обладает свойством, которое можно было бы назвать «волей». Например, заведомо им не обладает сколько угодно сложная вычислительная машина; совершенно не ясно, что его можно приписать живой природе в целом или отдельному виду, или биоценозу — и только в отношении индивидуального человека или высших животных наличие воли не вызывает у нас сомнения. В реальной жизни народ проявляет себя не путем формулирования своей воли, а восстаниями или подъемом хозяйственной активности, ростом или падением рождаемости, взлетом культуры или распространением алкоголизма и наркомании, стойкостью и жертвенностью на войне или легкой капитуляцией. Именно бесчисленная совокупность таких признаков и показывает, здоров ли народный организм. Выработать наиболее органичную для данного народа и в данный момент его истории форму государственного устройства — это, конечно, необходимое условие здорового существования народа. Но далеко не единственное и зачастую не самое важное.

Что касается демократии западного типа, которую столь настойчиво предлагают разбираемые авторы в качестве универсального решения всех общественных проблем, то в ее *современном состоянии* она вызывает ряд сомнений, которые надо было бы тщательно обсудить, прежде чем рекомендовать ее безоговорочно в качестве единственного решения наших проблем. Обсудим некоторые из них.

1. Этот строй, по-видимому, не является таким уж естественным. Переход к нему обычно был связан с мучительным и кровавым катаклизмом: очевидно, необходимо какое-то насилие над естественным историческим процессом. Такова была гражданская война в Англии. Во Франции гражданская война и террор были только началом. Почти столетие после этого страну трясло, как в лихорадке: наполеоновские войны, революции, вторая империя, Коммуна. У нас попытка введения этого строя в феврале 1917 года не оказалась успешной. В Германии такая попытка, осуществленная в Веймарской республике, в качестве реакции привела к победе национал-социализма. (Такой адепт демократии, как Черчилль, в своих мемуарах высказывает мнение, что судьба Германии бы-

ла бы иной, если бы в 1918 г. была сохранена монархия.)

Можно ли сейчас идти на риск еще одного подобного катаклизма в нашей стране? Есть ли шанс, что она его переживет? А в то же время наши авторы предлагают этот путь с легкостью, которая вызывает подозрение, что такие опасения их совершенно не заботят.

2. Основоположники западной либеральной мысли (например, Монтескье и авторы американской конституции) исходили из концепции *ограниченной власти*. Эта концепция своими корнями уходит в религиозное средневековое мировоззрение. В эпоху абсолютизма было развито учение о неограниченной власти — сначала о власти неограниченного монарха, а потом о неограниченном народовластии (см. мысли Гоббса, Спинозы и Руссо, цитированные в предыдущем параграфе). Ограничения власти пытались добиться на основе принципа раздела властей: когда, например, законодательство не подвластно конституционному монарху или судебная власть — воле народа. Но чтобы такая система функционировала, необходима сила, ограничивающая все эти власти, а для этого в обществе должны существовать часто не записанные и даже не осознанные нормы поведения, традиции, моральные и религиозные принципы, которые в шкале ценностей занимают более высокое место, чем авторитет любой власти, так что противоречащие им действия власти воспринимаются как незаконные. Это и есть единственный надежный путь ограничения власти в ее принципе. Отсутствие таких ценностей, стоящих выше авторитета власти, автоматически порождает общество тоталитарного типа. Именно поэтому основанные на неограниченном народовластии государства так легко порождают тоталитаризм: в Германии Веймарская республика или во Франции власть Учредительного Собрания в 1789—1791 гг. Эта закономерность была замечена очень давно. Платон писал, что демократия вырождается в тиранию. Как он, так и Аристотель полагали, что неограниченное народовластие вообще нельзя считать формой государственного строя. Эдмунд Берк, наблюдавший начальный этап французской революции, писал, что неограниченная демократия столь же деспотична, как и неограниченная монархия. Современные же западные демократии целиком основываются на принципе неограниченного народовластия: любое решение, принятое

большинством населения — законно. (Этот дух уловили и разбираемые нами авторы: например, во введении к сборнику «Демократические альтернативы» прокламируется «демократия в правовой области», т. е. подчинение права решению большинства.) В этом многие либеральные критики современной демократии видят признак ее упадка, неудачу предпринятой 200 лет тому назад попытки построить свободное общество на принципах народовластия. Сейчас, по их оценке, свободы в западном обществе существуют в силу инерции, а не как следствие принципов, на которых это общество построено.

3. Авторы рекомендуют демократию западного типа в качестве альтернативы однопартийному коммунистическому государству. Но способна ли она быть такой альтернативой? Ведь не по волшебству же будет один уклад заменен другим, очевидно, предполагается какая-то конкуренция. А способен ли демократический строй в *современной* его форме на такую конкуренцию? Все больше западная демократия уступает и уступает своему антагонисту. Если часть человечества, населяющая страны с однопартийной коммунистической государственной системой, составляла 7,5% в 1920 г. и 8,5% в 1940 г., то в 1960 она составила более 45%, а сейчас составляет не меньше половины. И ведь процесс шел только в одном направлении! Давно прошло время, когда западные демократии были динамичной силой, когда число стран, следовавших по этому пути, росло, да и другим они навязывали свои принципы. Теперь все наоборот! Из вновь возникающих государств почти ни одно не избрало государственный строй западного типа. А в самих западных демократиях все растет число противников их государственной системы. Сторонники же ее обычно прибегают к тому аргументу, что, как она ни плоха, остальные — еще хуже. Такой аргумент вряд ли может вдохновить кого-либо на защиту этого строя. 200 лет назад так не говорили! Если же привлечь к сравнению античную демократию, то мы увидим, что она — недолговечная форма. 200 лет — это предельный срок ее жизни. Но как раз столько и существует многопартийная демократия в Западной Европе и США. По всем признакам, многопартийная западная система — *уходящий* общественный строй. Ее роль в Истории можно оценить очень высоко: она принесла с собой гарантию внутреннего мира, защиту от правительственного террора (но не от

«красных бригад»), рост материального благосостояния (и угрозу экологического кризиса). Но вернуть к ней все человечество так же безнадежно, как мечтать о возврате к Православному Царству или Киевской Руси. История явно перерабатывает этот строй во что-то новое. Можно попытаться повлиять на то, во что и какими путями он будет перерабатываться, но повернуть этот процесс вспять — безнадежно.

А между тем есть ли у самих-то разбираемых нами авторов *определенное* представление о той «западной демократии», которую нам предлагают взять или отклонить в готовом виде, не разрешая обсуждать возможные ее варианты и альтернативы? Из их произведений как будто следует, что у них это представление весьма расплывчато. Часто кажется, что они имеют в виду классическую форму многопартийной демократии, вроде существующей сейчас в США. (например, Шрагин или Янов.) Но вот, например, Краснов — Левитин * желает ввести «полное имущественное равенство», а Л. Плющ ** утверждает, что государственное планирование должно сохраниться вплоть до достижения коммунизма: но ведь таких целей современная западная демократия себе отнюдь не ставит! Более того, Плющ пишет:

> Я не понимаю Вас, если Вы не сочувствуете террористам, уничтожающим палачей своего народа. Индивидуальный террор аморален, если он направлен против невинных людей.

* А. Краснов (А. А. Левитин) — церковный деятель, принимавший в 20-х годах активное участие в движении «обновленцев», направленном на раскол Православной Церкви: был секретарем руководителя этого движения А. Введенского. После того, как движение «обновленцев» сошло на нет, вернулся в Православную Церковь. В связи с его церковной деятельностью был арестован. В 1960-е гг. протестовал против массового закрытия церквей при Хрущеве. Был вновь арестован и осужден на 3 года. Отбыв срок, эмигрировал. В нескольких работах развивает идеи объединения христианства с социализмом.

** Л. Плющ — марксист, но критически относящийся к некоторым сторонам советской жизни. Написал несколько работ в этом духе, был членом «Инициативной группы по охране прав человека». Был арестован, признан невменяемым и помещен в психиатрическую больницу. Его арест вызвал широкое движение на Западе: протестовал даже вождь Французской компартии. Плющ был освобожден, эмигрировал и продолжает развивать на Западе свои марксистские взгляды.

Нельзя же предположить у автора такой степени интеллектуальной недоразвитости, чтобы он не задался вопросом: КТО будет разделять на «невинных» и «виновных»? До сих пор террористы никогда не прибегали к третейскому суду, а вершили его сами. Вероятно, баскские террористы (пример которых с сочувствием приводит Плющ), стреляя в полицейского, считают, что он виновен если не лично, то как представитель виновного государства. Но ведь и любой классовый или расовый террор основывается на таких взглядах. Очевидно, здесь мы имеем, правда еще робкую, апологию политического террора, а тогда как это связать с идеалами западной демократии? Да и большинство авторов сборника «Демократические альтернативы» высказывают свою приверженность социализму, и заканчивает сборник документ «Российские демократические социалисты за рубежом». Перед нами, очевидно, какие-то другие демократы: *социалистические*. Но это уже не современная западная демократия, а некая АЛЬТЕРНАТИВА ей, то есть как раз то, против чего так страстно борется Янов. Как же тогда понять его участие в этом сборнике? Если он считает таким решающим аргументом, что «никакой особой русской альтернативы демократии в истории до сих пор не было известно», то не должен ли он был прежде всего обратиться с этим аргументом к своим единомышленникам и соавторам по сборнику, ибо ведь уж синтез-то демократии западного типа с социализмом (например, с «полным имущественным равенством») в истории, безусловно, до сих пор не был известен?

Так что, по-видимому, не тяготение к демократии, понимаемой ими весьма неоднозначно, объединяет этих авторов. А действительно общее у всех у них — раздражение, возникающее при мысли, что Россия может ИСКАТЬ какой-то СВОЙ ПУТЬ в истории, стремление всеми средствами воспрепятствовать тому, что народ пойдет по пути, который он сам выработает и выберет (конечно, не при помощи тайного голосования, а через свой исторический опыт). Это мечта о превращении России в механизм, робота, лишенного всех элементов жизни (исторических традиций, каких-либо целей в будущем) и управляемого изготовленной за тридевять земель и вложенной в него программой... Демократия же играет роль такой «программы», «управляющего устройства», никак органически со страной не связанного. Так что если сделать фантастическое предположение, что авто-

ры обратились со своими идеями к американцам, то от них они должны были бы требовать безоговорочного принятия абсолютной монархии.

Та же схема, то же представление о призрачности нашей жизни, являющейся лишь бледным ОТРАЖЕНИЕМ реальной западной жизни, принимает уже несколько гротескный характер в статье Померанца в сборнике «Самосознание». Трактуя развитие культуры ВСЕХ стран мира, кроме Англии, Голландии, Скандинавии и Франции, лишь как СКОЛОК с культуры этих последних, автор подчеркивает, какие искажения, выпадения целых этапов и слияние нескольких в один при этом происходят. Но не пытается обсудить свою аксиому. А ведь если бы он взял за аксиому, что европейская поэзия — искаженное копирование персидской, то, вероятно, должен был бы прибегнуть к еще более остроумным конструкциям, чтобы объяснить, почему Фирдоуси, Омар Хаям и Гафиз так искаженно отражаются в виде Данте, Гете и Пушкина*.

В несколько упрощенной, но зато очень яркой форме все эти вопросы — и планы для будущего России, и их национальный аспект — предстают в теории, которую выдвинул Янов и изложил в ряде статей и в двух книгах. В классическом духе «анализа расстановки классовых сил» он делит наше общество на два слоя: «истеблишмент» и «диссидентов». Каждый из них порождает как «левое», так и «правое» течение. Все свои надежды автор возлагает на «левых». «Истеблишментарная левая» (термин автора) состоит из партийной «аристократии», или «элиты», и «космополитических менеджеров». Она нуждается в реконструкции и «модернизации их архаической идеологии», а для этого — в союзе с «самыми блестящими умами России, которые сейчас концентрируются в диссидентском движении», т. е. с «диссидентской левой». Для этого необходимо преодолеть «эгалитарный и моральный максимализм интеллигенции» и «высокомерную нетерпимость интеллектуально и этнически ущербного нового класса». Но, и тут автор подходит к центральному пункту своей концепции, — ЭТО ОНИ СДЕЛАТЬ САМИ НЕ В СОСТОЯНИИ:

* Любопытно, что при этом автор как раз сам отстает от развития западной мысли. «Европоцентристская» точка зрения Померанца на Западе в основном преодолена, рассматривается как отражение империализма XIX века и, вероятно, была бы с возмущением отвергнута, если бы ее пытались применить к какой-нибудь африканской стране.

> Однако это противоречие зашло так далеко, что его разрешение невозможно без арбитра, авторитет которого признан обеими сторонами. Западное интеллектуальное общество может служить таким арбитром. Оно может выработать точную и детальную программу, чтобы примирить все позитивные социально-политические силы СССР, — программу, которая их объединит для нового шага вперед...

Это и есть секрет Янова, его основная концепция. И чтобы выразить ее понятнее, автор предлагает в качестве модели — ОККУПАЦИЮ:

> Это предприятие грандиозной, можно сказать, исторической сложности. Однако оно по существу аналогично тому, с которым столкнулся «мозговой трест» генерала Мак-Артура в конце второй мировой войны *.
>
> Было ли правдоподобно, что автократическая Япония может быть преобразована из опасного потенциального врага в дружелюбного партнера по бизнесу без фундаментальной реорганизации ее внутренней структуры? Тот же принцип приложим к России...

Тот слой, на который это «грандиозное предприятие» будет опираться внутри страны, Янов тоже характеризует очень точно, приводя в качестве примера героя одной сатирической повести. Речь идет о паразите, не сохранившем почти никаких человеческих черт (кроме чисто внешних), вся деятельность которого направлена на то, чтобы реальная жизнь нигде не пробилась через преграду бюрократизма. Настоящая жизнь для него — это поездки на Запад и покупки, которые он оттуда привозит. Его мечта — привезти из Америки какой-то необычайный «стереофонический унитаз». «Предположим, что он хочет стереофонический унитаз, — рассуждает Янов, — правдоподобно ли, что он хочет мировой войны?»

Этой картине не откажешь в смелости: духовная (пока) оккупация «западным интеллектуальным обществом», которое становится нашим арбитром и учителем, опираясь внутри страны на слой «космополитических менеджеров», снабжаемых за это в изобилии стереофониче-

---

* Генерал Мак-Артур был главнокомандующим американскими оккупационными силами в Японии.

скими унитазами! Ее можно принять как лаконичное и образное резюме идеологии рассматриваемого нами течения.

§ 4. «МАЛЫЙ НАРОД»

Взгляды, рассмотренные в двух предыдущих параграфах, сливаются в единую систему. Более того, в основе лежит целая философия истории — особый взгляд на характер исторического процесса. Речь идет о том, является ли история органическим процессом, сходным с ростом живого организма или биологической эволюцией, — или же она сознательно конструируется людьми, подобно некоторому механизму. Иначе говоря, вопрос о том, чем считать общество — организмом или механизмом, *живым* или *мертвым.*

Согласно первой точке зрения, человеческое общество сложилось в результате эволюции «норм поведения» (в самом широком смысле: технологических, социальных, культурных, моральных, религиозных). Эти «нормы поведения», как правило, никем сознательно не изобретались, но возникли как следствие очень сложного процесса, в котором каждый новый шаг совершался на основе всей предшествующей истории. Будущее рождается прошлым, Историей совсем не по нашим замыслам. Так же, как новый орган животного возникал не потому, что животное предварительно поняло его полезность, так и новый социальный институт чаще всего не создавался сознательно, для достижения определенной цели.

Вторая точка зрения утверждает, что общество строится людьми логически, из соображений целесообразности, на основании заранее принятого решения. Здесь вполне можно, а часто и нужно, игнорировать исторические традиции, народный характер, выработанную веками систему ценностей. (Типично высказывание Вольтера: «Хотите иметь хорошие законы? Сожгите свои и напишите новые».) Зато решающую роль играют те, кто обладает нужными познаниями и навыками: это истинные творцы Истории. Они и должны сначала вырабатывать планы, а потом подгонять неподатливую жизнь под эти планы. Весь народ оказывается лишь материалом в их руках. Как плотник из дерева или инженер из железобетона, возводят они из этого материала новую конструкцию, схему которой предварительно разрабатывают. Очевидно, что при таком взгляде между «материалом» и

«творцами» лежит пропасть, «творцы» не могут воспринимать «материал» как таких же людей (это помешало бы его обработке), но вполне способны испытывать к нему антипатию и раздражение, если он отказывается правильно понимать свою роль. Выбор той или другой из этих концепций формирует людей двух разных психологических типов. Приняв первую точку зрения, человек чувствует себя помощником и сотрудником далеко превосходящих его сил. Приняв вторую — независимым творцом истории, демиургом, маленьким богом, а в конце концов — насильником. Вот на этом-то пути и возникает общество, лишенное свободы, какими бы демократическими атрибутами такая идеология ни обставлялась.

Взгляды, которые мы рассмотрели в двух предшествующих параграфах, представляют собой последовательное применение второй точки зрения (общество как механизм) к истории нашей страны. Вспомним, сколько сил потрачено, чтобы очернить историю и весь облик нашего народа. Видно, какое раздражение у авторов вызывает опасение, что наше будущее будет опираться на исторические традиции этой страны. Чуть ли не с пеной у рта доказывают они нам, что демократия западного типа абсолютно чужда духу и истории нашего народа — и столь же темпераментно настаивают, чтобы мы приняли именно эту государственную форму. Проект духовной оккупации «западным интеллектуальным сообществом», разработанный Яновым, так и воплощается зрительно в образ России — машины, на сиденье которой весело вскакивает ловкий водитель, включает зажигание — и машина помчалась. Типично и то, что для нашего будущего предлагается выбор только из двух возможностей: «демократия западного типа» и «тоталитаризм». Ни рост организма, ни поведение животного никогда не основывается на выборе между двумя возможностями, но всегда среди бесконечного числа непрерывно друг в друга переходящих вариантов. Зато элемент вычислительной машины должен быть сконструирован именно так, чтобы он мог находиться лишь в двух состояниях: включенном и выключенном.

И необходимый вывод из этой концепции: выделение «творческой элиты» и взгляд на весь народ как на материал для ее творчества — очень ярко отразился у наших авторов. Приведем несколько примеров того, как они характеризуют отношение своего круга к остальному населению. При этом мы встретимся с такой трудностью:

эти авторы характеризуют тот круг, с которым они себя явно отождествляют, различными терминами: интеллигенция (чаще), диссиденты (реже), элита, «избранный народ»... Я предлагаю временно совершенно игнорировать эту терминологию, а исходить из того, что мы имеем пока нам не известный слой, некоторые черты которого хотим восстановить. К вопросу же о том, в каком отношении этот слой находится к интеллигенции, диссидентам и т. д., мы вернемся позднее, когда представим его себе конкретнее.

Итак, вот как понимает ситуацию «Горский»:

> ...старое противоречие между «беспочвенной интеллигенцией» и народом предстает сегодня как противоречие между творческой элитой и оболваненными и развращенными массами, агрессивными по отношению к свободе и высшим культурным ценностям.

Причем в то же время:

> Необходимо отметить также, что новая оппозиционная интеллигенция при всем ее отрыве от народных масс представляет тем не менее именно породившие ее массы, является как бы органом их самосознания.

Точка зрения Шрагина такова:

> Помимо тонкого слоя европейски образованной и демократически настроенной интеллигенции, корни диссидентского движения натолкнулись на толщу вечной мерзлоты.

И более того:

> Интеллигент в России — это зрячий среди слепых, ответственный среди безответственных, вменяемый среди невменяемых.

Итак, «европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция» созрела для того, чтобы большинство народа объявить НЕВМЕНЯЕМЫМ! А где же место невменяемому, как не в психушке?

Наконец, взгляд Померанца:

> «Религия перестала быть приметой народа. Она стала приметой элиты». «Любовь к народу гораздо опаснее (чем любовь к животным): никакого порога, мешающего стать на четвереньки, здесь нет». «Новое что-то заменит народ». «Здесь... складывается хребет нового народа». «Масса может заново кристаллизоваться в нечто

> народоподобное только вокруг новой интеллигенции».

Концепция элиты, «избранного народа» для автора является необсуждаемым догматом, обсуждается только, где элиту найти:

> Рассчитываю на интеллигенцию вовсе не потому, что она хороша... Умственное развитие само по себе только увеличивает способность ко злу... Мой избранный народ плох, я это знаю... но остальные еще хуже.

На этом пути наши авторы неизбежно должны встретиться с очевидной логической трудностью, так что с нетерпением ожидаешь, когда же они на нее натолкнутся. Ведь если русское сознание так проникнуто раболепием, обожанием жестокой власти, мечтой о Хозяине, если правовые традиции нам абсолютно чужды, то как же такому народу можно привить демократический строй *демократическими методами,* да еще в ближайшем будущем? Но оказывается, что для авторов и здесь затруднения нет. Просто тогда русских надо сделать демократичными, хотя бы и *недемократичными методами.* (Руссо называл это: *заставить быть свободным.)*

Как пишет Шрагин:

> При деспотиях не большинство решает. Конечно, это противоречит идеалам демократии. Но и наилучший из идеалов вырождается в утопию, когда он тесен для вмещения реальности.

И это заявление, столь поразительное своей откровенностью, не вызвало, кажется, никакой реакции в эмигрантской прессе, так подчеркивающей в других случаях свою демократичность!

Перед нами какой-то слой, очень ярко сознающий свое единство, особенно рельефно подчеркнутое резким противопоставлением себя всему остальному народу. Типичным для него является мышление антитезами:

творческая элита — оболваненная и развращенная масса,

избранный народ — мещанство,

европейски образованная и демократически настроенная интеллигенция — вечная мерзлота,

вменяемые — невменяемые,

племя гигантов — человеческий свинарник.

(Последнее — из самиздатской статьи Семена Телегина «Как быть?».) Слой этот объединен сознанием своей элитарности, уверенностью в своем праве и способности

определять судьбы страны. По-видимому, в существовании такого социального слоя и находится ключ к пониманию той идеологии, которую мы рассматриваем.

Этот социальный феномен стал бы, вероятно, понятнее, если бы его можно было включить в более широкие исторические рамки. И действительно, по крайней мере в одной исторической ситуации подобное явление было подробно и ярко описано — в эпоху Великой французской революции.

Один из самых интересных исследователей французской революции (как по свежести его идей, так и по его удивительной эрудиции), Огюстен Кошен, в своих работах обратил особое внимание на некий социальный или духовный слой, который он назвал «Малым Народом». По его мнению, решающую роль во французской революции играл круг людей, сложившийся в философских обществах и академиях, масонских ложах, клубах и секциях. Специфика этого круга заключалась в том, что он жил в своем собственном интеллектуальном и духовном мире: «Малый Народ» среди «Большого Народа». Можно было бы сказать — *антинарод* среди народа, так как мировоззрение первого строилось по принципу ОБРАЩЕНИЯ мировоззрения второго. Именно здесь вырабатывался необходимый для переворота тип человека, которому было враждебно и отвратительно то, что составляло корни нации, ее духовный костяк: католическая вера, дворянская честь, верность королю, гордость своей историей, привязанность к особенностям и привилегиям родной провинции, своего сословия или гильдии. Общества, объединяющие представителей «Малого Народа», создавали для своих членов как бы искусственный мир, в котором полностью протекала их жизнь. Если в обычном мире все проверяется опытом (например, историческим), то здесь решает общее мнение. Реально то, что считают другие, истинно то, что они говорят, хорошо то, что они одобряют. Обычный порядок обращается: доктрина становится причиной, а не следствием жизни.

Механизм образования «Малого Народа» — это то, что тогда называли «освобождением от мертвого груза», от людей, слишком подчиненных законам «Старого мира»: людей чести, дела, веры. Для этого в обществах непрерывно производят «очищения» (соответствующие «чисткам» нашей эпохи). В результате создается все более чистый «Малый Народ», движущийся к «свободе» в смысле все большего освобождения от представлений

«Большого Народа»: от таких предрассудков, как религиозные или монархические чувства, которые можно понять только опытом духовного общения с ним. Этот процесс Кошен иллюстрирует красивым примером — образом «дикаря», столь распространенным в литературе эпохи Просвещения: «персидский принц» Монтескье, «гурон» Вольтера, «таитянин» Дидро и т. д. Обычно это человек, обладающий всеми материальными аксессуарами и формальными знаниями, предоставляемыми цивилизацией, но абсолютно лишенный понимания духа, который все это оживляет, поэтому все в жизни его шокирует, кажется глупым и нелогичным. По мнению Кошена, этот образ — не выдумка, он взят из жизни, но водились эти «дикари» не в лесах Огайо, а в философских академиях и масонских ложах: это образ того человека, которого они хотели создать, парадоксальное существо, для которого средой его обитания является пустота так же, как для других — реальный мир. Он видит все и не понимает ничего, и именно по глубине непонимания и измерялись способности среди этих «дикарей».

Представителя «Малого Народа», если он прошел весь путь воспитания, ожидает поистине чудесное существование: все трудности, противоречия реальной жизни для него исчезают, а он как бы освобождается от цепей жизни, все представляется ему простым и понятным. Но это имеет свою обратную сторону: он уже не может жить вне «Малого Народа», в мире «Большого Народа» он задыхается, как рыба, вытащенная из воды. Так «Большой Народ» становится угрозой существованию «Малого Народа», и начинается их борьба: лилипуты пытаются связать Гулливера. Эта борьба, по мнению Кошена, занимает годы, предшествовавшие французской революции, и революционный период. Годы революции 1789—1794 — это пятилетие власти «Малого Народа» над «Большим Народом». Только *себя* «Малый Народ» называл народом, только *свои* права формулировал в «Декларациях». Этим объясняется парадоксальная ситуация, когда «победивший народ» оказался в меньшинстве, а «враги народа» — в большинстве (это утверждение постоянно было на языке у революционных деятелей.)

Мы сталкиваемся с мировоззрением, удивительно близким тому, которое было предметом нашего анализа в этой работе. Сюда относится взгляд на собственную

историю как на сплошную дикость, грубость, неудачу — все эти «Генриады» и «Орлеанские девственницы». И стремление порвать все свои связи, даже внешние, связующие с исторической традицией: переименование городов, изменение календаря. И убеждение в том, что все разумное следует заимствовать извне, тогда — из Англии; им проникнуты, например, «Философские письма» Вольтера (называемые иногда «Письмами из Англии»). И в частности, копирование чужой политической системы — английского парламентаризма.

Мне кажется, что эта замечательная концепция применима не только к эпохе французской революции, она проливает свет на гораздо более широкий круг исторических явлений. По-видимому, в каждый кризисный, переломный период жизни народа возникает такой же «Малый Народ», все жизненные установки которого ПРОТИВОПОЛОЖНЫ мировоззрению остального народа, для которого все то, что органически выросло в течение веков, все корни духовной жизни нации, ее религия, традиционное государственное устройство, нравственные принципы, уклад жизни — все это враждебно, представляется смешными и грязными предрассудками, требующими бескомпромиссного искоренения. Будучи отрезан начисто от духовной связи с народом, он смотрит на него лишь как на материал, а на его обработку — как на чисто ТЕХНИЧЕСКУЮ проблему, так что решение ее не ограничено никакими нравственными нормами, состраданием или жалостью. Это мировоззрение, как замечает Кошен, ярко выражено в фундаментальном символе масонского движения, игравшего такую роль в подготовке французской революции — в образе построения Храма, где отдельные люди выступают в роли камней, механически прикладываемых друг к другу по чертежам «архитекторов».

Сейчас мы приведем несколько примеров, чтобы подтвердить нашу догадку, что здесь мы действительно имеем дело с общеисторическим явлением.

1. Обращаясь к эпохе, предшествующей той, которую изучал Кошен, мы сталкиваемся с КАЛЬВИНИЗМОМ, оказавшим в форме движения гугенотов во Франции и пуритан в Англии большое влияние на жизнь Европы XVI—XVII веков. В его идеологии, особенно у пуритан, мы легко узнаем знакомые черты «Малого Народа». Учение Кальвина утверждало, что еще до сотворения мира

Бог предопределил одних людей к спасению, других — к вечной погибели. Никакими своими делами человек не может повлиять на это уже принятое решение. Избраны лишь немногие: крошечная группа «святых» в греховном, страждущем и обреченном на вечные муки человечестве. Но и «святым» недоступна никакая связь с Богом, «ибо конечное никогда не может соприкоснуться с бесконечным». Их избранность проявляется лишь в том, что они становятся *орудием* Бога, и тем вернее их избранничество, чем эффективнее они действуют в сфере их мирской активности, откинув попытки понимания смысла этой деятельности.

Это поразительное учение, собственно новая религия, создавало у «святых» ощущение полной изолированности, противопоставленности остальному человечеству. Центральным их переживанием было чувство избранности, они даже в молитве благодарили Бога, что они не такие, как «остальная масса». В их мировоззрении колоссальную роль играла идея эмиграции. Отчасти из-за того, что начало движению пуритан положила группа протестантов, бежавших от преследований в период католической реакции при Марии Тюдор: в состоянии полной изоляции, оторванности от родины они под влиянием учения Кальвина заложили основы теологии и психологии пуританизма. Но отчасти и потому, что, даже и вернувшись в Англию, они по своим взглядам оставались эмигрантами, чужаками. Излюбленным образом их литературы был странник, беглец, пилигрим.

Узкие общины «святых» постоянно подвергались очищениям, отлучениям от общения, охватывавшим иногда большинство общин. И «обреченные» согласно взглядам пуритан должны были быть подвергнуты дисциплине их церкви, причем здесь вполне было допустимо принуждение. Пропасть между «святыми» и «обреченными» не оставляла места для милосердия или помощи грешнику — оставалась только ненависть к греху и его носителю. Особым предметом обличений и ненависти пуританской литературы были крестьяне, потерявшие землю и толпами отправлявшиеся в город в поисках работы, а часто превращавшиеся в бродяг. Пуритане требовали все более и более строгих законов: превозносили порку, клеймение раскаленным железом. А главное — требовали защиты «праведных» от соприкосновения с нищими бродягами. Именно из духа пуританизма в XVIII веке возникла страшная система «работных домов», в кото-

рых бедняки находились почти на положении каторжников.

Литература пуритан стремилась оторвать «святых» от исторических традиций (которые были традициями «людей мира»), для «святых» не имели силы все установленные обычаи, законы, национальные, династические или сословные привязанности. Это была в самом своем принципе нигилистическая идеология. И действительно, пуритане и призывали к полной переделке мира, всех существующих «законов, обычаев, статусов, ордонансов и конституций». Причем к переделке по известному им заранее плану. Призыв «строить на новом основании» подкреплялся у них знакомым уже нам образом «построения Храма» — на этот раз восстановления Иерусалимского Храма после возврата евреев из пленения.

Как утверждает Макс Вебер, реальная роль кальвинизма в экономической жизни заключалась в том, чтобы разрушить традиционную систему хозяйства. В Английской революции его решающая роль состояла в том, что, опираясь на пуритан и еще более крайние секты, новому слою богачей удалось опрокинуть традиционную монархию, пользовавшуюся до того поддержкой большинства народа.

2. В эпоху, следующую за французской революцией, можно наблюдать очень похожее явление. Так, в 30-е и 40-е годы XIX века в Германии вся духовная жизнь находилась под влиянием философского и политического радикализма: «Молодая Германия» и «левое гегельянство». Его целью было разрушение (как тогда говорили «беспощадная критика» или «революционирование») всех основ тогдашней немецкой жизни: христианства, философии, государства, общества. Все немецкое переименовывалось в «тевтонское» или «пруссаческое» и становилось объектом поношений и насмешек. Мы встречаем знакомые читателю утверждения, что немцы лишены чувства собственного достоинства, что им свойственна ненависть ко всему чужому, что их история — цепь подлостей, что их вообще трудно считать людьми. После Гете, Шиллера, немецкого романтизма Руге писал: «Мы, немцы, так глубоко отстали, что нам еще надо создавать человеческую литературу».

Немецкий патриотизм отождествлялся с реакционностью, наоборот, преклонялись перед всем западным, особенно французским. Был в ходу термин «профранцузский антипатриотизм». Высказывались надежды, что

французы опять оккупируют Германию и принесут ей свободу. Модной была эмиграция во Францию, в Париже жило 85 000 немцев. Типичным представителем этого направления был Гейне. Предметом его постоянных злобных, часто грязных и от этого уже и неостроумных нападок было, во-первых, христианство. Например, такой художественный образ: «Некоторые духовные насекомые испускают вонь, если их раздавить. Таково христианство: этот духовный клоп был раздавлен 1800 лет назад (распятие Христа?), а до сих пор отравляет воздух нам, бедным евреям». А во-вторых, немецкий характер, культура, история: так, в конце поэмы «Германия — Зимняя сказка» он сравнивает будущее Германии со зловонием, исходящим из ночного горшка. И не потому, что он просто был такой желчный, скептический человек: Наполеона он обожал до идолопоклонства, перед всем французским преклонялся и даже называл себя «вождем французской партии в Германии».

3. В России второй половины XIX века те же черты очень отчетливо видны в либеральном и нигилистическом течении. Известный публицист-шестидесятник В. Зайцев писал о русских: *«Оставьте всякую надежду, рабство в крови их»*. Тому же Зайцеву принадлежит мысль:

> ...Они хотят быть демократами, да и только, а там им все равно, что на смену аристократии и буржуазии есть только звери в человеческом образе... Народ груб, туп и, вследствие этого, пассивен... Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него.

Как видим, мысль Шрагина, что при деспотиях решать должно меньшинство, а «принципы демократии тесны для вмещения реальности», была высказана уже тогда. Более того, Достоевский рассказывает:

> «Этого народ не позволит», — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику.
>
> — «Так уничтожить народ!» — ответил западник спокойно и величаво.

Замечательно презрительное отношение к своей культуре, такое же, как у немецких радикалов 30-х годов, сочетающееся с преклонением перед культурой западной и особенно немецкой. Так, Чернышевский и Зайцев

объявили Пушкина, Лермонтова и Гоголя бездарными писателями без собственных мыслей, а Ткачев присоединил к этому списку и Толстого. Салтыков-Щедрин, высмеивая «Могучую кучку», изобразил какого-то самородка (Мусоргского?), тыкающего пальцами в клавиши наугад, а под конец садящегося всем задом на клавиатуру. И это не исключительные примеры: таков был общий стиль.

В «Дневнике писателя» Достоевский все время полемизирует с какой-то очень определенной, четкой идеологией. И когда его читаешь, то кажется, что он имеет в виду именно ту литературу, которую мы в этой работе разбираем: так все совпадает. Тут есть и утверждение о рабской душе русского мужика, о том, что он любит розгу, что «история народа нашего есть асбурд» и как следствие — *«Надобно, чтобы такой народ, как наш, не имел истории, а то, что имел под видом истории, должно быть с отвращением забыто им, все целиком».* И цель — добиться того, что народ *«...застыдится своего прошлого и проклянет его. Кто проклянет свое прежнее, тот уже наш, — вот наша формула!»* И принцип — что *«кроме европейской правды, другой нет и не может быть».* И даже утверждение, что *«... в сущности, и народа-то нет, а есть и пребывает по-прежнему все та же косная масса»* — как будто Достоевский заглянул в сочинения Померанца. И наконец, эмиграция, причина которой согласно этой идеологии в том, что «виноваты все те же наши русские порядки, наша неуклюжая Россия, в которой порядочному человеку до сих пор еще ничего сделать нельзя». Как современны мысли самого Достоевского:

> Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национально, своей органической силой, а непременно безлично, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм?

Страшное предположение он высказывает: что отрыв, «отщепенство» от своей страны приводит к ненависти, что эти люди НЕНАВИДЯТ Россию.

> так сказать, натурально, физически: за климат, за поля, за леса, за порядки, за освобождение мужика, за русскую историю, одним словом, за все, за все ненавидят.

Л. Тихомиров, прошедший путь террориста вплоть до

одного из руководителей «Народной воли», а потом отошедший от этого течения, рисует в своих позднейших работах очень похожую картину. По его словам, мировоззрение тех кружков молодежи, из которых вышли террористы, имело своею основой разрыв с прошлой культурой. Прокламировалось ниспровержение всех авторитетов и следование только «своему разуму», что привело, наоборот, к господству авторитетов самых низких и примитивных. Значение материализма и антинационализма поднялось до религиозного уровня, и эпитет «отщепенец» был похвальбой. Идеи этих кружков были столь ограничены, что появились молодые люди, утверждающие, что вообще ничего не надо читать — их прозвали «троглодитами». И действительно, они могли заимствовать в предлагавшейся им литературе только подтверждение уже заранее известных им идей. В результате развивалась душевная пустота, тоска. Было много случаев самоубийства, «чувствовали, что стоят перед тьмой». Готовы были броситься куда угодно — и бросились в террор:

> От них не жди никаких уступок ни здравому смыслу, ни человеческому чувству, ни истории. Это было возмущение против действительной жизни во имя абсолютного идеала. Успокоиться ему нельзя, потому что если его идеал невозможен, то, стало быть, ничего на свете нет, из-за чего стоило бы жить. Он скорее истребит «все зло», т. е. весь свет, все, изобличающее его химеру, чем уступит.

Такое повторение на протяжении 400 лет и в разных странах Европы столь четкого комплекса идей не может быть случайным — очевидно, мы имеем дело с каким-то очень определенным социальным явлением, возникающим всегда в устойчивой, стандартной форме. Можно надеяться, что это наблюдение поможет нам разобраться в той современной проблеме, которой посвящена настоящая работа. Последние века очень сузили диапазон тех концепций, которыми мы способны пользоваться при обсуждении исторических и социальных вопросов. Мы легко признаем роль в жизни общества экономических факторов или политических интересов, не можем не признать (хотя и с некоторым недоумением) роли межнациональных отношений, соглашаемся, на худой конец, не игнорировать роли религии — но в основном как политического фактора, например, когда религиозная рознь

проявляется в гражданских войнах. На самом же деле, по-видимому, в истории действуют гораздо более мощные силы духовного характера — но мы их не способны и обсуждать, их не ухватывает наш «научный» язык. А именно от них зависит — привлекательна ли жизнь людям, может ли человек найти свое место в ней, именно они дают людям силы (или лишают их). Из взаимодействия таких духовных факторов и рождается, в частности, это загадочное явление: «Малый Народ».

§ 5. СОВРЕМЕННЫЙ ВАРИАНТ «МАЛОГО НАРОДА»

Какие есть основания считать, что этот же феномен «Малого Народа» проявляется в нашей стране? Прежде всего, конечно, та литература, которую мы разбираем. В ней представлен весь стандартный комплекс представлений «Малого Народа»: вера в то, что будущее народа можно, как механизм, свободно конструировать и перестраивать; в связи с этим презрительное отношение к истории «Большого Народа», вплоть до утверждения, что ее вообще не было; требование заимствовать в будущем основные формы жизни со стороны, а со своей исторической традицией порвать; разделение народа на «элиту» и «инертную массу» и твердая вера в право первой использовать вторую как материал для исторического творчества; наконец, прямое отвращение к представителям «Большого Народа», их психологическому складу. И эти черты выражены в современном нам «Малом Народе» не менее ярко, чем в его предшествующих вариантах. Например, нигде раньше не встречался такой яркий символ господства «Малого Народа» над «Большим Народом», как модель оккупации, предложенная Яновым. А тонкий образ Померанца:

> ... место интеллигенции всегда на полдороге... Духовно все современные интеллигенты принадлежат диаспоре. Мы всюду не совсем чужие. Мы всюду не совсем свои...

прекрасно передает мироощущение «людей без корней», составляющих «Малый Народ».

Часто изречения из литературы современного «Малого Народа» настолько совпадают с мыслями их предшественников, что кажется, будто одни других цитируют. Особенно это поражает при сопоставлении современного «Малого Народа» с его предшественником 100—120-летней давности, сложившимся внутри либерального, ниги-

листического, террористского и революционного движения в нашей стране. Ведь это действительно странно: в литературе современного «Малого Народа» можно встретить мысли — почти цитаты из Зайцева, Чернышевского или Троцкого, хотя в то же время его представители выступают как убежденные западники-демократы, полностью отрицающие идеалы и практику «революционного века» русской истории, относя все это к традиции «русского тоталитаризма».

Так, Зайцев и Шрагин, отделенные друг от друга веком, совершенно единодушно признают, что в отношении всего народа рамки демократии *«чересчур узки»*. *«Рабство в крови их»*, — говорит Зайцев, а Померанц повторяет: *«Холуйская смесь злобы, зависти и преклонения перед властью»*.

И если вдова поэта О. Мандельштама Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях, осуждая тех, кто уходит от борьбы за духовную свободу, писала: «Нельзя напиваться до бесчувствия (...) Нельзя собирать иконы и мариновать капусту», а Троцкий (в «Литературе и революции») называл крестьянских поэтов (Есенина, Клюева и др.) *«мужиковствующими»*, говорил, что их национализм *«примитивный и отдающий* тараканами», то ведь в обоих случаях выражается одно и то же настроение. Когда Померанц пишет:

> Интеллигенция есть мера общественных сил — прогрессивных, реакционных. Противопоставленный интеллигенции, весь народ сливается в реакционную массу,

то это почти повторение (интересно, сознательное или невольное?) положений знаменитой Готской программы:

> По отношению к пролетариату все остальные классы сливаются в одну реакционную массу.

Очевидно, что здесь не только совпадение отдельных оборотов мыслей. Ведь если отжать основное ядро литературы современного «Малого Народа», попытаться свести ее идеи к нескольким основным мыслям, то мы получим столь знакомую концепцию *«проклятого прошлого»*, России — *«тюрьмы народов»*; утверждение, что все наши сегодняшние беды объясняются *«пережитками»*, *«родимыми пятнами»* — правда, не капитализма, но *«русского мессианизма»* или «русского *деспотизма»*, даже «дьявола русской тирании». Зато «великодержавный шовинизм» как главная опасность — это буквально

сохранено, будто заимствовано литературой «Малого Народа» из докладов Сталина и Зиновьева.

Вот еще одно конкретное подтверждение. Шрагин заявляет, что он не согласен, будто сознание нашего народа покалечено обработкой, цель которой была — заставить стыдиться своей истории, забыть о ее существовании, когда Россия представлялась *«жандармом Европы»* и *«тюрьмой народов»*, а история ее сводила к тому, что «ее непрерывно били» *.

Время, когда это делалось, всеми забыто, говорит он.

> Попробовал бы кто-нибудь протащить через современную советскую цензуру эти слова — «жандарм Европы», отнеся их хотя бы к русскому прошлому.

Но сам он на той же странице пишет:

> Была ли Россия «жандармом Европы? — А разве нет? Была ли она «тюрьмой народов» — у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? — Факт.

Значит, «время, когда это делалось», совсем не забыто прежде всего самим Шрагиным. Сменился только солист — перед нами как бы хорошо отрепетированный оркестр, в котором мелодия, развиваясь, переходит от одного инструмента к другому. А в то же время нам-то рисуют картину двух антагонистов, двух путей, друг друга принципиально исключающих. И представляется нам только выбор между этими двумя путями, ибо третьего, как нас уверяют, нет. Опять та же, хорошо знакомая ситуация!

Никогда, ни при каком воплощении «Малого Народа» такая полная убежденность в своей способности и праве определять жизнь «Большого Народа» не останавливалась на чисто литературном уровне. Так, Амальрик уже сравнивает теперешнюю эмиграцию с «эмиграцией надежды», предшествующей 1917 г. И конечно, можно не сомневаться, что в случае любого кризиса они будут опять здесь в роли идейных вождей, муками изгнания выстрадавших свое право на руководство. Недаром так упорно поддерживается легенда, что все они были «высланы» или «выдворены», хоть и долго обивали пороги ОВИРа, добиваясь своей визы.

* Хотя, казалось бы, какой это жандарм, если его только и делают, что бьют? Видимо, здесь сказалось желание уязвить Россию сразу двумя аргументами, хотя и противоречащими друг другу.

Другое указание на наличие некоторого слоя, проникнутого элитарными, кружковыми чувствами, не стремящегося войти в контакт с основными социальными слоями населения, даже отталкивающегося от них, можно, мне кажется, извлечь из наблюдения над нашей общественной жизнью, из различных выступлений, заявлений и т. д. Я имею в виду ту их удивительную черту, что уж очень часто они направлены на проблемы МЕНЬШИНСТВА. Так, вопрос о свободе выезда за границу, актуальный разве что для сотен тысяч человек, вызвал невероятный накал страстей *. В национальной области судьба крымских татар вызывает куда больше внимания, чем судьба украинцев, а судьба украинцев — больше, чем русских. Если сообщается о притеснениях верующих, то говорится гораздо больше о представителях сравнительно малочисленных религиозных течений (адвентистов, иеговистов, пятидесятников), чем православных или мусульман. Если говорится о положении заключенных, то почти исключительно политзаключенных, хотя они составляют вряд ли больше 1% общего числа. Можно подумать, что положение меньшинства реально тяжелее. Это совершенно неверно: проблемы большинства народа никак не менее остры, но, конечно, ими надо интересоваться; если их игнорировать, то их как бы и не будет. И пожалуй, самый разительный пример — заявление, сделанное несколько лет назад иностранным корреспондентом, что детям интеллигенции препятствуют получать высшее образование (было передано по нескольким радиостанциям). В то время, как для детей интеллигенции, особенно в крупных городах, возможность поступления в высшую школу, наоборот, больше, чем для остальных: из-за внушенной в семье установки, что высшее образование необходимо получить из-за большей культурности семьи, компенсирующей недостаточный уровень средней школы, из-за возможности нанять репетиторов. Каким позором было бы такое заявление в глазах интеллигенции прошлого века, считавшей себя в долгу перед народом! Теперь же задача — вырвать своим детям место *за счет* народа.

Еще один знак, указывающий в том же направле-

---

* А ведь широко дискутируются и более изысканные проблемы: право на свободный выбор месяца эмиграции (на три месяца раньше или позже), право на свободный выбор вызова (по американскому или израильскому вызову эмигрировать?).

нии — это «культ эмиграции». То внимание, которое уделяется свободе эмиграции, объяснение права на эмиграцию «первым среди равных» прав человека невозможно объяснить просто тем, что протестующие хотят сами уехать. В некоторых случаях это не так. Тут эмиграция воспринимается как некий принцип, жизненная философия. Прежде всего как демонстрация того, что *«в этой стране порядочному человеку жить невозможно».* Но и более того, *как модель* отношения к здешней жизни, брезгливости, изоляции и отрыва от нее. (Еще Достоевский по поводу Герцена заметил, что существуют люди, так и родившиеся эмигрантами, способные прожить так всю жизнь, даже никогда и не выехав за границу.) Насколько эта тема деликатная и болезненная, показывают следующие два примера. 1) На одной пресс-конференции была высказана мысль, что эмиграция все же не подвиг, а уезжают люди, порвавшие духовные связи со своей родиной, которые поэтому уже вряд ли способны внести большой вклад в ее культуру. Опровержения и протесты так и посыпались в западной и эмигрантской печати, по радио... Один живущий здесь писатель написал громадную статью во французскую левую газету «Ле Монд», в которой, в частности, утверждал, что *«отрыв от родины»* — всегда подвиг и *что «мы (?), оставшиеся, благословили уехавших».* 2) Выходящий в Париже на русском языке журнал «Континент» в своем первом номере, где предлагается программа журнала и прокламируется его намерение говорить от имени «Континента Восточной Европы», публикует статью одного из его организаторов и влиятельного члена редколлегии, А. Синявского* (под псевдонимом Абрам Терц). *«Сейчас на повестке дня третья эмиграция»,* — пишет автор. Понимает он ее широко. *«Но все бегут и бегут»* — не только люди, например, эмиграция совпадает с тем, что *«уходят и уходят из России рукописи».* А кончается статья картиной:

> Когда мы уезжали, а мы делали это под сурдинку, вместе с евреями, я видел, как на дощатом полу грузовика подпрыгивают книги по на-

* А. Д. Синявский в 60-е годы опубликовал на Западе под псевдонимом Абрам Терц несколько рассказов и повестей. Был судим и осужден на 7 лет. Отбыв 4 года, был амнистирован и эмигрировал. В Париже был одним из организаторов журнала «Континент». Опубликовал несколько книг, из которых «Прогулки с Пушкиным», имели успех скандала (типичная рецензия: «Прогулки хама с Пушкиным»). Сейчас издает в Париже журнал «Синтаксис».

правлению к таможне. Книги прыгали в связке, как лягушки, и мелькали названия: «Поэты Возрождения», «Салтыков-Щедрин». К тому времени я от себя уже все отряс. Но они прыгали и прыгали. (...) Книги тоже уезжали...

Я только радовался, глядя на пачки коричневых книжек, что вместе со мной, поджав ушки, уезжает сам Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Мы уезжали навсегда. Все было кончено и забыто. (...) Даль была открыта нашим приключениям. А книги прыгали. И сам, собственной персоной, поджав ушки, улепетывал Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Это какой-то гимн эмиграции, апофеоз бегства: сам автор *«все от себя отряс»*, для него *«все было кончено и забыто»*, но этого мало — бегут не только люди, но и рукописи, книги и даже *«улепетывают»* великие русские писатели — Русская Литература.

И ту же психологию «Малого Народа» мы все время можем наблюдать в нашей жизни. Популярные певцы, знаменитые рассказчики — из магнитофонов, телевизоров, с подмостков эстрады — вдалбливают в головы образ русского — алкоголика, подонка, «скота с человеческим лицом». В модном театре с репутацией либеральности идет пьеса из русского прошлого. Понимающая публика тонко переглядывается: «Как смело, как остро подмечено, как намекает на современность: действительно — в этой стране всегда так было и быть иначе не может». В кино мы видим фильмы, в которых наше прошлое представляется то беспросветным мраком и ужасом, то балаганом и опереткой. Да и на каждом шагу можно натолкнуться на эту идеологию. Например, в таком стишке, в четырех строках излагающем целую концепцию революции:

Как жаль, что Марксово наследство
Попало в русскую купель,
Где цель оправдывает средства,
А средства обо...ли цель.

Или в забавном анекдоте о том, как два червя — новорожденный и его мама — вылезли из навозной кучи на белый свет. Новорожденному так понравилась трава, солнце, что он говорит: «Мама, зачем же мы копошимся в навозе? Поползем туда!» — «Тсс, — отвечает мама, —

ведь это наша Родина!» Сами такие анекдоты не родятся, кто-то и зачем-то их придумывает!

Изложенные выше аргументы приводят к выводу:

> *литературное течение, рассматривавшееся в этой работе, является проявлением идеологии «Малого Народа», отражением его войны с «Большим Народом».*

Такая точка зрения объясняет все те черты этой литературы, которые мы отмечали на протяжении нашей работы: антипатию к России («Большому Народу»), русской истории; раздражение, которое вызывает любая попытка взглянуть на жизнь с русской национальной точки зрения; настойчивое требование идейно порвать с нашим прошлым и конструировать будущее, не обращаясь к своему историческому опыту. Здесь оказывается особенно уместным образ Кошена: лилипуты ползут на связанного Гулливера, осыпают его отравленными стрелами...

Этот вывод порождает, однако, сразу же другой вопрос: из кого состоит этот «Малый Народ», в каких слоях нашего общества он обитает? В настоящем параграфе мы проделаем только подготовительную работу, рассмотрев термины, которыми пользуются сами идеологи «Малого Народа», когда они говорят о социальных слоях, с которыми себя отождествляют. Таких терминов, хоть сколько-нибудь конкретных, употребляются два: «интеллигенция» и «диссидентское движение».

Безусловно, авторы рассматривавшихся нами работ являются людьми «пишущими» и поэтому относятся к интеллигенции в любом понимании этого слова. Точно так же те, к кому они обращаются — это читатели самиздата или люди, способные доставать выходящие на Западе русские журналы, и, вероятно, также принадлежат к интеллигенции. Поэтому правдоподобно, что наш «Малый Народ» составляет какую-то часть интеллигенции. Однако отождествлять его со всем сословием «образованных людей», например, «лиц с высшим образованием» — нет никакого основания. Жизненные взгляды миллионов учителей, врачей, инженеров, агрономов и т. д. совершенно иные. Но, к сожалению, мы унаследовали еще от XIX века дурную привычку рассматривать интеллигенцию только как единое целое. Примером такого глобального суждения была концепция «интеллигенции, противопоставившей себя народу». Если это суждение принимать точно, то от интеллигенции надо бы

отчислить славянофилов, Достоевского, Соловьева, Мусоргского (да и почти всю русскую музыку), Менделеева (который из-за своих националистических, консервативных убеждений даже не был избран в Академию наук). А ведь они для кого-то писали, имели своих читателей и слушателей — не окажется ли, что большинство интеллигенции к ней не принадлежит? В русской публицистике к интеллигенции часто применяли термин «орден» (П. Анненский, Ф. Степун, Н. Зернов). Например, Анненский писал:

> Интеллигенция представляет собой как бы воюющий орден, который не имеет никакого письменного устава, но знает всех своих членов, рассеянных по нашей земле, и который по какому-то соглашению всегда стоял поперек всего течения современной жизни.

Очень странно было бы применять этот образ к земским врачам, учителям гимназий или инженерам. Не естественно ли предположить, что авторы имели в виду некоторый очень специфический круг внутри образованной части общества, весьма напоминающий «Малый Народ»? Интересно посмотреть, как этот вопрос трактуется в известном сборнике «Вехи», имеющем подзаголовком «Сборник статей о русской интеллигенции». П. Струве оговаривается, что он имеет в виду не всю интеллигенцию, но определенную ее часть, которой свойственно *«безрелигиозное отщепенство от государства»* — черта, очень подходящая к характеристике «Малого Народа». Бердяев в начале статьи упоминает, что он имеет в виду *«кружковую интеллигенцию»*, и даже предлагает для нее новый термин: *«интеллигенщина»*. Он говорит: *«странная группа людей, чуждая органическим слоям русского общества»*. Характеристика Гершензона: *«сонмище больных, изолированных в своей стране»*. Франк называет интеллигента *«воинствующим монахом нигилистической религии безбожия»*, интеллигенция — *«кучка чуждых миру и презирающих мир монахов»*.

Сборник «Вехи» вызвал бурную реакцию либеральной части интеллигенции. Как ответ появился сборник «Интеллигенция в России», в котором участвовали видные представители этого направления: Ковалевский, Милюков, Туган-Барановский и др. Как же толкуют термин «интеллигенция» они? Милюков считает *«интеллигенцию»* ядром *«образованного класса»*, *«ей принад-*

лежит инициатива и творчество». Характеризуя ее, он пишет: *«Русская интеллигенция почти с самого своего возникновения была антиправительственна»*, у нее *«сложился свой патриотизм государства в государстве»*, особого лагеря, окруженного врагами. Он отмечает *«эмигрантское настроение»* интеллигенции. Овсянико-Куликовский пишет об интеллигенте-разночинце: *«Он относится с величайшим отвращением к историческим формам русской жизни, среди которой он чувствует себя решительным отщепенцем».*

Казалось бы, эти черты выделяют какой-то очень узкий, специфический слой или течение. Но иногда авторы совершенно определенно относят их ко всему «образованному обществу». Вопрос: «Кто же это — интеллигенция?» — как-то обходится, на него нет определенной точки зрения. Видно, что авторы сборника имели перед собой очень трудный для определения социальный феномен. Они смутно чувствовали его уникальность, но даже не поставили задачи его более точной характеристики. Дальше исчезло и это чувство: укоренилось аморфное, нерасчлененное понятие «интеллигенции», очень искаженно отражающее сложную жизненную ситуацию. Этот штамп, к сожалению, сохранился, дожил до наших дней и мешает правильно оценить нашу действительность. В частности, надо признать, что термин «интеллигенция» дает совершенно неверную интерпретацию интересующему нас «Малому Народу». Но следует помнить, что термин этот тем не менее в литературе *самого* «Малого Народа» широко используется, и, встречаясь в анализируемой литературе с термином «интеллигенция», мы можем понимать его как «Малый Народ».

Шрагин и Янов (и кажется, только они) пользуются иногда термином «диссиденты» для обозначения того течения, с которым они себя отождествляют. Термин этот еще менее определенный, чем «интеллигенция». И пущен-то он в обиход иностранными корреспондентами, в нашей жизни очень мало разбирающимися. Но при любом его понимании как раз ни Янова, ни Шрагина диссидентами не назовешь: пока они жили здесь, они были типичными «работниками идеологического сектора». Также не являются диссидентами четыре анонимных (и до сих пор не проявившихся) автора в № 97 «Вестника РСХД» и тем более Р. Пайпс.

Другие термины, которые применяет, например, По-

меранц: «элита», «избранный народ» — еще более расплывчаты. Так что, как мне представляется, та терминология, которой пользуются сами идеологи «Малого Народа», не дает возможности этот «народ» сколько-нибудь точно локализировать. Мы должны искать каких-то других путей для решения этой задачи.

§ 6. НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Направление, в котором надо это решение искать, может указать одна очень ярко заметная особенность разбираемой литературы: ее насыщенность национальными и в особенности противорусскими эмоциями. Авторы, по-видимости выступая как объективные исследователи, ищущие истину мыслители — историки, философы или социологи, часто не выдерживают своей линии и срываются в чисто эмоциональные, никак не логические выпады не только против русской истории, но и против русских вообще. Быть может, читатель уже отметил эту особенность приведенных выше цитат («вселенская русская спесь», «отсутствие чувства собственного достоинства у русских», «холуйская смесь злобы и зависти», «архитипическая российская психологическая предрасположенность к единогласному послушанию», «российская душа упивалась жестокостью власти»).

Вот еще несколько образцов, которые можно было бы объединить заголовком ОНИ О НАС:

> Россией привнесено в мир больше Зла, чем какой-нибудь другой страной (N. N.).
>
> Вековой смрад запустения на месте святом, рядившийся в мессианское «избранничество», многовековая гордыня «русской идеи» (он же).
>
> «Народ» оказался мнимой величиной, пригодной сегодня лишь для мифотворчества («Горский»).
>
> Собственная национальная культура совершенно чужда русскому народу (он же).
>
> ...византийские и татарские недоделки (о русских допетровских времен) (Померанц).
>
> (На Руси) христианские глубины практически всегда переплетаются с безднами нравственной мерзости (он же.)
>
> Страна, которая в течение веков пучится и расползается, как кислое тесто, и не видит перед собой других задач (Амальрик).

Страна без веры, без традиций, без культуры (он же).

А что самим русским в этой тюрьме сквернее всех, так это логично и справедливо (Шрагин).

(В дореволюционной России) «трудящиеся массы» пропитаны приобретательским духом худшего буржуазного пошиба в сочетании с нравственным цинизмом и политической реакционностью (Пайпс).

...исполнение мечты о «порядке» и «Хозяине», которая уже сейчас волнует народное сознание (Янов).

...традиционная преданность народа «Хозяину» (он же).

(Перемешивание населения в СССР хорошо тем, что) «у русофилов выбивают почву из-под ног». Предлагается отказаться от слов «Россия», «русский народ», заменив их на «советский народ, советские люди и т. д.»

(Белоцерковский) *

Вообще в литературе этого направления изо всех народов претензии предъявляются только русскому. Например, «национализм» без всяких оговорок подразумевается русский (см. хотя бы сборник цитат «Спектр неонационализма в «Демократических альтернативах»). И при этом Плющ еще заявляет: *«Неморальным мне кажется подсчитывать, кто на сколько процентов сделал пакостей русским за тысячу лет»,* — это в сборнике «Демократические альтернативы», где подобные «подсчеты» и упреки адресованы только русским!

Чтобы не создалось впечатление, будто здесь какую-то особую роль играет *слово,* приведем два примера, где те же чувства передаются средствами *живописи.*

1. На обложке журнала «Третья волна» (№ 6, 1979), издаваемого А. Глезером, напечатана репродукция картины художника Влад. Овчинникова: избушка и мужичок изображены на фоне кладбища, покрытого крестами. Картина называется: СОБАЧЬЕ КЛАДБИЩЕ.

* В. Белоцерковский — недавний эмигрант, участник сборника «Демократические альтернативы» и автор публицистических работ. Живет в ФРГ, возбуждал против нескольких других публицистов процессы по обвинению в антисемитизме (в ФРГ есть соответствующий закон), но не выиграл их.

2. В роскошно изданном каталоге под названием «Современная русская живопись» репродуцирована картина Александра Злотника «Тяжелое небо». На картине какое-то существо без головы, стоя, раздвинув ноги, рождает чудовище с тремя собачьими головами. Из первого существа течет моча, целое озеро мочи, рождающее реку, которая втекает как в ночной горшок — в собор Василия Блаженного.

Особую брезгливость вызывают у этих авторов крестьяне. Мы уже упоминали мнение Р. Пайпса о пословицах русских крестьян, смысл которых, по его мнению, *«примитивно прост: заботиться только о себе и не думать о других»*. Об их религии Меерсон-Аксенов * говорит:

> ...магизм и суеверие крестьянского православия. (И это пишет человек, рукоположенный в сан православного священника!)

Суждения Померанца таковы:

> Мужик не может возродиться иначе как оперный. Крестьянские нации суть голодные нации, а нации, в которых крестьянство исчезло (так!), — это нации, в которых исчез голод.
>
> Крестьяне не совершенны в религии, как в агрономии.

А Амальрик пишет:

> И если язык — наиболее полное выражение народного духа, то кто же более русский — «арапчонок» Пушкин и «жиденок» Мандельштам или мужик, который у пивной, размазывая сопли по небритым щекам, мычит: «Я... русский!» **

Этот список можно было бы продолжать и продолжать... *** Чувства, которые движут авторами, трудно иначе характеризовать, как РУСОФОБИЮ (причем

---

* М. Г. Меерсон-Аксенов. По образованию историк. Опубликовал в Самиздате и на Западе (частично под псевдонимом) несколько работ. Эмигрировал и окончил в США семинарию. Рукоположен в священники Американской Православной Церкви.

** Прошу извинения за пропуск в цитате, но как-то не вписывается грязное ругательство, употребляемое автором.

*** Именно этими эмоциями, а не элементарной неграмотностью следует, вероятно, объяснить те грубые логические и фактические ошибки, на которые мы обратили внимание в § 2. Неправдоподобно, например, чтобы Янов полагал, будто Белинский — «классик славянофильства». Скорее всего это проявление брезгливого отталкивания, когда что славянофилы, что западники одинаково омерзительны.

вполне подходят оба смысла, вкладываемые в термин «фобия» — страх и ненависть). А ненависть к одной нации скорее всего связана с обостренным переживанием своей принадлежности к другой. Не делает ли это правдоподобным, что авторы находятся под действием какой-то мощной силы, коренящейся в их национальных чувствах? Я предлагаю принять такой тезис как рабочую гипотезу и посмотреть, не поможет ли она понять все явление.

Если, приняв эту «рабочую гипотезу», спросить, ЧЬИ ЖЕ национальные чувства здесь проявляются? — то для человека, знающего жизнь нашей страны, ответ, думаю, не вызовет сомнений. Есть только одна нация, о заботах которой мы слышим чуть ли не ежедневно. Еврейские национальные эмоции лихорадят и нашу страну, и весь мир: влияют на переговоры о разоружении, торговые договоры и международные связи ученых, вызывают демонстрации и сидячие забастовки и всплывают чуть ли не в каждом разговоре. «Еврейский вопрос» приобрел непонятную власть над умами, заслонил проблемы украинцев, эстонцев, армян или крымских татар. А уж существование «русского вопроса», по-видимому, вообще не признается.

То, что рассматриваемые нами авторы часто находятся под влиянием сильных еврейских национальных чувств, подтверждается многими чертами этой литературы. Например, тем, какое место занимают в ней вопросы, волнующие сейчас еврейское националистическое движение: проблема отъезда и страх антисемитизма — они всплывают почти в каждой работе. Еще более универсальным и характерным является другой признак. Рассматриваемые работы могли бы создать впечатление, что их авторам чужд и даже антипатичен национальный аспект жизни вообще. Но вот что поражает: хотя авторы в большинстве являются евреями, они НИКОГДА не пытаются примерить к своему народу и ЕГО государству те упреки, которые они адресуют русским и России. Например, почти все авторы обвиняют русских в «мессианстве», в гордыне «избранничества». Есть ли у русских такие черты и насколько сильно они проявлялись — вопрос спорный. Но ведь «мессия» — не русское слово! Бердяев говорил, что любой мессианизм есть лишь подражание еврейскому. Именно у евреев представление о себе как «Избранном Народе» и ожидание Мессии составляет несомненную основу их

религии, а религия — основу государства Израиль — и ни один из авторов в ЭТОМ не видит ничего болезненного или неестественного.

Ярче всего эти стороны выступают в работах Янова (что Янов еврей, подчеркивает Бреслауер в предисловии к одной из его книг, считая это очень важной чертой для характеристики Янова). Он очень искренне описывает свою растерянность и недоумение, когда в 60-е годы в СССР «наступили новые и странные времена»: вместо того, чтобы отдыхать в санаториях Крыма и Кавказа, интеллигенты начали бродить по деревням, собирая иконы и даже выражая беспокойство по поводу того, что крестьянское население исчезает! Как он стремился убедить всех «честных и мыслящих людей», что, склоняясь к русскому национализму, они вступают на опасный и темный путь! Но, по-видимому, ему не казалось странным, что его соплеменники в то же самое время отправлялись не в близкую деревню, а в далекую тропическую страну — не в отпуск, а навсегда — и притягивали их не иконы, которым молились еще их отцы и деды, а Храм, разрушенный почти 2000 лет назад! Или вот Янов описывает русскую националистическую группу, провозгласившую в своей программе неприкосновенность свободы личности, свободу всех методов распространения истины, демонстраций и собраний и т. д. Тем не менее Янов считает, что это — начало пути, который неизбежно приведет к деспотизму только потому, что они говорили о духовном возрождении и русском пути, употребляя выражение «Великая Россия», и предлагали обеспечить особую роль Православия в будущей России. Но ведь все эти черты — и не в виде мечтаний 30 молодых людей, а в реальности — можно наблюдать в государстве Израиль! Считает ли Янов, что оно неизбежно пойдет по пути деспотизма? Однако Израиль упоминается в его книгах лишь однажды — и как пример демократического государства. Янов полагает, что традиционный образ мышления русских заключается в том, чтобы по любому поводу спрашивать «кто в этом виноват?», попытаться свалить вину на других, в «презумпции национальной невиновности». (Заключение не безусловно убедительное — часто ведь отмечается и склонность к *покаянию,* типичная для русских, сказавшаяся в типах «кающегося дворянина» и «кающегося интеллигента», в помощи русских польскому восстанию 1863 г. и т. д.)

С другой стороны, в его книгах и статьях исключительно большую роль играет концепция «антисемитизма». Но ведь содержание этой концепции и выражается лучше всего его термином: «презумпция национальной невиновности», вопросом «кто виноват?» в злоключениях евреев и ответом — все остальные, от жителей древней Элефантины или античной Александрии до современных русских. И Янов не видит здесь никаких параллелей! Некоторые аргументы таковы, что они вообще имеют смысл, только если они обращены к людям тех же взглядов, смотрящим на все вопросы с точки зрения еврейского национализма. Так, Янов приводит в качестве документа, который должен показать отрицательные черты русского национализма, письмо, распространявшееся среди аппарата одной западной радиостанции. Автор письма утверждает, что большинство аппарата русской редакции — евреи, проводящие русофобскую политику. (Янов заимствует эти данные из статьи Белоцерковского — того самого, который хотел *«выбить почву из-под ног русофилов»*. О содержании этой статьи он ничего не сообщает.) Но что предосудительное может в этом увидеть беспристрастный читатель? Сам Янов считает главным злом внесение в политику моральных оценок, демократами он признает только тех, кто борется за свои права «в экономической и политической сферах». Вот русские и борются за свои права в русской же редакции! Ведь недавний упрек еврейкой «Лиги борьбы с диффамацией», что процент евреев, занятых в американском банковском бизнесе недостаточно высок, не вызвал возмущения! С негодованием Янов отмечает, что автор не останавливается перед тем, чтобы «исследовать кровь (т. е. расовое происхождение)», по-видимому, считая, что говорить об этом недопустимо. (Хотя почему бы? В «открытом обществе», сила которого, как нас уверяют, в том, что *все* обсуждается, ничто не замалчивается?) Но тут же Янов доказывает, что и он может делать то же самое, только лучше, поправляя автора: двое из указанных им как евреи таковыми не являются.

Лишь предположение о националистически-еврейской подоплеке может объяснить загадку опубликования статьи Янова о славянофилах — в Тель-Авиве! Увы, славянофилами и в Москве-то мало кто интересуется, кому до них дело в Тель-Авиве? Но с предлагаемой точки зрения ситуация становится понятной. Автор хочет

сказать: «Не доверяйте свободолюбивому, духовному облику, который имеет русское национальное движение! В конце концов оно приведет к вредным для нас результатам. Так было раньше, так будет всегда». И действительно, мотив «антисемитизма» возникает на последней странице статьи.

Наконец, и у самих идеологов «Малого Народа» нередки заявления, которые, если воспользоваться известным нам переводом: «интеллигенция» — «Малый Народ», приобретают смысл прокламирования особой, центральной роли, которую играет в современном нам «Малом Народе» его еврейское ядро. Так Н. Я. Мандельштам (вдова поэта) пишет:

> Евреи и полукровки сегодняшнего дня — это вновь зародившаяся интеллигенция.
>
> Все судьбы в наш век многогранны, и мне приходит в голову, что всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей...

Мысль, по-видимому, не случайная, так как мы встречаем ее и у других авторов. Например, Борис Хазанов (псевдоним, автор сообщает, что живет здесь), говорит:

> Такова ситуация русского еврейства, какой она мне представляется. Я не вижу противоречия между моей «кровью» и тем, что я говорю по-русски; между тем, что я иудей, и тем, что я русский интеллигент. Напротив, я нахожу это сочетание естественным. Я убеждаюсь, что быть русским интеллигентом сейчас неизбежно значит быть евреем.

Автор не принимает эмиграции как выхода (по крайней мере, для себя). Тем не менее он заявляет:

> ...Я торжественно ставлю крест на теории ассимиляции, на философии ассимиляционизма. (...) Я принимаю как нечто законное то, что я чужой здесь, и в этом состоит мое освобождение. (...) Я не сознаю себя блудным сыном, которому пора вернуться под отчий кров, моя родина всегда со мной, где бы я ни скитался, мне нет надобности осознавать себя евреем, я и так еврей с головы до кончиков ногтей. Вы скажете, а почва? Как можно жить, имея под ногами бездну? Но удел русских евреев — ступать по воде.

Заявляя, что он не собирается уезжать, автор говорит:

> Патриотизм в русском понимании слова мне чужд. Та Россия, которую я люблю, есть платоновская идея, в природе ее не существует. Россия, которую я вижу вокруг себя, мне отвратительна *.

Вместе с тем автор берется указать некоторую миссию, особую роль русского еврейства (или, по крайней мере, какой-то его части):

> Заменив вакуум, образовавшийся после исчезновения (!) русской интеллигенции, евреи сами стали этой интеллигенцией. При этом, однако, они остались евреями. Поэтому им дано переживать ситуацию изнутри и одновременно видеть ее со стороны. Русские люди этого преимущества лишены — что они неоднократно доказывали.

Так же и Шрагин подчеркивает национальную окраску своего понимания интеллигенции («Малого Народа»):

> Национальный склад русского интеллигента имеет мало общего с национальным складом крестьянина, рабочего или бюрократа. ...Еще Гершензон заметил, что русский интеллигент даже антропологически иной тип, чем человек из народа.

Да и Янов, излагая свой проект духовной оккупации и преобразования России «западным интеллектуальным сообществом», не забывает добавить, что для осуществления этого грандиозного плана понадобится «Новый Барух или Маршалл».

Особенно поучительной представляется мне мысль, высказанная Померанцем:

> Даже Израиль я хотел бы видеть не чисто еврейским государством, а убежищем для каждого «перемещенного лица», для каждого человека, потерявшего родину, центром вселенской международной диаспоры (которая растет и ширится). Если у еврейского народа, после трех тысяч лет истории, есть некоторая роль, то скорее в этом, а не в том, чтобы просто выжить и быть как все.

---

* Это не пустые слова — его книга пропитана отвращением к России и русским, выплескивающимся почти на каждой странице.

Интересно было бы понять, что это за «перемещенные лица»? Вероятно, образ этот применяется не буквально, например, это не арабские беженцы из Палестины. Скорее здесь подразумеваются люди, утратившие почву, по аналогии с «потерявшими родину». Образ Израиля как столицы или Ватикана, объединяющего международную диаспору людей без «корней», утративших почву и родину, вполне соответствует концепции «Малого Народа», в нашу эпоху находящегося под доминирующим влиянием одного из течений еврейского национализма.

Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас «Малый Народ». Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным течением? Кажется, что это не так — дело обстоит сложнее. Психология «Малого Народа», когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед «Большим Народом» и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако «Малый Народ» «воплощается»: использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя «Большому Народу». Это может быть религиозная группа (в Англии — пуритане), социальная (во Франции — III сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма — у нас). Но, как во Франции в революции играли видную роль священники и дворяне, так и у нас можно встретить многих русских или украинцев среди ведущих публицистов «Малого Народа». В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе все движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ.

По-видимому, в жизни «Малого Народа», обитающего сейчас в нашей стране, еврейское влияние играет исключительно большую роль: судя по тому, насколько вся литература «Малого Народа» пропитана идеями еврейского национализма, естественно думать, что именно из националистически настроенных евреев состоит то центральное ядро, вокруг которого кристаллизуется этот слой. Их роль можно сравнить с ролью фермента, ускоряющего и направляющего процесс формирования «Малого Народа». Однако сама категория «Малого На-

рода» шире: он существовал бы и без этого влияния, хотя активность его и роль в жизни страны была бы, вероятно, гораздо меньше.

§ 7. БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Но если и принять, что обостренный русофобский характер литературы «Малого Народа» объясняется влиянием каких-то еврейских националистических течений, то все же остается вопрос: почему некое течение еврейского национализма может быть проникнуто таким раздражением, чтобы не сказать — ненавистью к России, русской истории и вообще русским? Ответ будет очевидным, если обратить внимание на ту проблему, с с которой так или иначе соприкасается почти каждое произведение русофобской литературы: КАКОЕ ВЛИЯНИЕ НА СУДЬБУ ЭТОЙ СТРАНЫ ОКАЗАЛ БЕСПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ПРИЛИВ ЕВРЕЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ — КАК РАЗ В ЭПОХУ ВЕЛИЧАЙШЕГО КРИЗИСА В ЕЕ ИСТОРИИ? Вопрос этот должен быть очень болезненным для еврейского националистического сознания.

Действительно, вряд ли был в Истории другой случай, когда на жизнь какой-либо страны выходцы из еврейской части ее населения оказали бы такое громадное влияние. Поэтому при любом обсуждении роли евреев в любой стране опыт России очень долго будет одним из основных аргументов. И прежде всего в нашей стране, где мы еще долго обречены распутывать узелки, затянутые в ту эпоху. С другой стороны, этот вопрос становится все более актуальным во всем мире, особенно в Америке, где как раз теперь «лобби» еврейского национализма достигло такого необъяснимого влияния, когда в основных вопросах политики (например, отношения с СССР или нефтедобывающими арабскими странами) на решения влияют интересы численно небольшой группы населения или когда конгрессмены и сенаторы упрекают президента в том, что его действия могут ослабить государство Израиль — и президент вместо того, чтобы напомнить им, что они должны руководствоваться американскими, а не израильскими интересами, извиняется и доказывает, что никакого урона Израиль не поне-

сет *. В такой ситуации, естественно, может возникнуть желание познакомиться с тем, к каким последствиям подобное же влияние привело в судьбе другой страны.

Эта проблема никогда еще, насколько мне известно, не поднималась русской стороной (здесь, а не в эмиграции). Но другую сторону она явно беспокоит и все время всплывает в литературе «Малого Народа» и в произведениях новейшей эмиграции. Проблема часто хоть и называется, но либо формулируется так, что нелепость, неуместность самого вопроса становится совершенно очевидной, либо тут же закрывается при помощи первого попавшегося аргумента. Например, *«революцию делали не одни евреи»,* утверждает аноним NN, блистательно опровергая взгляд, что *«революцию делали одни евреи»* (который, впрочем, никаким разумным человеком и не мог быть высказан). Один автор в «Континенте» признает участие евреев в революции на 14% (?!) — *«вот за эти 14% и будем отвечать»!* Вот еще пример: пьеса «Утомленное солнце» (вообще замечательная клокочущей ненавистью к русским), напечатанная в издающемся на русском языке в Тель-Авиве журнале. Автор — Нина Воронель, недавний эмигрант из СССР (может быть, пьеса здесь и писалась?). В пьесе трус и негодяй Астров спорит с чистым, принципиальным Веней. Астров кричит: *«...ответственности вы не несете, но устраиваете нам революции, отменяете нашего Бога, разрушаете церкви». — «Да чего вы стоите, если вам можно революцию устраивать!»* — парирует Веня. Многие авторы отвергают мысль о сильном еврейском влиянии на русскую историю как оскорбительную для русского народа, хотя это единственный пункт, в котором они готовы проявить к русским такую деликатность. В недавней работе Померанц так и кружит над этим «проклятым вопросом». То он спрашивает, были ли евреи, участвующие в революционном движении, на самом деле евреями, — и признает вопрос неразрешимым:

* Вот один из бесчисленных примеров. В передаче от 29 апреля 1979 г. «Голос Америки» начал сводку последних известий с сообщения о том, что четыре еврея, осужденные в СССР за попытку угона самолета и теперь амнистированные, прибыли в Израиль. «Их освобождение рассматривается как попытка Москвы добиться расширения советско-американской торговли». Все уже так приучены, что никому не надо объяснять, какое же отношение имеет освобождение четырех еврейских террористов к советско-американской торговле? И никого не удивляет, что госдепартамент организует пресс-конференции террористам, что их принимают высшие официальные лица США, они выступают в английском парламенте.

«А кто такой Врангель (т. е. немец ли?). Троцкий? Это зависит от ваших политических взглядов, читатель». То открывает универсальную закономерность русской жизни — что в ней всегда ведущую роль играли нерусские: *«Даже в романах русских писателей какие фамилии носят деловые, энергичные люди? Костанжогло, Инсаров, Штольц... Тут уже заранее было приготовлено место для Левинсона».* Ставится даже такой «мысленный эксперимент»: если бы опричника Федьку Басманова перенести в наш век и сделать наркомом железнодорожного транспорта, то у него, утверждает автор, поезда непременно сходили бы с рельсов, а вот *«у мерзавца Кагановича поезда ходили по расписанию (как раньше у Клейнмихеля)»* — хотя должен был бы автор помнить тот первозданный хаос, который царил на железных дорогах, когда ими распоряжался «железный нарком»! И наконец, намекает, что если и было что-то там, ну... не совсем гуманное, то в этом виноваты сами русские, такая у них страна: *«Блюмкин, спьяну составляющий список на расстрел, немыслим в Израиле: нет ни пьянства, ни расстрелов».* (За исключением разве расстрелов арабских крестьян, как в деревне Дейр-Ясин! — *Авт.*) Последнее рассуждение сквозит подтекстом и во всей русофобской литературе: если что и было, во всем виноваты сами русские, у них жестокость в крови, такова вся их история. Именно этот лейтмотив и придает такой яркий антирусский оттенок идеологии современного нам «Малого Народа», именно поэтому возникает необходимость снова и снова доказывать жестокость и варварство русских.

Впрочем, в такой реакции нет ничего специфически еврейского: в прошлом каждого человека и каждого народа есть эпизоды, о которых вспоминать не хочется, куда легче внушить себе, что вспоминать не о чем. По-человечески удивляться надо скорее тому, что были честные и мужественные попытки разобраться в том, что произошло. Такой попыткой был сборник «Россия и евреи», изданный в Берлине в 1923 г. Были и другие подобные попытки. Они вселяют надежду, что отношения между народами могли бы определяться не эгоизмом и взаимной ненавистью, а раскаянием и доброжелательностью. Они приводят к важному вопросу: нужно ли нам размышлять о роли евреев в нашей истории, неужели не достаточно у нас своих грехов, ошибок и проблем? Не плодотворнее ли путь раскаяния каждо-

го народа в своих ошибках? Безусловно, это — высшая точка зрения, и от сознания своих исторических грехов не уйти никуда, как это ни трудно, особенно перед лицом злобных и недобросовестных нападок, подобных тем, которые мы в большом числе приводили. Но совершенно очевидно, что человечество далеко еще не созрело для того, чтобы ограничиваться лишь этим путем. Если перед нами болезненная проблема, от понимания которой зависит, быть может, судьба нашего народа, то чувство национального самосохранения не допускает, чтобы мы от нее отворачивались, запрещали себе думать о ней в надежде, что другие за нас ее разрешат. Тем более что надежда эта очень хрупкая. Ведь и те попытки анализа взаимоотношений евреев с другими народами, о которых мы говорили, сколько-нибудь широкого отклика не вызвали. Авторы сборника «Россия и евреи» очень ярко описывают враждебное отношение, которое они встретили в эмигрантской еврейской среде, о них писали: «отбросы еврейской общественности...» И так же дело обстоит и сейчас: например, А. Суконин, напечатавший в «Континенте» рассказ, где выведен несимпатичный еврей, немедленно был обвинен в «антисемитизме».

Да всем этим можно было бы еще пренебречь, если бы речь шла о судьбах каждого из нас индивидуально, но ведь ответственны же мы и перед своим народом, так что, как эта проблема ни болезненна, уклониться от нее невозможно.

А обсуждать ее нелегко. Жизнь в стране, где сталкиваются столько национальностей и национальные чувства обострены до предела, вырабатывает, часто даже неосознанную, привычку осторожно обходить национальные проблемы, не делать их предметом обсуждения. Чтобы высказаться по этому вопросу, надо преодолеть некоторое внутреннее сопротивление. Однако выбор уже сделан теми авторами, взгляды и высказывания которых мы привели. Нельзя же в самом деле предположить, чтобы один народ, особенности его истории, национального характера и религиозных взглядов — обсуждался (часто, как мы видели, крайне злобно и бесцеремонно), а обсуждение других было бы недопустимо.

Но здесь нам монолитной глыбой перегораживает путь глубоко укорененный, внушенный запрет, делающий почти безнадежной всякую попытку разобраться в

этом вопросе. Он заключается в том, что всякая мысль, будто когда-нибудь или где-нибудь действия каких-то евреев принесли вред другим народам, да даже всякое объективное исследование, не исключающее с самого начала возможность такого вывода, объявляется реакционным, неинтеллигентным, нечистоплотным.

Взаимоотношения между любыми нациями: немцами и французами, англичанами и ирландцами или персами и курдами можно свободно обсуждать и объективно указывать на случаи, когда одна сторона пострадала от другой. Можно говорить об эгоистической позиции дворянства, о погоне буржуазии за прибылями или о закоренелом консерватизме крестьянства. Но по отношению к евреям подобные суждения, независимо от того, оправданны они или нет, с этой точки зрения в принципе запрещены. Такой, нигде явно не высказанный и не записанный запрет строго соблюдается всем современным цивилизованным человечеством, и это тем больше бросается в глаза, чем более свободным, «открытым» претендует быть общество, а разительнее всего — в Соединенных Штатах.

Яркий пример обнаженного применения этого положения — в недавней статье Померанца. В одной статье он обнаруживает фразу: «Аппарат ЧК изобиловал латышами, поляками, евреями, мадьярами, китайцами» и по этому поводу пишет:

> Он перечисляет, безо всякого лицеприятия, латышей, поляков, евреев, мадьяр и китайцев. *Опасное* слово засунуто посредине так, чтобы его и выдернуть нельзя было для цитирования.

Слово «опасное» подчеркнуто мною. Очень хотелось бы понять, как Померанц объясняет, что опасно именно это «засунутое в середину» слово, а не то, например, которое стоит в конце, хотя китайцев в мире в 50 раз больше, чем евреев. И никак уже не опасно было ему назвать русских *«недоделками»* и *«холуями»?* Очень характерно, что Померанц отнюдь не оспаривает самого факта, он даже иронизирует над осторожностью автора:

> Однако позвольте, разве евреи действительно играли третьестепенную роль в русской революции? Поменьше поляков, побольше мадьяр? Современники смотрели на эти вещи иначе...

Он просто предупреждает, что автор подходит к границе, переступить которую недопустимо.

И в этом Померанц прав — «слово» действительно опасное! На каждого, осмелившегося нарушить вышеуказанный запрет, обрушивается обвинение в «антисемитизме». Откровенный Янов этим грозит особенно неприкрыто. Упоминая о «националистах», он говорит:

> ...возразят они мне, что антисемитизм — атомная бомба в арсенале их оппонентов. Но если так, то почему бы не лишить своих оппонентов их главного оружия, публично отрекшись... и т. д.

Это «главное оружие» не уточненных Яновым «противников национализма» действительно является «оружием устрашения», сравнимым с атомной бомбой. Недаром в наше время опасную тему обходят самые принципиальные мыслители, здесь умолкают самые смелые люди.

Что же представляет собой эта «атомная бомба»? Всем известно, что антисемитизм грязен, некультурен, что это позор XX века (как, впрочем, и всех других веков). Его объясняли дикостью, неразвитостью капиталистических отношений, или, наоборот, загниванием капитализма, или еще завистью менее талантливых наций к более талантливой. Бебель считал его особой разновидностью социализма: «социализмом дураков». Сталин — «пережитками каннибализма», Фрейд объяснял антипатией, вызываемой обрезанием у необрезанных (у которых обрезание подсознательно ассоциируется с неприятной идеей кастрации). Другие считали его пережитком маркионитской ереси, осужденной во II веке Церковью, или хулой на Богоматерь. Но никто никогда не разъяснил то, с чего, казалось бы, надо было начать, что это такое, антисемитизм, что подразумевается под этим словом? По сути-то, речь идет о том самом запрете: не допустить даже как предположения, что действия каких-то еврейских групп, течений, личностей могли иметь отрицательные последствия для других. Но так открыто его формулировать, конечно, нельзя. Поэтому и напрасно добиваться ответа, его дано не будет, ибо тут и заключается взрывная мощь этой атомной бомбы: в том, что вопрос уводится из сферы разума в область эмоций и внушений. Мы имеем дело с символом, знаком, функции которого — мобилизовать иррациональные эмоции, вызвать по сигналу прилив раздражения, возмущения и ненависти. Такие символы или штампы, являющиеся сигналом для спонтанной реакции, хорошо известный элемент управления массовым сознанием.

И применяют обычно штамп «антисемитизма» именно как средство воздействия на эмоции, сознательно игнорируя логику, стремясь увести от всякого с ней соприкосновения. Яркие примеры можно встретить у автора, вообще весьма озабоченного этой темой, — А. Синявского. В уже цитированной нами статье в № 1 журнала «Континент», он пишет:

> Здесь уместно сказать несколько слов в защиту антисемитизма в России. То есть: что хорошее скрыто в психологическом смысле в русском недружелюбии (выразимся так помягче) к евреям.

И разъясняет, что сколько бы бед русский человек ни натворил, он просто не в силах постичь, что все это получилось от его же собственных действий, и валит грех на каких-то «вредителей» — в частности, на евреев. Но дальше, поднимаясь до пафоса, автор по поводу еврейской эмиграции (до которой, конечно, евреев довели русские), восклицает: *«Россия — Мать, Россия — Сука, ты ответишь и за это очередное, вскормленное тобою и выброшенное на помойку (?) дитя».*

Видите, автор даже берет русских под защиту, старается, сколько возможно, извинить их антисемитизм, найти в нем что-то и «хорошее», ибо ведь они не ведают, что творят, а в более современной терминологии — невменяемы (хотя Россия — Сука все же ответит и за это, и за что-то еще...). И уж от такого защитника читатель принимает на веру, без единого доказательства, утверждение о том, что «недружелюбие» русских к евреям как нации действительно существует, и не задумывается, всегда ли евреи «дружелюбны» к русским.

В каком другом вопросе такой трюк сошел бы с рук! А тут эти мысли признаются столь важными, что в английском переводе сообщаются американскому читателю.

В более поздней статье того же автора приводится несколько высказываний «писателя Н. Н.» вроде того, что еврейские погромы были и при Мономахе или что сейчас в московской организации Союза писателей евреев 80%. Не пытаясь ни оценить правильность этой цифры, ни то, какое влияние подобное положение вещей могло бы оказать на развитие русской литературы, автор утверждает, что Н. Н. призывает *«приступить к погромам, опоясавшись Мономахом»* и даже, что *«мы имеем дело (...) с православным фашизмом».* Видно,

что цель — увести читателя с неуютной для автора почвы фактов и размышлений. Вместо этого внушается образ русских — почти невменяемых недоумков, а любые неприятные высказывания перекрашивают под призывы к погрому. В русофобской литературе мы встречали такие уверенные обвинения русских в отсутствии уважения к чужому мнению! Авторы так часто прокламировали «плюрализм» и «толерантность», что мы, казалось бы, могли рассчитывать встретить эти черты у них самих. Однако когда они сталкиваются с болезненными для них вопросами, то не только не проявляют терпимости и уважения к чужому мнению, но без обиняков объявляют своих оппонентов фашистами и чуть ли не убийцами. А ведь как раз в трудных, болезненных ситуациях только и проверяются и «плюрализм» и «толерантность». Если пытаться на этой модели понять, что же подразумевают авторы под свободой мысли и слова, то ведь может показаться, что они понимают ее как свободу *своей* мысли и свободу слова лишь для *ее выражения!*

Более рационально аргументированно тот же запрет высказывается в такой форме: неоправданно любое суждение о целом народе, этим отрицается автономность человеческой индивидуальности, одни люди становятся ответственными за действия других. Но, приняв такую точку зрения, мы должны были бы вообще отказаться от применения в истории общих категорий: сословие, класс, нация, государство. Впрочем, подобных возражений почему-то не вызывают ни такие мысли, что *«Россией привнесено в мир больше зла, чем любой другой страной»,* ни раздающиеся в последнее время в США требования (еврейских авторов) больше освещать вклад (разумеется, положительный) евреев в американскую культуру (тоже ведь — суждение о целой нации!).

Главное же, никакого отрицания индивидуальности здесь не происходит. Мы, например, привели выше аргументы в пользу того, что разбираемая нами русофобская литература находится под сильным влиянием еврейских националистических чувств. Но ведь не все же евреи принимают в этой литературе участие! Есть и такие, которые против нее возражают (некоторых из них мы называли выше). Так что здесь вполне остается свобода проявления своей индивидуальности и ни на кого не возлагается ответственность за действия, им не совершенные.

Раз уж мы произнесли слово «ответственность», то позволим себе еще одно разъяснение. В этой работе мы вообще отказываемся от всяких «оценочных суждений», от постановки вопроса «кто виноват?» (и насколько). Дальше мы попытаемся лишь понять: что же происходит? Как отразилась на истории нашей страны та роль, которую некоторые слои еврейства играли в течение «революционного века» — от середины XIX до середины XX века?

§ 8. ЕВРЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ В «РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕК»

В конце XIX века устойчивая, замкнутая жизнь религиозных общин, объединявших почти всех живших в России евреев, стала быстро распадаться. Молодежь покидала религиозные школы и патриархальный кров и вливалась в русскую жизнь — экономику, культуру, политику, все больше влияя на нее. К началу XX в. это влияние достигло такого масштаба, что стало весомым фактором русской истории. Если оно было велико и в экономике, то особенно бросалось в глаза во всех течениях, враждебных тогдашнему жизненному укладу. В либерально-обличительной прессе, в левых партиях и террористических группах евреи, как по их числу, так и по их руководящей роли, занимали положение, совершенно несопоставимое с их численной долей в населении:

> ...факт безусловный, который надлежит объяснить, но бессмысленно и бесцельно отрицать —

писали об этом объективные еврейские наблюдатели (цитированный выше сборник «Россия и евреи»).

Естественно, что весь процесс особенно обострился, когда разразилась революция. В том же сборнике читаем:

> Теперь еврей — во всех углах, на всех ступенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе Невской столицы, и во главе армии, совершенней-шего механизма самоистребления. Он видит, что проспект Св. Владимира носит славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект переименован в проспект Володарского, а Павловск — в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...

Тем не менее мысль, что *«революцию делали одни евреи»* — бессмыслица, выдуманная, вероятно, лишь затем, чтобы ее было проще опровергнуть. Более того, я не вижу никаких аргументов в пользу того, что евреи вообще «сделали» революцию, т. е. были ее инициаторами, хотя бы в виде руководящего меньшинства.

Если начинать историю революции с Бакунина, Герцена и Чернышевского, то в их окружении не было никаких евреев, а Бакунин и вообще относится к евреям с антипатией. Когда возникли первые революционные прокламации («К молодой России» и др.), в период «хождения в народ» и когда после его неудачи произошел поворот к террору, евреи в революционном движении были редким исключением. В самом конце 70-х годов в руководстве «Народной Воли» было несколько евреев (Гольденберг, Дейч, Зунделевич, Геся Гельфман), что, после убийства Александра II, привело ко взрывам народного возмущения, направленного против евреев. Но как слабо было влияние евреев в руководстве организации, показывает то, что «Листок Народной Воли» ОДОБРИЛ эти беспорядки, объяснив их возмущением народа против евреев-эксплуататоров. К концу 80-х годов положение несколько изменилось. Согласно сводке, составленной министерством внутренних дел, среди известных ему политических эмигрантов евреи составляли немного более трети — 51 на 145. Только после создания партии эсеров евреи образовали прочное большинство в руководстве этого движения. Вот, например, краткая история Боевой Организации: ее создал и ею с 1901 по 1903 г. руководил Гершуни, с 1903 по 1906 г. — Азев *, с 1906 по 1907 г. — Зильберберг. После этого во главе встал Никитенко, но через два месяца был арестован, а в 1908 г. она была распущена (когда выяснилась роль Азева). Обильный материал в этом отношении дают донесения Азева, позже опубликованные. В одном из них он перечисляет членов заграничного комитета: Гоц, Чернов, Шишко, супруги Левиты, жена Гоца, Миноры, Гуревич и жена Чернова, а в другом — «узкий круг руководителей партии»: Мендель, Виттенберт, Левин, Левит и Азев. Аналогичную эволюцию мы видим и в социал-демократии. Идея, что не крестьяне, а рабочие могут стать главной революционной силой, была

* Кажется, его фамилию надо произносить Азев, а не Азéф.

высказана применительно к России не евреями, а Якубовичем и особенно Плехановым, который начал пересадку марксизма на русскую почву. В социал-демократии сначала гораздо больше евреев было среди меньшевиков, чем среди большевиков (в заметке о V съезде РСДРП Сталин писал, что в меньшевистской фракции подавляющее большинство составляли евреи, а в большевистской — русские, и приводил известную «шутку», что неплохо бы устроить в русской социал-демократии еврейский погром). К большевикам еврейские силы стали приливать только перед самым октябрьским переворотом и особенно вслед за ним — от меньшевиков, из Бунда (многие вожди Бунда перешли в большевистскую партию), из беспартийных. После переворота несколько дней главой государства был Каменев, потом до своей смерти — Свердлов. Во главе армии стоял Троцкий, во главе Петрограда — Зиновьев, Москвы — Каменев, Коминтерн возглавлял Зиновьев, Профинтерн — А. Лозовский (Соломон Дризо), во главе комсомола стоял Оскар Рывкин (сначала, несколько месяцев, Ефим Цетлин) и т. д.

Положение в 30-е годы можно представить себе, например, по спискам, приведенным в книге Дикого. Если в самом верховном руководстве число еврейских имен уменьшается, то в инстанциях пониже влияние расширяется, уходит вглубь. В ответственных наркоматах (ОГПУ, иностранных дел, тяжелой промышленности) в руководящей верхушке (наркомы, их заместители, члены коллегии) евреи занимали доминирующее положение, составляли заведомо больше половины. В некоторых же областях руководство почти сплошь состояло из евреев.

Но это все лишь количественные оценки. Каков же был *характер того влияния,* которое оказало на ту эпоху радикальное еврейство? Бросается в глаза особенно большая концентрация еврейских имен в самые болезненные моменты, среди руководителей и исполнителей акций, которые особенно резко перекраивали жизнь, способствовали разрыву исторических традиций, разрушению исторических корней.

Например, из большинства мемуаров времен гражданской войны возникает странная картина: когда упоминаются деятели ЧК, поразительно часто всплывают еврейские фамилии — идет ли речь о Киеве, Харькове, Петрограде, Вятке или Туркестане. И это в то время,

когда евреи составляли всего 1—2% населения Советской России! Так, Шульгин приводит список сотрудников Киевской ЧК: в нем почти исключительно еврейские фамилии. И рассказывает о таком примере ее деятельности: в Киеве до революции был «Союз русских националистов» — его членов расстреливали по спискам.

Особенно же ярко эта черта выступает в связи с расстрелом Николая II и его семьи. Ведь речь шла не об устранении претендентами на престол своего предшественника — вроде убийства Петра III или Павла I: Николай II был расстрелян именно как Царь, этим ритуальным актом подводилась черта под многовековой эпохой русской истории, так что сравнивать это можно лишь с казнью Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции. Казалось бы, от такого болезненного, оставляющего след во всей истории действия представители незначительного этнического меньшинства должны были бы держаться как можно дальше. А какие имена мы встречаем? Лично руководил расстрелом и стрелял в Царя Яков Юровский, председателем местного Совета был Белобородов (Вайсбарт), а общее руководство в Екатеринбурге осуществлял Шая Голощекин. Картина дополняется тем, что на стене комнаты, где происходил расстрел, было обнаружено написанное (по-немецки) двустишие из стихотворения Гейне о царе Валтасаре, оскорбившем Иегову и убитом за это *. Или вот другая эпоха: состав верхушки ОГПУ в период раскулачивания и Беломорканала, в переломный момент нашей истории, — когда решалась судьба крестьянства (он приведен в книге одного английского исследователя, вовсе не желающего подчеркнуть национальный аспект) : председатель Ягода (Игуда), заместители — Агранов, Трилиссер, позже Фриновский; начальник оперотдела — Валович, позже Паукер; начальник ГУЛАГа — Матвей Берман, потом Френкель; политотдел — Ляшков; хозяйственный отдел — Миронов; спецотдел — Гай, иностранный отдел — начальник Слуцкий, заместитель — Борис Берман и Шпилгельгласс; транспортный отдел — Шанин. А когда Ягоду сменил Ежов,

* Довольно откровенной попыткой затемнить именно этот аспект екатеринбургской трагедии является недавняя книга двух английских журналистов. Но по другому поводу мы узнаем из нее, что на стенах дома, где произошел расстрел царской семьи, были обнаружены надписи на идиш!

его заместнтелямн былн Берман н Фриновскнй. Илн, наконец, уннчтожение Православной Церквн: в 20-е годы нм руководнл Троцкий (прн ближайшем помощнике — Шпнцберге), а в 30-е годы — Емельян Ярославскнй (Миней Изранлевнч Губельман). Тот период, когда кампання прнняла уже грандиозный размах, освещается в самнздатском пнсьме покойного украинского академнка Белецкого. Он, например, приводнт список основных авторов атеистической (т. е. почтн нсключнтельно антнправославной) лнтературы: Емельян Ярославскнй (Губельман), Румянцев (Шнайдер), Кандндов (Фрндман), Захаров (Эдельштейн), Рановнч, Шахновнч, Скворцов-Степанов, а в более позднее время — Ленцман н Менкман.

Самая же роковая черта всего этого века, которую можно отнестн за счет все увеличивающегося еврейского влияння, заключалась в том, что часто либеральная, западническая нли ннтернационалистическая фразеолоıгня прнкрывала антннациональные тенденцнн. (Конечно, вовлеченнымн в это оказались н многне русскне, украинцы, грузнны.) Тут — карднналыное отлнчне от французской революцни, в которой евреи не игралн никакой ролн. Там «патрнот» — был термнн, обозначающий революцнонера, у нас — контрреволюционера, его можно было встретнть н в смертном прнговоре: «расстрелян как заговорщнк, монархист и патрнот». И в Россни эта черта появнлась не сразу. В мышлении Бакуннна были какне-то нацноналыные элементы, он мечтал о федерацин анархическн-свободных славянскнх народов. Та прнманка, которая заманивала большннство молодежи в революцню, была любовь н сострадание к народу, т. е. тогда — к крестьянству. Но рано началась н обратная тенденция. Так, Л. Тнхомнров рассказывает о В. А. Зайцеве (мы уже цнтнровалн его в § 4, напрнмер, что *«рабство в крови русских»*): *«Еврей, интеллигентный революционер, он с какой-то бешеной злобой ненавидел Россию и буквально проклинал ее, так что противно было читать. Он писал, например: «сгинь, проклятая»*. О Плеханове Тнхомиров пншет, что он «носил в груди неистребнмый русскнй патриотнзм». И вот, вернувшись после Февральской революцин в Россню, он обнаружнл, что его былое влияние испарнлось. У Плеханова просто не повернулся бы язык воскликнуть, как Троцкий: *«Будь проклят патриотизм!»* Это «антнпатрнотнческое» настроение господствовало в 20-е и 30-е годы.

Зиновьев призывал тогда *«подсекать головку нашего русского шовинизма», «каленым железом прижечь всюду, где есть хотя бы намек на великодержавный шовинизм»,* Яковлев (Эпштейн) сетовал, что *«через аппарат проникает подлый великодержавный русский шовинизм»*. Что же понималось под «великодержавным шовинизмом» и что означала борьба с ним? Бухарин разъяснил: *«...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны (...) поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям»*. Он требовал поставить русских *«в положение более низкое по сравнению с другими...»*. Сталин же раз за разом, начиная с X съезда и кончая XVI, декларировал, что «великодержавный шовинизм» является главной опасностью в области национальной политики. Тогда термин «РУСОТЯП» был вполне официальным, его можно было встретить во многих речах тогдашних деятелей. «Антипатриотическое» настроение пропитало и литературу. Безыменский мечтал:

О, скоро ли рукою жесткой
Рассеюшку с пути столкнут?

Эта тема варьировалась до бесконечности:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
(Александровский)

Или:

Я предлагаю
Минина расплавить,
Пожарского.
Зачем им пьедестал?
Довольно нам
Двух лавочников славить,
Их за прилавками
Октябрь застал.
Случайно им
Мы не свернули шею.
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь,
Они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?
*(Джек Алтаузен *)*

Занятие русской историей включало в себя как обязательную часть выливание помоев на всех, кто играл какую-то роль в судьбах России — даже за счет про-

* Яков Моисеевич Алтаузен.

тиворечия с убеждениями самих исследователей: ибо был ли, например, Петр Великий сифилитиком или гомосексуалистом — это ведь не оказывало никакого влияния на «торговый капитал», «выразителем интересов которого он являлся». Через литературу и школу это настроение проникло и в души нынешних поколений — и вот, например, Л. Плющ называет Кутузова «реакционным деятелем»!

Здесь уместно рассмотреть часто выдвигаемое возражение: евреи, принимавшие участие в этом течении, принадлежали к еврейству лишь по крови, но по духу они были интернационалистами; то, что они были евреями, никак не влияло на их деятельность. Но ведь Сталина, например, те же авторы объявляют «продолжателем политики русского царизма», хотя в своих речах он неустанно обличал «великодержавный шовинизм». Если они не верят на слово Сталину, то почему же верят Троцкому и считают его чистым интернационалистом? Именно эту точку зрения имеет, конечно, в виду Померанц, когда пишет, что если считать Троцкого евреем, то Врангеля надо считать немцем. Кем же они в действительности были? *«Этот вопрос кажется мне неразрешимым»,* — говорит Померанц. В то же время, по крайней мере в отношении Троцкого, положение не представляется столь безнадежным. Например, в одной из его биографий читаем:

> Судя по всему, рационалистический подход к еврейскому вопросу, которого требовал от него исповедуемый им марксизм, никак не выражал его подлинных чувств. Кажется даже, что он был «одержим» по-своему этим вопросом; он писал о нем чуть ли не больше, чем любой другой революционер.

Как раз сравнение с Врангелем поучительно, заместителем Троцкого был Эфраим Склянский, а Врангеля — генерал Шатилов, отнюдь не немец. И неизвестно признаков какой-либо особой симпатии к Врангелю, стремления его реабилитировать со стороны немецких публицистов, в то время как с Троцким дело обстоит не так: например, тот же Померанц сравнивает трудармии Троцкого с современной посылкой студентов на картошку! Тогда как сам Троцкий пользовался совсем другим сравнением — с крепостным правом, которое он объявлял вполне прогрессивным для своего времени. Или В. Гроссман в романе «Все течет», развенчивая и Ста-

лина и Ленина, пишет: *«блестящий», «бурный, великолепный», «почти гениальный Троцкий»*. *

Не только этот пример Померанца неудачен: как либеральные, так и революционные деятели еврейского происхождения находились под воздействием мощных националистических чувств. (Конечно, из этого не следует, что так было со всеми.) Например, Винавер — один из самых влиятельных руководителей конституционно-демократической (кадетской) партии, после революции превратился в активнейшего сиониста. Или возьмем момент, когда создавалась партия эсеров. В воспоминаниях один из руководящих деятелей того времени (позже — один из вождей Французской компартии), Шарль Раппопорт, пишет:

> Хаим Житловский, который вместе со мной основал в Берне «Союз русских социалистов-революционеров», из которого выросла в дальнейшем партия эсеров ** <...>. Этот пламенный и искренний патриот убеждал меня дружески: будь, кем хочешь — социалистом, коммунистом, анархистом и так далее, но, в первую очередь, будь евреем, работай среди евреев, еврейская интеллигенция должна принадлежать еврейскому народу.

Взгляды самого Раппопорта таковы:

> еврейский народ — носитель всех великих идей единства и человеческой общности в истории <...> Исчезновение еврейского народа будет обозначать гибель человечества, окончательное превращение человека в дикого зверя.

---

* В. С. Гроссман — советский писатель и публицист. Вместе с Эренбургом и Заславским был руководящим пропагандистом сталинского времени. Одновременно втайне написал несколько книг, которые были опубликованы после его смерти. В одной из них, «Все течет», он, сурово развенчивая Сталина и Ленина, очень сочувственно отзывался о Троцком (оттуда и взяты приведенные выше цитаты). В той же книге он утверждает, что вся русская история — это история рабства, что русская душа — тысячелетняя раба, извратившая занесенные с Запада свободолюбивые идеи (хотя в своей официальной публицистике военного времени он говорил совсем другим языком: в русской душе он видел «неистребимую, неистовую силу», «железную аввакумовскую силу, которую нельзя ни согнуть, ни сломить» и т. д.). Таким образом, В. Гроссмана можно рассматривать как предшественника того течения, которое является предметом рассмотрения настоящей работы.

** Автор несколько преувеличивает: партия эсеров образовалась из слияния нескольких организаций, в числе которых был и вышеупомянутый «Союз».

Очень трудно представить себе, чтобы деятельность таких политиков (в качестве ли кадетов, эсеров или французских коммунистов) не отражала их национальных чувств. Следы этого можно действительно увидеть, например, в истории партии эсеров. Так, два самых знаменитых террористических акта, потребовавших наибольшего напряжения сил Боевой Организации, — были направлены против Плеве и великого князя Сергея Александровича, которых молва обвиняла в антисемитизме. (Плеве считали ответственным за кишиневский погром, ходила даже легенда, что он хотел выселить евреев в гетто; в. кн. Сергей Александрович, будучи московским генерал-губернатором, восстановил некоторые ограничения на проживание евреев в Московской губернии, отмененные раньше.) Зубатов вспоминал, что в разговоре с ним Азев

> трясся от злобы и ненависти, говоря о Плеве, которого он считал ответственным за кишиневский погром*.

О том же свидетельствует и Ратаев.

Один из руководителей партии эсеров, Слетов, рассказывает в своих воспоминаниях, как реагировали вожди партии в Женеве на весть об убийстве Плеве:

> Несколько минут стояло столпотворение. Некоторые мужчины и женщины впали в истерику. Большинство присутствующих обнимались. Со всех сторон раздавались крики радости. Я и сейчас вижу Н., стоявшего немного в стороне, он разбил стакан с водой об пол, заскрежетал зубами и вскричал: «Это за Кишинев!»

Вот другой пример. Советский историк М. Н. Покровский рассказывает:

> ...я знал, что еще в 1907 году кадетская газета «Новь» в Москве субсидировалась некоторого рода синдикатом еврейской буржуазии, которая больше всего заботилась о национальной стороне дела и, находя, что газета недостаточно защищает интересы евреев, приходила к нашему

* В судьбе Азева вообще много загадочного. Почему после разоблачения он не был убит, в то время как партия казнила за гораздо меньшие проступки, только за попытки предательства (например, Гапона)? Считалось, что он скрывается, но Бурцев его нашел и взял у него интервью! Азев умер своей смертью в 1918 г. Трудно придумать иное объяснение, чем то, что руководство партии знало о его сотрудничестве с властями и санкционировало его на определенных условиях.

большевистскому публицисту М. Г. Лунцу и предлагала ему стать редактором газеты. Он был крайне изумлен, говоря: «Как же — ведь газета кадетская, а я большевик». Ему говорят: «Это все равно. Мы думаем, что ваше отношение к национальному вопросу более четко».

Мысль, что политический переворот может быть инструментом для достижения национальных целей, не чужда еврейскому сознанию. Так, Витте рассказывает, что, когда он в 1905 году вел в Америке переговоры о заключении мирного договора с Японией, к нему пришла «делегация еврейских тузов», в том числе Яков Шифф, «глава еврейского финансового мира в Америке». Их волновал вопрос о положении евреев в России. Слова Витте, что «предоставление сразу равноправия принесет больше вреда, чем пользы», «вызвали со стороны Шиффа резкое возражение». Шульгин приводит со ссылкой на первоисточник версию одного из еврейских участников этой встречи о том, в чем заключалось «возражение» Шиффа. По его словам, Шифф сказал:

> ...в таком случае революция воздвигнет республику, при помощи которой права будут получены.

В качестве продолжения этой истории можно привести другую, имевшую место в 1911—1912 гг. В эти годы в Америке разыгралась бурная кампания протеста против того, что согласно тогдашним русским законам въезд американских евреев в Россию был ограничен. Требовали разрыва русско-американского торгового договора 1832 г. (Договор и был расторгнут, совершенно так же, как в наши дни торговый договор не был подписан из-за того, что был ограничен *выезд* евреев из СССР в США.) Выступая на митинге, министр продовольствия Герман Леб (вышеупомянутый Шифф был главным директором банка Кун, Леб и К°) сказал, что расторжение договора — это хорошо, но еще лучше — переправить в Россию контрабандой оружие и послать сотню инструкторов:

> Пусть они обучат наших ребят, пусть научат их убивать угнетателей, как собак. Трусливая Россия вынуждена была уступить маленьким японцам. Она уступит и Избранному Богом Народу <...>. Деньги помогут нам добиться этого.

Таких примеров можно привести гораздо больше, они недостаточны, конечно, для того, чтобы понять, как именно влияли национальные чувства на политических деятелей—евреев, но показывают, что такое влияние во многих случаях, несомненно, существовало.

§ 9. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Почему случилось так, что именно выходцы из еврейской среды оказались ядром «Малого Народа», которому выпала роковая роль в кризисную эпоху нашей истории? Мы не будем пытаться вскрыть глубинный смысл этого явления. Вероятно, основы — религиозные, связанные с верой в «Избранный Народ» и в предназначенную ему власть над миром. Какой другой народ воспитывался из поколения в поколение на таких заветах:

> ...ведет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил.
>
> И с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, и с виноградниками и маслинами, которых ты не садил...
>
> (Второзаконие, VI, 10—11).
>
> Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе.
>
> И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимо было к тебе достояние народов и приводимы были цари их.
>
> Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, погибнут, и такие народы совершенно истребятся.
>
> (Исайя, 60, 10—12).
>
> И придут иноземцы, и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями.
>
> (Исайя, 61, 5)

> И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими; лицом до земли будут кланяться тебе и лизать прах ног твоих.
>
> (Исайя, 49, 23)

У кого можно встретить подобные чувства:

> О прочих же народах, происшедших от Адама, Ты сказал, что они ничто, но подобные слюне, и множество их Ты уподобил каплям, капающим из сосуда.
>
> (III кн. Ездры, 6, 56)
>
> Если для нас создан век сей, то почему не получаем мы наследия с веком? И доколе это?
>
> (III кн. Ездры, 6, 56) *

Именно это мировоззрение «Избранного Народа» явилось прототипом идеологии «Малого Народа» во всех его исторических воплощениях (что особенно ясно видно на примере пуритан, пользовавшихся даже той же терминологией — из новейших авторов ею пользуется Померанц).

Однако здесь я укажу только на самую очевидную причину — почти двухтысячелетнюю изоляцию и подозрительное, враждебное отношение к окружающему миру. Конечно, встает также вопрос о причинах и смысле этой изоляции. Например, такой тщательный и объективный исследователь, как Макс Вебер, считает, что изоляция еврейства была не вынужденной, а добровольно избранной задолго до разрушения Храма. В этом с ним соглашается и советский историк С. Лурье в работе «Антисемитизм в древнем мире». Он полагает, что в эпоху, предшествующую разрушению Храма, большинство евреев уже жило в диаспоре, а Иудея играла роль культового и национального центра (очевидно, несколько напоминая современное государство Израиль).

Но чтобы не углубляться в эту цепь загадок, мы примем за данное ее конечное звено — рассеяние и изоляцию. Двадцать веков было прожито среди чужих народов в полной изоляции ото всех влияний внешнего мира, воспринимаемого как «трефа», источник заразы и греха. Хорошо известны высказывания Талмуда и ком-

* III книга Ездры не входит в Еврейский Канон — она принадлежит течению иудейской апокалиптики. Считается, что введение и заключение (гл. 1—3 и 15—16) добавлены христианским автором, а центральная часть (из которой взяты цитаты) воспроизводит оригинальный иудейский материал (см. напр. «Библейский словарь» Д. Хастингса).

ментариев к нему, в которых с разных точек зрения разъясняется, что иноверца (акума) нельзя рассматривать как человека: по этой причине не следует бояться осквернить их могилы; в случае смерти слуги-акума не следует обращаться с утешением к его господину, но выразить надежду, что Бог возместит ему убыток — как в случае падежа скота; по той же причине брак с акумом не имеет силы, его семя — все равно, что семя скота, акумы — это животные с человеческими лицами и т. д. и т. п. Тысячи лет каждый год в праздник «Пурим» праздновалось умерщвление евреями 75 000 их врагов, включая женщин и детей, как это описано в книге Эсфири. И празднуется до сих пор — в Израиле по этому поводу происходит веселый карнавал. Для сравнения представим себе, что католики ежегодно праздновали бы ночь св. Варфоломея! Сошлюсь, наконец, на источник, который уж никак нельзя заподозрить во враждебности к евреям: известный сионист, друг и душеприказчик Кафки Макс Брод в своей книге о Рейхлине сообщает об известной ему еврейской молитве против иноверцев с призывами к Богу лишить их надежды, разметать, низринуть, *истребить в одно мгновение и в «наши дни»*. Можно представить себе, какой неизгладимый след должно было оставить в душе такое воспитание, начинавшееся с детства, и жизнь, прожитая по таким канонам, и так из поколения в поколение — 20 веков.

Какое отношение к окружающему населению могло возникать на этой почве, можно попытаться восстановить по мелким черточкам, разбросанным во многих источниках. Например, в своем дневнике молодой Лассаль, не раз негодуя по поводу угнетенного положения евреев, говорит, что мечтал бы встать во главе их с оружием в руках. В связи со слухами о ритуальных убийствах он пишет:

> Тот факт, что во всех уголках мира выступают с подобными обвинениями, мне кажется, предвещает, что скоро наступит время, когда мы действительно освободимся пролитием христианской крови. Игра началась, и дело за игроками.

Если еще принять во внимание злобность и злопамятность, которые видны на каждой странице этого дневника, то легко представить себе, что такие переживания должны были оставить след на всю жизнь.

Или Мартов (Цедербаум), вспоминая страх, испытанный в трехлетнем возрасте при ожидании погрома (толпа была разогнана казаками еще до того, как дошла до дома Цедербаумов), задумывается:

> Был ли бы я тем, чем стал, если бы на пластической юной душе российская действительность не поспешила запечатлеть своих грубых перстов и под покровом всколыхнутой в детском сердце жалости заботливо схоронить семена спасительной ненависти?

Более явные свидетельства можно найти в литературе. Например, *«спасительная ненависть»* широко разлита в стихах еврейского поэта, жившего в России — Х. Бялика:

«Пусть сочится, как кровь неотмщенная, в ад,
И да роет во тьме, и да точит, как яд.
Разъедая столпы мирозданья».
«Да станет наша скорбь, как кость у злого пса,
В гортани мира ненасытной;
И небо напоит, и всю земную гладь,
И степь, и лес отравой жгучей,
И будет с нами жить, и цвесть, и увядать,
И расцветать еще могучей».
«Я для того замкнул в твоей гортани,
О человек, стенание твое;
Не оскверни, как те, водой рыданий
Святую боль святых твоих страданий,
Но береги нетронутой ее.
Лелей ее, храни дороже клада
И замок ей построй в твоей груди,
Построй оплот из ненависти ада —
И не давай ей пищи, кроме яда
Твоих обид и ран твоих, и жди,
И возрастет взлелеянное семя,
И жгучий даст и полный яду плод —
И в грозный день, когда свершится время,
Сорви его — и брось его в народ!»
«Из бездны Авадонна вознесите песнь о Разгроме,
Что, как дух ваш, черна от пожара,
И рассыпьтесь в народах, и все в проклятом их доме
Отравите удушьем угара;
И каждый да сеет по нивам их семя распада
Повсюду, где ступит и станет.
Если только коснетесь чистейшей из лилий их сада,
Почернеет она и завянет;
И если ваш взор упадет на мрамор их статуй —
Треснут, разбиты надвое;
И смех захватите с собою, горький, проклятый,
Чтоб умерщвлять все живое».

Презрение и брезгливость к русским, украинцам, полякам как к существам низшего типа, недочелове-

кам, ощущается почти в каждом рассказе «Конармии» И. Бабеля. Полноценный человек, вызывающий у автора уважение и сочувствие, встречается там только в образе еврея. С нескрытым отвращением описывается, как русский отец режет сына, а потом второй сын — отца («Письмо»), как украинец признается, что не любит убивать расстреливая, а предпочитает затаптывать насмерть ногами («Жизнеописание Павличенка, Матвея Родионыча»). Но особенно характерен рассказ «Сын Рабби». Автор едет в поезде вместе с отступающей армией:

> И чудовищная Россия, неправдоподобная, как стадо платяных вшей, затопала лаптями по обе стороны вагонов. Тифозное мужичье катило перед собой привычный гроб солдатской смерти. Оно прыгало на подножки нашего поезда и отваливалось, сбитое прикладами.

Но тут автор видит знакомое лицо: «И я узнал Илью, сына житомирского рабби» (автор заходил к раввину в вечер перед субботой — хоть и политработник Красной Армии — и отметил «юношу с лицом Спинозы» — рассказ «Гидали»). Его, конечно, сразу приняли в вагон редакции. Он был болен тифом, при последнем издыхании и там же, в поезде, умер. «Он умер, последний принц, среди стихов, филактерий и портянок. Мы похоронили его на забытой станции. И я — едва вмещающий в древнем теле бури моего воображения, — я принял последний вздох моего брата».

Холодное отстранение от окружающего народа часто передают стихи Э. Багрицкого, в стихотворении же «Февраль» прорывается крайняя ненависть. Герой становится после революции помощником комиссара:

> Моя иудейская гордость пела,
> Как струна, натянутая до отказа...
> Я много дал бы, чтоб мой пращур
> В длиннополом халате и лисьей шапке,
> Из-под которых седой спиралью
> Спадали пейсы и перхоть тучей
> Взлетает над бородой квадратной...
> Чтоб этот пращур признал потомка
> В детине, стоящем подобно башне
> Над летящими фарами и штыками
> Грузовика, потрясшего полночь.

Однажды, во время налета на подозрительный дом, автор узнает девушку, которую он видел еще до революции, она была гимназисткой, часто проходила мимо него, а он вздыхал, не смея к ней подойти. Однаж-

ды попытался заговорить, но она его прогнала... Сейчас она стала проституткой...

Я — Ну, что! узнали?
      Тишина.
— Сколько дать вам за сеанс?
      И тихо,
Не раздвинув губ, она сказала:
— Пожалей меня! Не надо денег...
Я швырнул ей деньги,
      Я ввалился,
Не стянув сапог, не сняв кобуры,
Не расстегнув гимнастерки.
Я беру тебя за то, что робок
Был мой век, за то, что я застенчив,
За позор моих бездомных предков,
За случайной птицы щебетанье!
Я беру тебя как мщенье миру,
Из которого не мог я выйти!
Принимай меня в пустые недра,
Где трава не может завязаться,
Может быть, мое ночное семя
Оплодотворит твою пустыню.

Мне кажется, пора бы пересмотреть и традиционную точку зрения на романы Ильфа и Петрова. Это отнюдь не забавное высмеивание пошлости эпохи нэпа. В мягкой, но четкой форме в них развивается концепция, составляющая, на мой взгляд, их основное содержание. Действие их как бы протекает среди обломков старой русской жизни, в романах фигурируют дворяне, священники, интеллигенты — и все они изображены как какие-то нелепые, нечистоплотные животные, вызывающие брезгливость и отвращение. Им даже не приписывается каких-то черт, за которые можно было бы осудить *человека*. На них вместо этого ставится штамп, имеющий целью именно уменьшить, если не уничтожить, чувство общности с ними как с людьми, оттолкнуть от них чисто физиологически: одного изображают голым, с толстым отвисшим животом, покрытым рыжими волосами; про другого рассказывается, что его секут за то, что он не гасит свет в уборной... Такие существа не вызывают сострадания, истребление их — нечто вроде веселой охоты, где дышится полной грудью, лицо горит и ничто не омрачает удовольствия.

Эти чувства, пронесенные еще одним поколением, дожили до наших дней и часто прорываются в песнях бардов, стихах, романах и мемуарах. Бурный взрыв тех же эмоций можно наблюдать в произведениях недавних эмигрантов. Вот, например, стихотворение недавно эмиг-

рировавшего Д. Маркиша, напечатанное уже в Израиле в журнале «Сион»:

Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет,
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранены, но не подведены.
Мы отомстим — цветами в изголовье
Их северной страны.
Когда сотрется лаковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул...

В статье, опубликованной в другом израильском журнале, читаем:

> Народу — «богоносцу» мало огромной конформированной страны, ему нужна также жемчужина, т. е. Святая Земля <...> Ему хочется этой недоступной ему святости, и хотя он сам — погрязший в презрении к самому себе и ко всем остальным — даже не знает, что ему с этой святостью делать, потому что в его язычески-христианском представлении святость не живая и не может освятить мир, он все ждет своего часа самодура-палача. И в его темном инстинкте это вызвало и вызывает чудовищные порывы ненависти к Израилю — носителю святости живой*.

Под конец приведем выдержку из журнала, издающегося на русском языке в Торонто:

> Не премолчи, Господи, вступись за избранных твоих, не ради нас, ради клятвы твоей отцам нашим — Аврааму, Исааку и Иакову. Напусти на них Китайца, чтобы славили они Мао и работали на него, как мы на них. Господи, да разрушит Китаец все русские школы и разграбит их, да будут русские насильно китаизированы, да забудут они свой язык и письменность. Да организует он им в Гималаях Русский национальный округ.

Часто приходится слышать такой аргумент: многие поступки и чувства евреев можно понять, если вспомнить, сколько они испытали. Например, некоторые сти-

---

* Автор, по-видимому, совершенно не чувствует иронии того, что он обвиняет в «порывах ненависти» кого-то другого, хотя его самого в этом вряд ли можно превзойти.

хи Бялика написаны под впечатлением погромов, у Д. Маркиша отец расстрелян при Сталине по «процессу сионистов», другие помнят черту оседлости, процентную норму или какие-то более поздние обиды. Здесь надо еще раз подчеркнуть, что мы не собираемся в этой работе никого судить, обвинять или оправдывать. Сама постановка такого вопроса вряд ли имеет смысл: оправдывает ли унижение немцев по Версальскому миру национал-социализм? Мы хотели бы только представить себе, что происходило в нашей стране, какие социальные и национальные факторы и как на ее историю влияли.

Начиная с пореформенных 60-х годов, в России у всех на устах появилось слово «революция». Это был явный признак приближающегося кризиса. И как другой его признак, стал формироваться «Малый Народ» со всеми присущими ему чертами. Создался новый тип людей, вроде молодого человека (о нем рассказывает Тихомиров), с гордостью произносившего: «Я — отщепенец», или Ишутинского кружка «Ад», в программе которого стояло: «Личные радости заменить ненавистью и злом — и с этим научиться жить». Но можно понять, какая это была мучительная операция, как трудно было оторвать человека от его корней, как бы выворачивать наизнанку, как для этого надо было осторожно, шаг за шагом посвящать его в новое учение, подавлять силой авторитетов. И насколько проще все было с массой еврейской молодежи, не только не связанной общими корнями с этой страной и народом, но и воспринявшей с самого детства враждебность именно к этим корням, когда враждебная отчужденность от духовных основ окружающей жизни усваивалась не из книг и рефератов, а впитывалась с раннего детства, часто совершенно бессознательно, из интонаций в разговорах взрослых, из случайно услышанных и запомнившихся на всю жизнь замечаний! И хотя чувства, отразившиеся в приведенных выше отрывках, вероятно, испытали далеко не все евреи, но именно то течение, которое было ими проникнуто, с неслыханной энергией вторгалось в жизнь и смогло оказать на нее особенно сильное и болезненное влияние.

Надо признать, что кризис нашей истории протекал в совершенно уникальный момент. Если бы в то время, когда он разразился, евреи вели такой же изолированный образ жизни, как, например, во Франции во время Великой революции, то они и не оказали бы заметного

влияния на его течение. С другой стороны, если бы жизнь местечковых общин стала разрушаться гораздо раньше, то, возможно, успели бы окрепнуть какие-то связи между евреями и остальным населением, отчужденность, вызванная двухтысячелетней изоляцией, не была бы так сильна. Кто знает, сколько нужно поколений, чтобы стерлись следы 20-вековой традиции? — но нам практически не было дано ни одного, прилив евреев в террористическое движение почти точно совпал с «эмансипацией», началом распада еврейских общин, выходом из изоляции. Пинхус Аксельрод, Геся Гельфман и многие другие руководители террористов происходили из таких слоев еврейства, где вообще нельзя было услышать русскую речь. С узелком за плечами отправлялись они изучать *«гойскую науку»* и скоро оказались среди руководителей движения. Совпадение д в у х кризисов оказало решающее воздействие на характер той эпохи. Вот как это виделось еврейским наблюдателям (все по той же книге «Россия и евреи»):

> И, конечно, не случайно то, что евреи, так склонные к рационалистическому мышлению, не связанные в своем большинстве никакими традициями с окружающим их миром, часто в этих традициях видевшие не только бесполезный, но и вредный для развития человечества хлам, оказались в такой близости к этим революционным идеям.

И как закономерное следствие:

> Поражало нас то, чего мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде: жестокость, садизм, насильничание, казалось, чуждые народу, далекому от физической, воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди начальствующих головорезов.

Эта примечательная книга кончается словами:

> Одно из двух: либо иностранцы без политических прав, либо русское гражданство, основанное на любви к родине. Третьей возможности нет.

Но нашлось течение, выбравшее именно третий — «невозможный», с точки зрения автора, путь. Не только не любовь к родине, а полная отчужденность, активная враждебность ее духовным началам и не только не отказ от политических прав, но напряжение всей воли и сил

для воздействия на жизнь страны. Такое соединение оказалось поразительно эффективно: оно создало «Малый Народ», который по своей действенности превзошел все другие варианты этого явления, возникшие в Истории.

§ 10. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы видим, что сегодняшняя ситуация уходит корнями далеко в прошлое. На традиции двухтысячелетней изоляции накладываются страшные реминисценции более близкого прошлого, они давят на современное сознание, которое стремится вытолкнуть их, переориентировать возникающие на их основе чувства. Так создается тот болезненный национальный комплекс, на счет которого надо, по-видимому, отнести самые резкие обертоны в современной литературе «Малого Народа», раздраженные выпады против русских и русской истории.

Но для нас — русских, украинцев, белорусов — этот сгусток больных вопросов жгуче современен, никак не сводится только к оценке нашей истории. Трагичнее всего он проявляется в положении молодежи. Не находя точек зрения, которые помогли бы ей разобраться в проблемах, выдвигаемых жизнью, она надеется найти свежие мысли, узнать новые факты — из иностранного радио. Или старается добыть билет в модный театр с ореолом независимости, чтобы с его подмостков услышать слово правды. В любом случае крутит пленки с песенками Галича и Высоцкого. Но отовсюду на нее льется, ей навязывается, как вообще единственно мыслимый взгляд, та же идеология «Малого Народа»: надменно-ироническое, глумливое отношение ко всему русскому, даже к русским именам; концепция — *«в этой стране всегда так было и быть ничего хорошего не может»*, образ России — *«Страны дураков»* *. И перед этой отточенной, проверенной на практике, усовершенствованной долгим опытом техникой обработки мозгов растерянная молодежь оказывается АБСОЛЮТНО БЕЗЗАЩИТНОЙ. Ибо ведь никто из тех, кто мог бы быть для нее авторитетом, ее не предупредит, что она имеет дело просто с новым вариантом пропаганды —

* Конечно, живущие здесь, в окружении русских, авторы не всегда могут себе позволить такой силы выражения, как в произведениях эмигрантской литературы, процитированных в предыдущих параграфах. Обычная форма такова, что можно еще поспо-

хоть и очень ядовитой, но покоящейся на более чем хрупкой фактической основе.

На нашем горизонте опять вырисовывается зловещий силуэт «Малого Народа». Казалось бы, наш исторический опыт должен был выработать против него иммунитет, обострить наше зрение, научить различать этот образ — но боюсь, что не научил. И понятно почему: была разорвана связь поколений, опыт не передавался от одних к другим. Вот и сейчас мы под угрозой, что наш опыт не станет известен следующему поколению.

Зная роль, которую «Малый Народ» играл в истории, можно представить себе, чем чревато его новое явление: реализуются столь отчетливо провозглашенные идеалы — утверждение психологии «перемещенного лица», жизни «без корней», «хождение по воде», т. е. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВ ЖИЗНИ. И в то же время при первой возможности — безоглядно-решительное манипулирование народной судьбой. А в результате — новая и последняя катастрофа, после которой от нашего народа, вероятно, уже ничего не останется. Злободневно звучит призыв, приведенный в самом конце предшествующего параграфа: сделать выбор между положением иностранцев без политических прав и гражданством, основанном на любви к родине, — он логически адресуется ко всему «Малому Народу». Каждый из тех, кого мы столько раз цитировали, от Амальрика до Янова, имеет право презирать и ненавидеть Россию, но они сверх этого хотят определить ее судьбу, составляют для нее планы и готовы взять на себя их исполнение. Такое сочетание типично в истории «Малого Народа», именно оно приносит ему успех. Оторванность от психологии «Большого Народа», неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив и ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело.

Что же мы можем противопоставить этой угрозе? Ка-

рить: это пьяница, хулиган, тупой чинуша, *вообще*, не только русский. Но говор-то у них чисто русский. И имена коренные русские, сейчас даже редко встречающиеся. А ведь, например, Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретшего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлек.

залось бы, с мыслями можно бороться мыслями же, слову противопоставить слово. Однако дело обстоит не так просто. Уже по тем образцам литературы «Малого Народа», которые были приведены в нашей статье, можно видеть, что эта литература вовсе не результат объективной работы мысли, не апелляции к жизненному опыту и логике. Мы встречаемся здесь с какой-то другой формой передачи идеологических концепций, причем присущей всем историческим вариантам «Малого Народа».

Такая очень специфическая деятельность по *«направлению общественного мнения»* сложилась, по-видимому, уже в XVIII в. и была описана Кошеном. Она включает, например, колоссальную, но кратковременную концентрацию общественного внимания на некоторых событиях или людях, чаще всего на обличениях некоторых сторон окружающей жизни — от процесса Каласа, когда чудовищная несправедливость приговора, разоблаченная Вольтером, потрясла Европу (и про который историки заверяют, что никакой судебной ошибки вообще не было), — до дела Дрейфуса или Бейлиса. Или фабрикацию и поддержание авторитетов, основывающихся исключительно на силе гипноза. *«Они создают репутации и заставляют аплодировать скучнейшим авторам и лживым книгам, если только это свои»*, — говорит Кошен. Плохую пьесу можно заставить смотреть благодаря клаке. *«Эта же клака, поставляемая, «обществами», так прекрасно выдрессирована, что кажется искренней, так хорошо распределена в зале, что клакеры не знают друг друга и часто каждый из зрителей принимает их за публику». «Сейчас трудно представить себе, что морализирование Мабли, политические изыскания Кондорсе, история Рейналя, философия Гельвеция, эта пустота безвкусной прозы, могли выдержать издания, найти дюжину читателей: а между тем все их читали или, по крайней мере, покупали и о них говорили. Могут сказать — такова была мода. Конечно! Но как понять эту склонность к ходульности и тяжеловесности в век вкуса и элегантности?»* Точно так же пониманию наших потомков будет недоступно влияние Фрейда как ученого, слава композитора Шенберга, художника Пикассо, писателя Кафки или поэта Бродского...

Таким образом, логика, факты, мысли одни в такой ситуации бессильны, это подтверждает весь ход Истории. Только индивидуальный исторический опыт народа может помочь здесь отличить правду от лжи. Но уж если

у кого такой опыт есть — то именно у нашего народа! И в этом, конечно, главный залог того, что мы сможем противостоять новому явлению «Малого Народа». Наш опыт — трагический, но и глубочайший, несомненно, изменил глубинные слои народной психики. Надо, однако, его ОСОЗНАТЬ — облечь в форму, доступную не только эмоциям, но и мыслям, выработать, опираясь на него, наше отношение к основным проблемам современности. Мне представляется, что именно такова сейчас основная задача русской мысли.

Поэтому мы просто не имеем права допустить, чтобы только-только возрождающаяся тяга к осмыслению нашего национального пути была затоптана, заплевана, чтобы ее столкнули на дорогу крикливой журналистской полемики. Как же тогда защитим мы национальное сознание и особенно сознание молодежи от навязываемого комплекса обреченности, от внушаемого взгляда, что наш народ способен быть лишь материалом для чужих экспериментов?

Много столетий складывается духовный облик народа, вырабатываются органически связанные друг с другом навыки общественного существования — и, только опираясь на них, историческая эволюция может создать устойчивые, естественные для этого народа формы жизни. Например, публицисты «Малого Народа» часто подчеркивают, что в русской истории большую роль играло сильное государство — и в этом они, видимо, правы. Но значит, если, по их советам, внезапно полностью устранить каким-то образом роль государства, оставив в качестве единственных действующих в обществе сил ничем не ограниченную экономическую и политическую конкуренцию, то результатом может быть только быстрый и полный развал. Те же самые аргументы приводят к обратному выводу: что государство, по-видимому, должно еще длительный срок играть большую роль в жизни нашей страны. Какую конкретно роль — может показать только сама жизнь. Конечно, какие-то функции государства могут быть ограничены, переданы другим общественным силам. Само же по себе сильное влияние государства совсем не обязано быть пагубным — равно как не обязано быть и плодотворным. Государство способствовало закрепощению крестьян в России XVII—XVIII вв., но оно же осуществило освобождение крестьян в XIX в. Можно указать много примеров безусловно положительных важных действий,

осуществленных благодаря сильному влиянию государства на жизнь. Например, рабочее законодательство, введенное в России в конце XIX—начале XX вв., было на уровне современного ему западного, а если сравнить с фазой промышленного развития страны — то сильно опережало его, было выработано гораздо быстрее. Только Англия и Германия имели более прогрессивные законы, во Франции же и в Соединенных Штатах юридическое положение рабочих было хуже. У государства, как и у других сил, действующих в жизни народа — партий, церквей, национальных течений и т. д., — есть своя опасность, возможность болезненного развития (или соблазна). Для государства — это попытка подчинить своей власти души граждан. Но оно вполне может оставаться сильным, избежав этого болезненного пути. Та же картина почти во всех вопросах — всегда можно найти выход, не порывающий с исторической традицией, и только такой путь приведет к жизненному, устойчивому решению, так как он опирается на мудрость многими веками выраставших, проверявшихся, отбиравшихся и пришлифовавшихся друг к другу черт и навыков народного организма. Конкретное осознание этой точки зрения и есть та сила, которую мы можем противопоставить «Малому Народу», которая защитит нас от него.

Тысячелетняя история выковала такие черты национального характера, как вера в то, что судьба человека и судьбы народа нераздельны в своих самых глубоких пластах и сливаются в роковые минуты истории, как связь с Землей — землей в узком смысле, которая родит хлеб, и с Русской землей. Эти черты помогли пережить страшные испытания, жить и трудиться в условиях иногда почти нечеловеческих. В этой древней традиции заложена вся надежда на наше будущее. За нее-то и идет борьба с «Малым Народом», кредо которого угадал еще Достоевский: *«Кто проклял свое прошлое, тот уже наш — вот наша формула!»*

Человек родится и умирает, как правило, среди своего народа. Поэтому его окружение воспринимается им как нечто совершенно естественное и обычно не вызывает никаких вопросов. На самом же деле народ — одно из поразительнейших явлений и загадок на нашей Земле. Почему возникают эти общества? Какие силы

поддерживают их веками и тысячелетиями? До сих пор все попытки ответить на эти вопросы столь явно били мимо цели, что скорее всего мы имеем здесь дело с явлением, к которому стандартные приемы «понимания» современной науки вообще неприменимы... Легче указать, зачем народы нужны людям. Принадлежность к своему народу делает человека причастным Истории, загадкам прошлого и будущего. Он может чувствовать себя не просто частичкой «живого вещества», зачем-то перерабатываемого гигантской фабрикой Природы. Он способен ощутить (чаще — подсознательно) значительность и высшую осмысленность земного бытия человечества и своей роли в нем. Аналогично «биологической среде», народ — это «социальная среда обитания» человека: чудесное творение, поддерживаемое и созданное нашими действиями, но не по нашим замыслам. Во многом оно превосходит возможности нашего понимания, но часто и трогательно-беззащитно перед нашим бездумным вмешательством. На Историю можно смотреть как на двусторонний процесс взаимодействия человека и его «среды социального обитания» — народа. Мы сказали, что дает народ человеку. Человеком же создаются силы, скрепляющие народ и обеспечивающие его существование: язык, фольклор, искусство, осознание своей исторической судьбы. Когда этот двусторонний процесс разлаживается, происходит то же, что и в природе: среда превращается в мертвую пустыню, а с нею гибнет и человек. Конкретнее, исчезает интерес человека к труду и к судьбам своей страны, жизнь становится бессмысленным бременем, молодежь ищет выхода в иррациональных вспышках насилия, мужчины превращаются в алкоголиков или наркоманов, женщины перестают рожать, народ вымирает...

Таков конец, к которому толкает «Малый Народ», неустанно трудящийся над разрушением всего того, что поддерживает существование «Большого Народа». Поэтому создание оружия духовной защиты от него — вопрос национального самосохранения. Такая задача посильна лишь всему народу. Но есть более скромная задача, которую мы можем решить только индивидуально: СКАЗАТЬ ПРАВДУ, произнести, наконец, боязливо умалчиваемые слова. Я не мог бы спокойно умереть, не попытавшись этого сделать.

1978—1990

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

к § 1

Вот более точное описание работ, упомянутых в начале параграфа. Г. Померанц. «Квадриллион», «Человек ниоткуда», «Сын земли»; А. Амальрик. «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (Самиздат). «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» (РСХД) № 97, 1970. Сборники работ: «Самосознание», Нью-Йорк, 1976, и «Демократические альтернативы», ФРГ, 1976. Б. Шрагин. «Противостояние духа», Лондон, 1976. А. Янов. «Детант афтер Брежнев» * (Далее цитируется как «Разрядка») и «Ве рашн нью райт» (Далее цитируется как «Новые...») — обе в «Институт оф интернешенл стедиз», Калифорнийский Университет, Берклн, 1977. Р. Пайпс. «Раша эндер ве олд режим» (Далее цитируется как «Россия...»). Лондон, 1974.

к § 2

Критику концепций, кратко изложенных в § 1, можно найти, например, в работах: Л. Бородин. «Вече», № 8 (Самиздат). А. Солженицын. «Из-под глыб» (Самиздат) и другие выступления. В. Борисов и И. Дубровский. «Вестник РСХД», № 125. А. Шанецкий. «Память», № 4 (Самиздат).

По поводу места концепции «Москвы — Третьего Рима» в мировоззрении Московского царства см., например, Д. С. Лихачев. «Национальное самосознание Древней Руси», с. 100—101, и работы Н. Н. Масленниковой и А. Л. Гольдберга в ТОДРЛ за 1962, 1969, 1974 гг.

О том, что секуляризация церковных земель не вы-

* Иностранные работы приводятся в русской транскрипции.

звала на Руси социальных потрясений, — Пайпс. «Россия...», с. 242.

Синодальный период управления церковью — как пример «русской предрасположенности к единогласному послушанию» — Шрагин. «Самосознание», с. 263.

О влиянии «территориальной системы» церковного управления, принятой в протестантских странах, на церковное устройство России, см., например, А. С. Павлов. «Курс церковного права», Сергиев Посад, 1902, с. 225—490, 507.

О «значении николаевского законодательства для тоталитаризма XX века» — Пайпс. «Россия...», с. 291 — 295.

Цитаты европейских основоположников теории тоталитарного государства взяты из: Томас Гоббс. Избранные произведения в двух томах. Том II, М., 1965. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 47, 196—202, 207, 230—235, 488—490, 505, 526—527, 567. Б. Спиноза. Избранные произведения в двух томах. Том II. Политический трактат. С. 301—302, 305, 309—310. Жан-Жак Руссо. «Об общественном договоре или принцип политического права». М., 1938, с. 13—14, 16, 18, 24, 29, 34.

О западных влияниях на петровское законодательство см.: Георгий Гуревич. «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

О «революционном мессианстве» см.: Л. Тальмон. «Политикал мессианизм». Лондон, 1960.

О еретических учениях и народных социальных утопиях в России см., например: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. «Антифеодальные еретические движения на Руси XV—начала XVI века». М.—Л., 1955; А. Клибанов. «Народная социальная утопия в России». М., 1977.

Дискуссия по поводу «Повести о Дракуле» см.: В. Борисов. «Вестник РСХД», № 125; Г. Померанц. Открытое письмо редактору «Вестника РХД» (Самиздат).

Пайпс о частной собственности в Московской Руси: «Россия...», с. 316; И. Дубровский. «Вестник РСХД», № 125.

Пайпс о русских пословицах: «Россия...», с. 159.

Пайпс о грамотности в Московской Руси: «Россия...», с. 123. См. также А. И. Соболевский: «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.», Спб., 1892, особенно с. 3—4. Подсчеты А. И. Соболевского были продолжены

Н. А. Вагановой: «Русский читатель XVII в.». в сб. «Древнерусская литература и ее связи с новым временем». М., 1967. См. еще Д. С. Лихачев: «Культура русского народа». М. — Л., 1961, с. 106—107.

Янов о роли «Архипелага ГУЛАГ» в русской истории: «Демократические альтернативы», с. 188.

О западноевропейских переворотах 20-х гг. XIX века, очень похожих на заговор декабристов, тоже организованных тайными обществами (в Испании — масонами, в Италии — карбонариями) см., например, Е. Тарле: «Политические движения в Испании и Италии в 1820—1828 гг.», «Книга для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. I, с. 128—176. М., 1913.

О заговоре Тистельвуда или «Заговоре на улице Катона» есть статья в Британской Энциклопедии.

О подавлении июньского восстания 1848 г. пишет Герцен. Больше подробностей можно найти в книге: Шарль Шмидт. «Июньские дни 1848 г.», Л., 1927.

По поводу числа убитых при разгроме Парижской коммуны приводились очень разные цифры. Консервативный журналист Максим Дю Кам утверждает, что число убитых на баррикадах и расстрелянных национальных гвардейцев равно 6600 (М. Дю Кам. «Ле конвульсон де Пари», т. I, Париж, 1881). Эта цифра явно занижена, так как даже маршал Мак-Магон говорит о 15 000. Обычно называют цифру от 30 000 (Жорж Буржен. «История Коммуны», Л., 1926) до 20 000 (Э. Лиссагарэ. «История Коммуны»).

Янов о «возрасте» демократии: «Новая...», с. 93. Он же о Белинском как славянофиле: журнал «22», Тель-Авив, 1978, с. 36.

Об ирландской кампании Кромвеля см., например, Михаэль Фрейнд. «Ди гроссе революцион ин Энгланд», Гамбург, 1951. Сколько погибло в результате работорговли, оценивает Дю Буа: «Ве нигро», Лондон, 1915. Число жертв французской революции из современников оценивал миллионом такой революционер, как Гракх Бабеф («О системе уничтожения населения, или Жизнь и преступления Карье». — Гракх Бабеф. Сочинения. Т.3, М., 1977, с. 255) и революционер, но позже отошедший от революции Л. М. Прюдом в «Истуар женераль э импартиналь...». Из более поздних историков И. Тэн пишет: «Можно предполагать, что в одиннадцати департаментах запада число убитых всех возрастов и обоих полов приближается к полумиллиону». См.: «Происхожде-

ние современной Франции», т. IV, кн. V, гл. I (во Франции было тогда 83 департамента).

О числе жертв опричнины см.: Р. Г. Скрынников, «Иван Грозный». М., 1985, с. 191.

Филипп Эрлангер в «Ле массакр де ля Сент-Бертелеми» приводит различные оценки числа жертв Варфоломеевской ночи. Наименьшую цифру назвал Боссюэ: 6000, наибольшую — воспитатель Людовика XIV Перефикс: 100 000. Из современников будущий канцлер Генриха IV Сюлли говорит о 60 000, историк Ту — о 10 000 в Париже и 40 000 в провинции, иезуит Бонами — 4000 в Париже и 25 000 в провинции, протестант Креспин в «Мартирологе» приводит имена 15 000 убитых, историограф короля Массон и английские архивы говорят о 2000—3000 убитых в Париже и 10 000 в провинции (с. 193—194).

к § 3

Цитаты из Горского: «Вестник РСХД», № 97, с. 61 и 34.

Цитаты из Янова: «Разрядка...», с. 11, «Новая...», с. 101, 183, 104, 86, 100.

Цитаты из Померанца о том, что «народа больше нет»: из его сборников «Квадриллион», «Человек ниоткуда».

Померанц о русском народе и Самодержце: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.

«Русские не имеют истории» — см. Б. Шрагин, «Самосознание», с. 261.

Янов о демократии и тоталитаризме: «Новая...», с. 88, 102, 7.

Характеристику английского парламентаризма см.: Вернер Зомбарт. «Дер пролетарише социализмус», Иена, 1924; или: Ганс Дельбрюк, «Регирунг унд фольксвилле», а также в его работе «Вигз энд Ториз» в «Хисторише унд политише ауфзетце», Берлин, 1887.

Об ограничении власти см.: Ш. Монтескье. «О духе законов», кн. II, гл. VI. Политические взгляды создателей американской конституции выпукло описаны в работе лорда Эктона «Политикал коузез оф америкен революшн» («Эссейз ин ве либерал интерпретейшн оф хистори», Чикаго, 1967, с. 41—94). См. также: В. Хабуш. «Ди модерне демократи», Иена, 1921, с. 51; Дж. Х. Рендал. «Ве мейкинг оф модерн майнд», Нью-Йорк, 1926, с. 345—350.

В американской политической литературе XVIII и начала XIX в. «демократическая» форма правления противопоставлялась «конституционной» или «свободной».

Схема вырождения демократии в деспотию у Платона: «Государство», 562. Его взгляды на демократию: там же, 557; у Аристотеля: «Политика», 1292а.

Взгляды Берка: Эд. Берк. «Рефлекшенс он ве револющн ин Франс», Нью-Йорк, 1961, с. 138.

Из современных авторов: Ф. А. Хайек. «Лоу, леджислейшн енд либерти», т. I, «Рулз енд ордерз», Лондон, 1973.

Взгляды Краснова-Левитина и Плюща: «Демократические альтернативы». Плющ о терроризме: «Ответ Т. С. Ходорович», «Континент», № 9, с. 252.

Концепция Янова: «Синтаксис», № 1, журнал «22», 1978, «Новая...», с. 88, «Разрядка...», с. 141, 85, 80, 82, 21.

к § 4

Две точки зрения на Историю — обе очень древнего происхождения. Платону принадлежит сравнение законодателя с мастером. В «Государстве» и «Законах» он логически разрабатывает план построения идеального государства. С другой стороны, Аристотель считает государство продуктом естественного развития, наподобие семьи (Политика, 1252б). Я. Бурхард в «Культуре Ренессанса в Италии» считает, что характерным для эпохи Возрождения был взгляд на государство как на искусственное сооружение.

Типичным пониманием государства как «конструкции» является теория «договора» Гоббса — Руссо. Взгляд на государство как «организм» так же многократно высказывался, вплоть до попыток построения «социальной физиологии», «социальной анатомии» и применения дарвинизма к общественным явлениям. Обзор этих взглядов см., например, в книге Менгера: Карл Менгер. «Унтерзухунген юбер ди социальвиссеншафтен унд дер политишен экономи», Лейпциг, 1883.

В наше время «органическая» точка зрения развита в цитированной выше книге Хайека.

Вообще, «органическая» концепция, как правило, ближе историкам, а «механическая» — социологам и политикам (ср. хотя бы современный термин «социальная инженерия»).

О роли интеллигенции: Горский. «Вестник РСХД», № 97, с. 52, 53; Шрагин. «В поисках почвы» (Самиздат) и «Противостояние духа», с. 216; Померанц. «Квадриллион» и «Человек ниоткуда».

Шрагин против демократии: «Синтаксис», № 3, с. 22.

Суммарное изложение основных положений Кошена содержится в небольшой книжечке: Огюстен Кошен. «Ле сосиете де пенсе э ля демократи», Париж, 1921. Подробное изложение, опирающееся на огромный фактический материал, — в книге «Ле сосиете де пенсе э ля революцион ан Бретань» (1788—89)», Париж, 1925. Второй том посвящен исключительно публикации документов. Концепция Кошена не получила (как, впрочем, и следовало ожидать, ввиду ее «нелиберальности») признания большинства историков *. Его взгляды относят, как правило, к типу революции как «заговора», что, как мне кажется, представляет их в совершенно искаженном виде.

О влиянии кальвинизма на создание «духа капитализма» имеется классическая работа: Макс Вебер. «Ве протестан этик энд ве спирит оф капитализм», Лондон, 1980.

Влиянию на создание духа современной партийной жизни посвящена интересная книга: Михаэль Вальцер. «Ве революшн оф ве сайнт», Кембридж, Масс, 1965.

О роли пуритан в английской революции см.: Беллок, Хиллейр. «Кромвель», Лондон, 1934 и цитированную выше книгу М. Фрейнда.

Характеристика немецкого радикализма: цитированная выше книга Зомбарта, т. I, с. 45—47; и особенно Г. Фон Трейчке. «Деитше гешихте им нейнцентен ярхундерт», ч. III, гл. 9, Лейпциг, 1895.

Русская публицистика 60—70-х гг. XIX в. см.: В. А. Зайцев. «Избранные сочинения», т. I, М., 1934, с. 55, 62, 95, 96; Ю. В. Стеклов. «Чернышевский», М.—Л,. 1928, ч. I, с. 158.

Достоевский Ф. М. «Дневник писателя», март 1876 г., май—июнь 1877 г., август 1880 г., январь 1881 г.

Л. Тихомиров. «Начала и концы («либералы» и «террористы»)», М., 1890 г.

к § 5

Выражение «дьявол русской тирании» принадлежит Янову: «Синтаксис», № 6.

* Кажется, отношение к нему теперь изменилось. Примечание 1990 г.

Шрагин о «России как жандарме Европы». «Самосознание», с. 56.

По поводу самооценки дореволюционной интеллигенции см.: В. Зернов. «Русское религиозное возрождение XX в.», Париж, 1974; «Вехи» («Сборник статей о русской интеллигенции»), 2-е изд., М., 1909; «Интеллигенция в России», СПб., 1910.

к § 6

По поводу цитат «Они о нас» см. статьи «Горского (псевдоним) в «Вестнике РСХД», № 97, «Сны Земли» Померанца, «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрика, «Противостояние духа» Шрагина, с. 60; Пайпса, «Россия...», с. 97, Янова, «Новая...», с. 141 и «Разрядка...», с. 13, статью Белоцерковского в «Демократических альтернативах», с. 87, альбом «Ле пейнтюр рюс контемпорен», Палэ де Конгресс, Париж, 1976, картина «Снель Лурд», статью Меерсона-Аксенова в «Самосознании», с. 103 и Амальрика в «Синтаксисе», № 3, с. 72.

Национально окрашенные цитаты из Янова см.: «Разрядка...», с. IX, «Новая...», с. 12—16, 31, 160, 177—180, 28, 177. Журнал «22», Тель-Авив, 1978.

Н. Я. Мандельштам, что «евреи — это и есть интеллигенция»: «Вторая книга воспоминаний», Париж, 1972, с. 119, 567—568. Аналогичные мысли Хазанова: Борис Хазанов. «Запах звезд», Тель-Авив, с. 291, 284, 295, 278.

Шрагин о «национальном складе» интеллигенции: «Противостояние духа», с. 30.

Янов о желательности «нового Баруха»: «Разрядка...», с. 89. Померанц о миссии Израиля: «Сны земли» (Самиздат).

к § 7

«Революцию делали не одни евреи» — «Вестник РСХД», № 97, с. 6.

Пьеса «Утомленное солнце» — «Время и мы», Тель-Авив, 1980, № 7.

Померанц о «проклятом вопросе»: «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6.

Сборник статей «Россия и евреи», переиздан в Париже в 1978 г. См. также: Ф. Светов. «Отверзи ми двери», Париж, 1978; статьи Бергмана и Дон-Левина в журнале «22» Тель-Авив, 1978; статью А. Суконника

в «Вестнике РСХД»; № 123; Померанц. «Сон о справедливом возмездии», «Синтаксис», № 6; А. Янов, «Синтаксис», № 6; «Ве Нью-Йорк Ревю оф Букс». Апрель, 15, 1976; «Синтаксис», № 2, 1978, с. 48.

к § 8

«Россия и евреи», статья И. О. Левина, с. 109 и И. М. Бекермана, с. 22—23. Обзор революционной эмиграции из России см в: «Хронике социалистического движения в России 1878—1887 гг.». «Публикация материалов министерства внутренних дел». М., 1907, с. 325—333. Показания Азева в: «Былое», № 1, июль, 1917.

Обширные статистические данные находятся в книге: А. Дикий. «Евреи в России и СССР», Нью-Йорк, 1967. В книге встречаются неточности, но нетенденциозные: в целом обрисованная там картина, по-видимому, соответствует действительности.

Рассказ Шульгина о его впечатлениях времен гражданской войны находится в его книге «Что нам в них не нравится», Париж, 1929. Недавно на Западе опубликована книга двух английских журналистов, посвященная расстрелу царской семьи: А. Саммерз и Т. Манголд. «Ве Файл оф ве цар», 1976. В частности, см. с. 88 и с. 185—187 «Неизданные записки Л. Тихомирова», «Красный архив», т. 29, 1928. Список руководства ОГПУ — НКВД — в книге Р. Конквеста «Ве грейт террор».

Выступления против «великодержавного шовинизма» — см. материалы XII съезда РКП(б) 17—25 апреля 1923 г. Выступления Зиновьева, Яковлева и Бухарина, с. 553—557, 562—566. Термин «Русотяп» — там же, в докладах Орджоникидзе (с. 159), Скрыпника (с. 526), Орджоникидзе (с. 544).

Стихотворение Безыменского см. в альманахе «30 дней», 1925 г., № 9, другие стихотворения — «Правда», 13 августа 1925 г. и тот же альманах «30 дней», 1930 г., № 8.

Плющ о Кутузове как «реакционере», см. «Демократические альтернативы», «Беседы с Леонидом Плющом».

Биография Троцкого с характеристикой его национальных чувств см.: Джоэль Кармайкл. «Троцкий», Иерусалим, 1980. (Сокращенный перевод с английского).

Взгляды Хаима Житловского и Шарля Раппопорта: журнал «Время и мы», Тель-Авив, 1976, № 11.

Об Азеве и вообще эсерах см.: Б. Николаевский. «Азев Ве Спай», Н.-И, 1934, с. 69, 88.

М. Н. Покровский. «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.», М., 1924, с. 152. Гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, Л., 1924, с. 360. Дополнение Шульгина «Что нам в них не нравится». Шульгин цитирует «Бнай Брит Ньюс», XII, № 9.

Отчет о выступлении Леба опубликован, например, в газете «Филадельфиа пресс», 19, II, 1912.

к § 9

Макс Вебер об истории «еврейского гетто», см.: М. Вебер. «Гезамелте Ауфзетце цур Религионсоциологие», Бд. III. «Дас антике юдентум», Тюбинген, 1923, с. 434—435.

Молитва, которую приводит Брод, см.: М. Брод. «Йоханнес Рейхлин унд зейн Кампф», Штутгарт — Берлин — Кельн — Майнц, 1965, с. 263. Брод говорит, что видел эту молитву в молитвеннике своей матери.

Мысли Лассаля: Ф. Лассаль. «Дневник», П., 1919, с. 119. Мартова: Ю. Мартов. «Записки социал-демократа», «Новь», М., 1924, с. 23.

Стихи Бялика см.: Х. Бялик. «Песни и поэмы». Перевод Б. Жаботинского, 2-е изд., СПб., 1912, с. 85, 119, 171, 191.

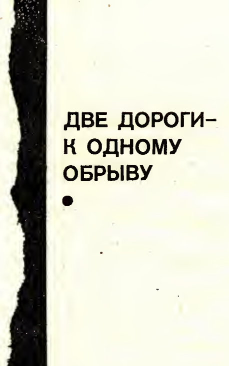
Статья из израильского журнала: Шмуэль Мушник. «Менора», № 22, VIII год изд., Иерусалим, 1980; из канадского: Гиндин. «Современник», № 34, Торонто, 1978, с. 209.

Цитаты из книги «Россия и евреи», с. 132, 117, 228.

к § 10

По поводу рабочего законодательства в России конца XIX в. см.: В. П. Литвинов-Фалинский. «Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России», изд. II. СПб., 1904; П. А. Хромов. «Экономическое развитие России в XIX—XX веках», М., 1950, с. 350—354.

Общую атмосферу правительственных мероприятий в рабочем вопросе перед мировой войной характеризует «Заключение междуведомственного совещания об изыскании мер против забастовок», «Красный Архив», № 34, 1929.



ДВЕ ДОРОГИ– К ОДНОМУ ОБРЫВУ

Физики уже привыкли к тому, что появление в некоторой области противоречий обычно предвещает обнаружение какой-то новой закономерности. Ту же мысль можно привлечь при обсуждении трагических перипетий нашей новейшей истории: выделив некоторые факты, казалось бы, не согласующиеся друг с другом, попытаться понять причину их видимого противоречия. Одна такая антиномия бросается в глаза, к ней я и хочу применить этот прием. Речь идет о двух положениях:

а) сталинский террористический режим прямо противоположен по духу либеральной западной идеологии прогресса;

б) очень многие виднейшие представители этой идеологии не только не протестовали против преступлений сталинского режима, но защищали его от критики других, превозносили, восхваляли.

Загадка усугубляется тем, что сталинская пропагандистская машина была весьма сурова к западным либералам: неизменно провозглашала их демократию «фальшивой», гуманность — «классовой», а их самих — «социал-предателями» и «социал-фашистами».

Постараемся несколько уточнить понятия, которыми будем дальше пользоваться. Во-первых, говоря о сталинском режиме, мы будем подразумевать не только эпоху единовластия Сталина, но включать и время, когда оно подготовлялось (особенно идеологически), — 20-е годы. Во-вторых, под либералами мы будем понимать всех западных деятелей, исходивших из концепции демократии, прав человека, свободы, идеологии прогресса. Нас будет в основном интересовать эпоха 20—50-х годов, когда все либеральное (в этом широком смысле) течение подчинялось жесткому давлению своего более радикального, левого крыла.

Напомню некоторые факты. Каждый, кто жил созна-

тельной жизнью в конце 40-х — начале 50-х годов, помнит, вероятно, непрерывную череду знатных западных посетителей: философов, писателей, ученых, политиков, священников. Нельзя сказать, что они приезжали ничего не подозревавшими невинными младенцами. Очевидно, до их ушей что-то уже доходило. Типичный их отзыв звучал примерно так: «Я приехал в Москву настороженным, под влиянием разных мрачных слухов. Но я увидел своими глазами заполненные народом улицы, смеющуюся молодежь — и понял, как далеки были от действительности эти грязные инсинуации». За ослепительными их улыбками, детски невинными глазами и серебряными сединами чувствовалась стальная решимость умереть «при исполнении долга», но не увидеть и не услышать того, что по каким-то загадочным причинам видеть и слышать им не надлежало. И они уезжали, так и не заметив, что из нашей жизни исчезали знаменитые артисты, писатели, ученые, театры, научные школы, целые республики и народы.

К тому времени это была уже отшлифованная традиция, и выработалась она давно. Так, Исаак Дон-Левин, очевидец Октябрьской революции и активный пропагандист на Западе новой власти, вновь посетив Россию в 1923 году, получил некоторые сведения о расстрелах и истязаниях в Соловецком концлагере. Он вывез на Запад письма 323 зеков и напечатал их. Рукопись этой книги он послал известным духовным вождям западного мира, попросив отозваться на нее. Большинство из них отказались! Вот типичные ответы:

Ромен Роллан. Это позор! Кто-то ломает себе руки, в отчаянии, от омерзения! <...> Я не буду писать предисловия, о котором Вы просите. Оно стало бы оружием в руках одной партии против другой <...>. Я обвиняю не систему, а Человека.

Г. Уэллс. Сожалею, что не могу судить о подлинности Вашего собрания писем; равно я не понимаю, почему Вам так хочется получить от меня комментарий к книге.

Э. Синклер. Я признаю право государства охранять себя от тех, кто действительно совершает насилие против него <...>. Я надеюсь, что правительство рабочей России утвердит уровень гуманности более высокий, чем то капиталистическое государство, в котором я живу.

К. Чапек. Я не позволю себе быть несправедливым

ни к жертвам, ни к гонителям. Я отдаю себе отчет в том, что в той или иной степени весь мир участвовал в создании положения, при котором человеческая жизнь, законность и человечность имеют столь малый вес.

Б. Шоу — отделывается шуткой и обвинением автора в антисоветизме.

Были, конечно, и исключения: например, А. Эйнштейн отнесся к рукописи с сочувствием. Он писал: «Всем серьезным людям следует поблагодарить издателя этих документов. Их публикация должна способствовать изменению ужасного положения дел». Но тенденция набирала силу и все больше подчиняла себе умы. В 1934 году Дон-Левин вместе с А. Л. Толстой (дочерью писателя) обратился к Эйнштейну с просьбой подписать протест группы общественных деятелей против расстрелов в Ленинграде после убийства Кирова. Теперь Эйнштейн отказался. Вот его ответ:

«Дорогой г. Левин.

Мы можете себе представить, как я огорчен тем, что русские политики увлеклись и нанесли такой удар элементарным требованиям справедливости, прибегнув к политическому убийству. Несмотря на это, я не могу присоединиться к Вашему предприятию. Оно не даст нужного эффекта в России, но произведет впечатление в тех странах, которые прямо или косвенно одобряют бесстыдную агрессивную политику Японии против России. При таких обстоятельствах я сожалею о Вашем начинании: мне хотелось бы, чтобы Вы совершенно его оставили. Только представьте себе, что в Германии много тысяч евреев-рабочих неуклонно доводят до смерти, лишая права на работу, и это не вызывает в нееврейском мире ни малейшего движения в их защиту. Далее, согласитесь, русские доказали, что их единственная цель — реальное улучшение жизни русского народа; тут они уж могут продемонстрировать значительные успехи. Зачем, следовательно, акцентировать внимание общественного мнения других стран только на грубых ошибках режима? Разве не вводит в заблуждение подобный выбор?

С искренним уважением
А. Эйнштейн».

В своих бумагах я обнаружил кусок старой газеты неизвестного названия и даты. «...Прекрасна эта поездка по каналу. Истинное наслаждение плыть сотни ки-

лометров по местности, преображенной человеческими руками...» — писал Мартин Андерсен-Нексе, совершивший в 1933 году путешествие по Карелии. Тогда только что закончилось строительство Беломорско-Балтийского канала. Датскому писателю хотелось все увидеть своими...» Далее газета оборвана.

В 1937 году СССР посетил другой писатель — Л. Фейхтвангер, всего за несколько лет до того эмигрировавший из Германии после гитлеровского переворота. Казалось бы, он должен был особенно болезненно реагировать на всякое насилие, на культ вождя. Он пишет книгу «Москва 1937». В ней есть раздел «Сто тысяч портретов человека с усами». Всей ситуации умелый автор придает полукомический характер, отмечая такую характерную черту русской жизни: даже в женских банях висит портрет бородатого Маркса. И даже «человеку с усами», оказывается, претит изобилие его портретов. Он сам жалуется автору: ему так надоели эти подхалимствующие дураки! После такой подготовки автор переходит к самому деликатному вопросу — показательным процессам. Он описывает здоровый вид подсудимых, убедительность улик... И честно, решительно отклоняет какие-либо посторонние мотивы признаний: пытки, угрозы, наркотики. А завершает цитатой из Сократа: «То, что я понял, прекрасно. Из этого я заключаю, что остальное, чего я не понял, тоже прекрасно».

В такой оценке этих процессов Л. Фейхтвангер был тогда далеко не одинок. Например, английский юрист Дадли Коллард заверял через газету «Дейли геральд», что процесс Пятакова — Радека «юридически безупречен». Член английского парламента лейборист Нейл Маклин писал: «Все присутствующие на процессе иностранные корреспонденты, за исключением, конечно, японских и германских, отмечают большое впечатление, произведенное весомостью доказательств и искренностью признаний». Как замечает английский историк Конквест, этим на не согласных с точкой зрения автора бросалась тень — «это фашист» (повторяя в миниатюре логику процесса).

В 1944 году вице-президент США Генри Уоллес посетил Магадан — центр Дальстроя, одного из самых больших и суровых скоплений лагерей. Он отметил, как выгодно отличается обстановка там от американских приисков времен «золотой лихорадки», где царили

«грех, водка и драки». Сравнил условия работы на Дальстрое с условиями американской компании Гудзонова залива. Рабочих нашел «крепкими и упитанными». (А по рассказам зеков, их всех вывезли из того района и заменили охранниками, переодетыми в аккуратные ватники.)

Однако, старательно закрывая глаза на то, что они здесь видели, западные либералы приводили и оправдания (чему-то). Так, вожди английского фабианского социализма Сидней и Беатриса Уэбб писали: «Пока продолжается работа, всякое публичное выражение сомнения или хотя бы опасение возможной неудачи плана является изменой, даже предательством, ввиду его воздействия на энергию и усилия других».

Не сказать, чтобы на Западе было мало сведений о происходившем у нас, но он был к ним глух — а что ему надо слышать, решали его либеральные и прогрессивные духовные вожди. По словам А. И. Солженицына, оказавшись на Западе, он обнаружил, что задолго до его «Архипелага ГУЛАГ» там уже существовала целая литература на эту тему, десятки книг, в том числе и очень яркие, — но они полностью игнорировались, почти никому не были известны.

Мы сталкиваемся с еще одной загадкой. Оказывается, оценка западным либеральным общественным мнением положения в нашей стране не была все время одной и той же, она стала резко меняться где-то в 50-е годы. Но вот что загадочно: раньше они не хотели замечать творившейся у нас трагедии, а потом вдруг стали все строже судить нашу жизнь как раз тогда, когда миллионы заключенных были отпущены, и жизнь стала постепенно смягчаться. Например, в 30-е годы Пьер Дэкс (из французских левых) разъяснял: «Лагеря... в Советском Союзе — это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком», а в 60-е написал хвалебное предисловие к переводу «Одного дня Ивана Денисовича»!

Первый признак этого изменения появился в связи с «делом врачей» в самом конце жизни Сталина. Исаак Дойчер в своей биографии Сталина пишет, что этой акцией он уничтожил «основание законности и свидетельство о рождении» своего режима. Поразительно, что Дойчер не применяет столь ярких образов, описывая, например, коллективизацию (даже когда приводит дра-

матический рассказ старого чекиста, вспоминавшего, едва сдерживая рыдания, как он расстреливал из пулеметов крестьянскую толпу). Но, впрочем, может быть, Дойчер только post factum придает такое значение «делу врачей» — тогда, в начале 50-х годов, мировой резонанс был очень скромным. Реально либеральное общественное мнение Запада стало меняться только после смерти Сталина и хрущевских разоблачений. Этот процесс захватил 60-е и 70-е годы. Если в 60-х годах в Европе учреждались общественные «трибуналы» для суда над действиями американцев во Вьетнаме, то в 70-е годы на таких же «трибуналах» и «чтениях» осуждалось уже нарушение «прав человека» в СССР.

Последнее понятие играет столь большую роль во всех дискуссиях о положении в нашей стране, что на нем необходимо остановиться подробнее. Смысл всякого понятия, применяемого к явлениям жизни, уясняется не из его формального определения (вроде понятия ромба в геометрии), но из конкретного анализа его употребления. И здесь мы сталкиваемся с очень странной ситуацией. Я не помню, чтобы права человека поминались в связи, например, с коллективизацией у нас или «культурной революцией» в Китае. Последнее время в Китае проводится суровая политика государственного ограничения рождаемости — запрет второго ребенка. Наказываются родители, нарушившие запрет, проводятся унизительные профилактические осмотры женщин, на фабриках действует «полиция бабушек», следящая за молодыми работницами. Это привело к волне детоубийств: по древней китайской традиции родители стремятся иметь сына, а для этого убивают новорожденных девочек (чему идет навстречу и закон, считающий уголовным преступлением лишь убийство ребенка, прожившего уже три дня). В результате в этом году власти согласились на смягчение: разрешено иметь второго ребенка, если первый — девочка. Такого, кажется, история еще не знала! И я никогда не слышал, чтобы это беспрецедентное вмешательство в самую интимную сторону человеческой жизни трактовалось как нарушение прав человека. То же относится к слухам о китайской политике стерилизации в Тибете, которые без особых комментариев передавало западное радио, и о пропаганде подобных мер в Индии.

Какое право человека бесспорнее, чем право жить, — и даже не жить самим, ибо мы все обречены на смерть,

а чтобы жили наши потомки? Но вот данные, которые часто приводятся в западной экологической литературе: население США составляет 5,6 процента от населения мира, они используют 40 процентов всех природных ресурсов и выбрасывают 70 процентов всех отходов, отравляющих среду. Говоря попросту, США существуют за чужой счет — за счет нас и наших потомков, угрожая самому их существованию. Но я никогда не слышал, чтобы такая ситуация связывалась с категорией «прав человека». Зато ограничение эмиграции (это прежде всего!), запреты демонстраций или партий и связанные с нарушением таких запретов аресты рассматриваются как нарушения столь фундаментальных «прав человека», что оказываются препятствием в переговорах по ограничению вооружений, в торговле или по расширению научных связей.

Создается впечатление, что понятие «прав человека» не имеет какого-то самоочевидного содержания. Такая неопределенность дает возможность пользоваться этим понятием как полемическим приемом. И в отношении к нашей стране это скорее всего именно такой полемический прием, а сама причина враждебности лежит где-то глубже.

Безусловно, наша жизнь и в послесталинские годы была далеко не идеальна, здесь достаточно материала для критики (о чем и я в числе многих не раз публично заявлял). Но поразительно, что град обвинений обрушился на нашу страну как раз в тот период, когда положение изменилось к лучшему — самая лютость сталинского режима отошла в прошлое. Типична эволюция некогда популярного эстрадного певца, члена (теперь бывшего) Французской коммунистической партии Ива Монтана. В начале 50-х годов он был яростным защитником всех сторон сталинской системы, включая и показательные политические процессы в восточноевропейских странах. Этим он облегчил вынесение смертных приговоров, в некоторой степени на его совести судьба его партийных товарищей. В последние годы он, как уверяет, прозрел. Что же он, кается? Нет, он обличает не себя или левых интеллектуалов, а нашу страну, в которой (несмотря на все тяжелые стороны нашей жизни) все же по политическим обвинениям уже не расстреливают. Еще поразительнее, что многие западные левые, с разочарованием отвернувшись от СССР, нашли свой идеал в Китае, где именно тогда Мао осуществлял

«культурную революцию» (наиболее известный пример. — Ж.-П. Сартр).

В 20—40-е годы у нас в стране сложился специфический жизненный уклад, который многие сейчас называют командной системой. Этот термин, как всякий другой, приемлем, если ясно отдавать себе отчет в том, что он характеризует. Примем его в этой работе и мы. Создание и укрепление командной системы не вызывало протестов в западном либерально-прогрессивном лагере, скорее сочувствие, стремление защитить ее от критики. Но положение в нашей стране стало вызывать раздражение, активную неприязнь, да больше того — восприниматься этим течением как нетерпимое, когда появились первые попытки вскрыть самые бесчеловечные аспекты системы, избавиться от них. Следовательно, можно предположить наличие какой-то духовной близости, каких-то существенных общих черт командной системы и западного либерального течения прогресса. Эти общие черты и интересны.

О КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ

Мне представляется, что кульминацией командной системы явилась трагедия коллективизации — раскулачивания, обрушившегося на деревню в конце 20-х — начале 30-х годов. Именно тогда были разрушены социальные и психологические структуры, которые труднее всего поддаются восстановлению, — индустриальная культура при благоприятных условиях усваивается в несколько десятилетий (как мы это видим в Южной Корее или Сингапуре), а крестьянская создается тысячелетиями. Последствия именно этого «великого перелома» наиболее болезненны и в наши дни, ведь и сейчас потоки горожан сезонно текут на помощь деревне, а не крестьяне — на помощь городу. Грандиозный социальный катаклизм, насильственно изменивший жизнь 3/4 населения, создал тот дух «осадного положения», при котором любая форма диктатуры казалась оправданной. Именно этим действием Сталин закрепил свою власть, спаяв свое окружение по рецепту Петруши Верховенского — связать «пролитою кровью, как одним узлом». Да и сам он придавал тому периоду совершенно особенное значение. В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, когда во время Сталинградского сра-

жения он подивился самообладанию Сталина, тот ответил: это ничто в сравнении с тем, что ему пришлось пережить «в период коллективизации, когда было репрессировано 10 миллионов кулаков, в подавляющем большинстве убитых своими батраками». Естественно предположить, что «великий перелом», который был для Сталина страшнее войны с Гитлером, и являлся центральным действием в создании командной системы. Все предшествующее можно рассматривать как подготовку к нему, последующее — как его следствие, разбегающиеся от него волны (впрочем, бушующие и по сей день). Из анализа этой катастрофы мы и попытаемся извлечь понимание командной системы.

В своем анализе я опираюсь на глубокую работу К. Мяло «Оборванная нить» («Новый мир», 1988, №8). В ней, насколько мне известно, впервые высказана следующая важная мысль, которую хочу напомнить, дополняя ее некоторыми своими аргументами. Деревня являлась не просто экономической категорией, определенным методом производства съестных продуктов. Это была самостоятельная цивилизация, органично складывавшаяся многие тысячелетия, со своим экономическим укладом (и даже несколькими разными типами земледелия), своей моралью, эстетикой и искусством. Даже своей религией — православием, впитавшим гораздо более древние земледельческие культы. Типична в этом смысле череда земледельческих праздников, опоясывавших весь год и соотнесенных с православным циклом церковной службы. Или ритуал исповеди и покаяния земле перед церковной исповедью:

Что рвала я твою грудушку
Сохой острою, разрывчатой,
Что не катом я укатывала,
Не урядливым гребешком чесывала,
Рвала грудушку боронышкой тяжелою,
Со железными зубьями ржавыми.
Прости, матушка,
Прости грешную, кормилушка,
Ради Спас Христа Честной Матери
Всесвятыя Богородицы.

Или ритуал взятия земли в крестные матери. Наконец, ритуальное восприятие избы, отражавшей космос, и ритуальные действия при закладке дома, соотносившие ее с идеей сотворения мира.

Катаклизм, сотрясший деревню на грани 20—30-х годов, был не только экономической или политической ак-

цией, но столкновением двух цивилизаций, не совместимых по своему духу, отношению к миру. Этим он аналогичен, например, уничтожению цивилизации североамериканских индейцев английскими переселенцами — пуританами. К. Мяло пишет: «...любой анализ судеб русского крестьянства в эту пору останется неполным, если забыть о том заряде ненависти, который уже в начале 20-х годов был обрушен на традиционно деревенский уклад жизни — хозяйствование, чувствования и мышление, быт. Кажется, что даже сам вид этих бород, лаптей, поясков и крестов — видимых знаков «темноты» и «бескультурья» — вызывал вспышки отвращения, острые и неконтролируемые, как это бывает при резко выраженной «психологической несовместимости». «Думается, не будет преувеличением сказать, что налицо приметы открытой дегуманизации предполагаемого врага», то есть уничтожения тех сдерживающих психических механизмов, которые ограничивают проявление агрессивности по отношению к человеку.

Действительно, отношение идеологов «перелома» к мужику было не только враждебным, оно как бы отлучало его от жизни, отрицало его право на существование, причем, как всегда, идейная подготовка предвосхищала практические действия, готовила им путь. Например, еще в 1918 году Д. Рязанов, видный партийный деятель, говорил как о чем-то самоочевидном: «Толстой предлагал устроить Россию по-мужицки, по-дурацки». Горький, обращаясь за помощью голодающим (письмо в «Юманите», 1921 год), видел опасность голода в том, что он «может уничтожить лучшую энергию страны в лице рабочего класса и интеллигенции», — хотя умирали от голода как раз в деревне. О крестьянах он говорил: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — почти страшные люди...» Деревня и мужик объединялись в образе «Расеюшки» или «Руси»:

Бешено,
Неуемно бешено,
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи.
(В. Александровский)

Именно духовный аспект крестьянской цивилизации, наиболее явно выраженный тогда в произведениях крестьянских поэтов (прежде всего Есенина), вызывал шквал злобных нападок. Мы все учили в школе о них:

«мужиковствующих свора». Но Маяковский был тут неоригинален — он лишь цитировал; это Троцкий назвал деревенских поэтов мужиковствующими, а их поэзию — примитивной и отдающей тараканами. Бухарин же усмотрел, что поэзия Есенина — это «смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господа бога, некрофилии, обильных пьяных слез и «трагической» пьяной икоты...». Тут не было разделения на левых и правых — фантастический «право-троцкистский блок» в этой области реализовался во плоти.

Когда же от слов перешли к делам, то опять борьба мировоззрений составляла важнейший компонент. Коллективизация, как правило, начиналась с закрытия церкви — по большей части насильственной (типичный случай описан в «Мужиках и бабах» Б. Можаева). По словам К. Мяло, крестьяне, обладавшие высоким духовным авторитетом, становились первой жертвой раскулачивания: «...общину удавалось обезглавить разом и как хозяйственное и как культурное целое, убрав в одну ночь грамотных наставников».

Какая же идеология противостояла крестьянской цивилизации, двигала тот водопад ненависти, который тогда обрушился на деревню? Это прежде всего концепция «темноты», «дремучести» деревни и мужика. Вот примеры:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон.
(В. Александровский)

Л. Фейхтвангер твердо знал все, что ему нужно знать о русских неколлективизированных крестьянах: «Они не умели ни читать, ни писать, весь их умственный багаж состоял из убогого запаса слов, служивших для обозначения окружающих их предметов, плюс немного сведений из мифологии, которые они получили от попа».

Само собой очевидно, что этот жалкий строй жизни не имел права на существование: он должен был быть взорван, а жизнь построена наново. Но нам важно выяснить, какими путями и чем его предполагалось

заменить. Прежде всего бросается в глаза, что речь шла о водворении на место крестьянской цивилизации мира техники, замене мужика машиной:

У вымощенного тракта,
На гранитном току,
Раздавит раскатистый трактор
Насмерть раскоряку-соху.
(М. Герасимов)

Есенин видел крестьянскую Россию в образе бегущего по полю жеребенка и спрашивал: «Неужель он не знает, что живых коней победила стальная конница?» М. Горький высказывал А. Воронскому более радикальную мысль: «Если б крестьянин исчез с его хлебом, — горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории».

Для мужика на случай, если он не «исчезнет», в этой системе находилось новое применение. В последнее время много раз цитировался доклад Троцкого на IX партсъезде, в котором предлагался план милитаризации населения страны: мобилизации его в трудовые армии с военной дисциплиной. План вызвал на съезде дискуссию, но лишь по поводу того, применять ли милитаризацию только к крестьянам (как предлагал оппонент Троцкого В. Смирнов) или ко всему населению, как считал Троцкий, выступавший от ЦК. По поводу же применения этих мер к крестьянам тогда, по-видимому, разногласий не было.

Этот идеал и был осуществлен Сталиным на Беломорканале и других «великих стройках». Работавшие там зеки и являлись той «милитаризованной рабочей силой», о которой говорил Троцкий. Остальную часть крестьянства подвергли милитаризации пока лишь частично.

Тот же принцип «социального переустройства» применялся не только в деревне. Массовое разрушение церквей, да и вообще старых зданий имело целью создать tabula rasa, пустое место, на котором можно было бы все строить заново. Для этого требовалось и «классиков сбросить с парохода современности», и русскую историю вытеснить из сознания, превратив ее в «проклятое прошлое». Параллельным процессом, движимым тем же духом, было «преобразование природы» — строительство грандиозных каналов, в идеале — механизация всего земледелия, превращение его в фабрику. К. Мяло называет это противопоставлением техноцентризма кос-

моцентризму крестьянской цнвнлизации. Даже более общо: всего нерукотворного, природы — рукотворному, техинке. Работа К. Мяло дает почувствовать характер этого противостояния.

Что давала человеку «крестьянская цивилизация», почему крестьяне так держались и боролись за нее? Представление об этом можно получить из произведений «деревенской» литературы, например, из «Прощания с Матёрой» В. Распутина, «Канунов» или «Лада» В. Белова. Но что двигало другую сторону конфликта, что давало силы и даже бешеную энергию активистам «перелома»? Как мне кажется, это было чувство соучастия в реализации некой грандиозной техницистской утопии, неслыханной дотоле попытке превратить природу и общество в единую космическую машину, управляемую из одного центра. Создание такой машины, управление ею представлялось делом избранной элиты, «новых людей», покорителей вселенной — такими и ощущали себя эти активисты.

Вьющиеся речки с неконтролируемыми половодьями должны быть заменены каналами, «закованными в берега из бетона и стали». Бескрайние, безобразные болота — осушены. Их должны пересекать прямые, как стрела, трассы, по которым будут сновать автокары. Поля с пасущимися на них коровами заменены земледельческой фабрикой или лабораторией. Крестьянам же в этой сверхмашине предусматривалась роль сырья, планомерно в нее загружаемого и движущегося по ее трубам. Слова персонажа повести В. Распутина: «Матёра на электричество пойдет» — передают дух этого плана умерщвления матери-земли и использования ее как сырья для грандиозной машины.

Литература 20-х годов передает пафос поклонения машине, желание молиться ей или превратиться в нее: «Шеренги и толпы станков, подземные клокоты огненной печи, подъемы и спуски нагруженных кранов, дыханье прикованных крепких цилиндров, рокоты газовых взрывов и мощь молчаливая пресса — вот наши песни, религия, музыка» (А. Гастев).

Режиссер и художник Ю. Анненков утверждал: «Искусство достигнет высшей точки расцвета лишь после того, как несовершенная рука художника будет заменена точной машиной». «Разве современного человека, слышавшего хоть раз полифонию Ньюкастльского порта, может удовлетворить кустарное искусство ма-

ленького Шаляпина, вытягивание на цыпочки теноров...»

А Гастев рисовал такую космическую утопию:

«Мы не будем рваться в эти жалкие выси, которые зовутся небом. Небо — создание праздных, лежачих, ленивых и робких людей.

Ринемтесь вниз!

Вместе с огнем, и металлом, и газом, и паром... мы зароемся в глуби, пророжем их тысячью стальных линий, мы осветим и обнажим подземные пропасти каскадами света и наполним их ревом металла. На многие годы уйдем от неба, от солнца, мерцания звезд, сольемся с землей: она в нас, и мы в ней.

Мы войдем в землю тысячами, мы войдем туда миллионами, мы войдем океаном людей! Но оттуда не выйдем, не выйдем уже никогда... Мы погибнем, мы схороним себя в ненасытном беге и трудовом ударе.

Землею рожденные, мы в нее возвратимся, как сказано древним; но земля преобразится; запертая со всех сторон — без входов и выходов! — она будет полна несмолкаемой бури труда; кругом закованный сталью земной шар будет котлом вселенной, и когда, в исступлении трудового порыва, земля не выдержит и разорвет стальную броню, она родит новых существ, имя которым уже не будет человек».

Но и человек воспринимается всего лишь как совершенная машина:

«Нужно сделать, чтобы вдруг человечество открыло, что сам человек есть одна из самых совершенных машин, какие только знает наша техника... Мы должны заняться энергетикой человеческого механизма... будем «метрировать» человеческую энергию... Здесь не должно быть ничего священного».

Стране предстоит превратиться в колонию таких людей-машин.

«Мы должны быть колонизаторами своей собственной страны. Мы — конечно, нас небольшая кучка в аграрном пустыре — авто-колонизаторы». (Тогда же и в политике предлагался план — например, Преображенским, — использования деревни как источника «первоначального накопления» для индустриализации, подобно колониям Запада.)

Поразительную картину с этой точки зрения представляет собой творчество А. Платонова (на это мое внимание обратил В. А. Верин). В первых своих статьях («Воронежская коммуна», 1920—1923 годы) он вы-

ступает яростным идеологом именно этой утопии. Он призывает к уничтожению всей природы. Или предлагает «разморозить Сибирь» путем взрыва окружающих ее гор, направив в нее теплый воздух, — это будет стоить, по его подсчетам, 2 миллиарда золотых рублей. Но потом в его художественных произведениях подобные идеи становятся элементами антиутопии, и высказывают их антигерои, которых автор называет насильниками природы или даже «сатаной мысли».

Сама форма левого авангардного искусства начала века соответствовала духу такой техницистской утопии. Из живописи вытеснялись живая природа, человеческий облик, их место занимали кубы и треугольники — готовые детали механизма. В литературе опасным, «правым» объявлялся психологизм, принцип «живого человека». Ставилась задача — описывать дело; производственный процесс. Приобщение к старому искусству приравнивалось к контрреволюционной деятельности. В. Мейерхольд, которого называли «главковерхом театра», выдвинул лозунг «Октябрем по театру». Об одной его постановке кто-то из его последователей сказал: «эстетический расстрел прошлого». Прокламировалось вообще отмирание искусства как независимой деятельности, слияние искусства и производства. Человек рассматривался только как материал для обработки при помощи искусства — производства. Задача искусства ставилась так: «...подготовить такой человеческий материал, который был бы, во-первых, способен к дальнейшему развитию в желаемом направлении... и, во-вторых, был бы максимально социализирован» (Б. Арватов).

В последние годы жизни Сталина явно вырисовывались новые конструктивные идеи по совершенствованию этой «мегамашины». В своем как бы духовном завещании — работе «Экономические проблемы социализма в СССР» — Сталин некоторые из них высказал. Он считал, например, что «кооперативная собственность» (то есть колхозы) создает «препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием». (Ведь колхозы все же владели, например, семенами!) И предлагал неуклонно сокращать «систему товарного обращения», заменяя ее «системой продуктообмена». Он явно сожалел, что милитаризация в свое время не была завершена!

Образу общества-машины соответствует человек-винтик. Еще в 1923 году идеолог Пролеткульта В. Плетнев понял «индивидуальность как винтик в системе грандиозной машины СССР». Позже Сталин с одобрением назвал жителей управляемой им страны «винтиками» великого государственного механизма», даже предложив тост за их здоровье. По-видимому, это устойчивый образ, связанный с духом командной системы, так как несколько позже, во время «культурной революции», китайские газеты сочувственно писали о некоем Лэй Фэне, назвавшем себя «нержавеющим винтиком председателя Мао».

Сейчас мы сравнили бы такую «мегамашину», охватывающую и природу и общество, с грандиозным компьютером, управляемым при помощи введенной в него системы команд. При таком понимании термин «командная система» представляется подходящим для описания этой попытки воплотить технологически-нигилистическую утопию. Попытка не удалась. Несмотря на понесенные страной потери, устойчивость, укорененность жизни оказалась сильнее напора утопического мышления. Напор не спал и до сих пор: слияния и разлияния колхозов, попытка повернуть реки вспять, затопить территории, равные по площади большим государствам, или превратить земледелие в отрасль химической промышленности — все это его проявления. Но все же основной смысл последних десятилетий заключается в растущем противостоянии утопическому мышлению, ослаблении его напора. Можно надеяться (при достаточном оптимизме), что из тисков командной системы мы вырвемся. Но главная, судьбоносная проблема — как жить дальше — еще ждет нас. Удастся ли вновь основать жизнь на космоцентрическом, а не техноцентрическом восприятии мира?

О «ПРОГРЕССЕ»

Выявить реальное содержание столь употребительного термина, как «прогресс», очень трудно. Оно сначала кажется очевидным, но ускользает при попытке понять, что же конкретно «прогрессирует». Я, конечно, не претендую на то, чтобы ответить на этот вопрос. Хочу лишь указать на одну, как мне кажется, очень важную тенденцию, проявляющуюся в том отрезке истории, ко-

торый все соглашаются рассматривать как самое полное воплощение «прогресса». Имеется в виду перевод возникновения в Западной Европе и распространения по всему миру современной «индустриальной», или «технологической», цивилизации. Конечно, подбор фактов и цитат, касающихся нескольких веков истории, субъективен. Чтобы сделать его немного более объективным, я постараюсь использовать наиболее известные, признанные классическими источники.

Многие из писавших о Ренессансе отмечали черты «конструктивности», «абстрактности», разрыва с традицией и органичностью, характерные для этой эпохи. Якоб Буркхардт, Альфред фон Мартин и другие указывают, что в то время место «божественного порядка» занимает взгляд на мир как на поле конструктивной деятельности индивидуума, который может перестраивать общество и космос, «конструировать» их. Одна из глав книги Буркхардта о Ренессансе называется «Государство как искусственное сооружение». Государства кондотьеров он называет «искусственными существами». Основной взгляд Макиавелли, что политика — это расчет, похожий на инженерный, столь же мало ограниченный нормами морали или религии.

В этом «конструируемом» мире важнейшими становятся такие свойства, как «мастерство», «техника» или «искусство»: «искусство дипломатии», «искусство войны». Возрастает роль специалистов: инженеров, дипломатов, кондотьеров. Денежное хозяйство делает возможным «свести все к числам» (бухгалтерии). Этот дух проникает и в область морали. (В одной бухгалтерской книге того времени записано слева: «Дож Фаскари — мой должник за смерть отца и дяди», а когда дож был убит, справа записано: «Уплатил».) Тому же духу соответствует новая наука об измеримых, вычислимых и предсказуемых в числах явлениях. Галилей сформулировал ее цель: «...измерить все, что измеримо, и сделать измеримым все, что неизмеримо». Возникло представление, что весь мир можно постичь через вычисления. Все субъективное: краски, запахи, тепло и холод — было объявлено находящимся за рамками науки, результатом несовершенства «человеческого прибора», познанием более низкого сорта. Этому соответствовала надежда вычислить и будущее — отсюда увлечение астрологией.

В XVI и XVII веках появляется новый вид литера-

туры — утопии Мора, Кампанеллы, Бэкона и других. Это загадочное течение мысли. Казалось бы, в период, когда формируется новый, капиталистический дух, можно было бы ожидать фантастически гипертрофированных описаний присущего ему индивидуализма, свободной конкуренции или же тоски по уходящему средневековому жизненному укладу. Вместо этого нечто совсем неожиданное: предельно стандартизованное общество, одинаковые дома, города, строжайшая регламентация производства, личной жизни. Общество построено на научных принципах и управляется учеными.

С появлением более развитого капиталистического хозяйства перед обществом возникает новая проблема. Макс Вебер иллюстрирует ее следующим примером. Помещик платил жнецам по 1 марке за уборку 1 моргена, и они убирали по 2,5 моргена в день. Желая увеличить продуктивность хозяйства, он увеличил плату в полтора раза, но вместо ожидаемых им 3,75 моргена жнецы стали убирать меньше 2 моргенов на человека, получая примерно те же 2,5 марки. Отгадка в том, что у жнецов существовало устойчивое представление о естественных потребностях и они работали лишь для того, чтобы их удовлетворить. Такой строй мышления типичен для традиционного хозяйства, и, пока он не будет сломан какими-то внешними силами, развитие капиталистического производства невозможно. Необходимо прежде изменить сознание, чтобы производство стало самоцелью, а не средством достижения других человеческих целей.

Эта новая концепция не смогла подчинить себе жизнь еще и в XVII веке. Например, в Англии тогда существовала обширная литература для предпринимателей о том, как вести хозяйство. Обычно совет был — выйти из хозяйственной деятельности, когда капитал достиг 50 тысяч фунтов, так как после этого можно купить поместье и жить как сквайр, а продолжать дело — уже бессмысленный риск. То есть принципы хозяйственной жизни еще были скроены по человеческой мерке, человек оставался мерой всех вещей.

Вернер Зомбарт в книге «Буржуа» показывает, как это мировоззрение постепенно заменяется духом позднего капитализма. Например, долг, воспринимавшийся раньше исключительно как элемент человеческих отношений, заменяется векселем, который анонимен — может быть продан и перепродан. Появляются ценные

бумаги и биржа, хозяйство принимает коммерциализированный, абстрагированный (от конкретной трудовой деятельности) характер. Сердцем его становится биржа, центральной деятельностью — продажа акций, грандиозная работа промышленности оказывается лишь последствием, отражением обращения бумаг. Благодаря появлению ценных бумаг собственность удаляется от человека, с которым она раньше была связана почти как орган его тела. Она легко переходит из рук в руки, становится анонимной, механизированной. Такая механизированная собственность, говорит Вальтер Ратенау, и называется капиталом. Возникают новые «индивидуальности» — тресты, предприятия и т. д. Их единственная цель (то есть мера успеха и конкурентоспособности) — увеличение дохода, а это не имеет естественного предела. Жизнь приобретает характер неограниченного, устремленного в бесконечность процесса, и в этой бесконечности ограниченная человеческая жизнь оказывается бесконечно малой, ничтожной величиной.

Другой стороной служит беспредельное увеличение темпов изменения жизни. Каждое изменение — это разрыв с традицией, но обычно единство, связность развития успевает опять восстановиться. Однако, если скорость изменения жизни превосходит какой-то предел, такое заживление разрыва уже не успевает произойти. В результате нарушается органичность развития, жизнь не опирается на традицию, развитие идет за счет абстрактной, чисто рациональной деятельности. С этой стороной духа капитализма связана большая роль в его развитии переселенцев, эмигрантов — людей, лишенных корней. Примером служат бежавшие из Франции в Германию гугеноты и пуританские переселенцы в Америку. Особенно в последнем случае отсутствие исторической преемственности создало идеальную почву для развития капиталистического хозяйства — и люди, и окружающая природа стали в чистом виде объектом хозяйственной деятельности. Все эти черты Зомбарт резюмирует так: «Капиталистическое предприятие является совершенно искусственным организмом, ему чуждо все органичное, естественно выросшее».

В XIX веке громадную роль начинает играть идеология сциентизма — стремление построить жизнь на научных основаниях. При этом имелись в виду главным образом естественные науки, успех которых связывался с абстрагированием от индивидуальных различий,

Мир виделся состоящим из одинаковых тел, одинаковых молекул и т. д. Сен-Симон, например, утверждал, что построил Историю как «социальную физику», на едином принципе, аналогичном всемирному тяготению. Его ученик Огюст Конт писал: «Существуют законы, управляющие развитием человеческого рода, столь же точные, как те, которые определяют падение камня». Он считал, что несколько компетентных инженеров могли бы создать гораздо лучший организм для выполнения определенной функции, чем это сделала природа, и что то же верно в отношении общества.

Сен-Симон отводил науке в своей системе столь большую роль, что предлагал, чтобы человечество управлялось великим ньютоновским советом, состоящим из лучших ученых мира с математиком во главе. Во всех провинциях должны быть созданы малые ньютоновские советы и в храмах Ньютона совершаться поклонения ему.

Предполагалось всю жизнь подчинить научным принципам, например, создать новую религию «так, как в Политехнической школе учат строить мосты или дороги». Сенсимонизм был ярким примером того, что утопическое мышление и успешная капиталистическая деятельность не только не противоречат друг другу, но прекрасно сочетаются. Среди его последователей были крупнейшие французские капиталисты и промышленники: Анфантен, Родригес, братья Перейра, Тальбо, оказавшие громадное влияние на развитие французской экономики, — создатели новых банков, строители сети железных дорог.

К XX веку развитие технологической цивилизации радикально изменило жизнь людей. Все большая часть человечества используется для производства механизмов или механизмов, производящих механизмы (эта цепь может все удлиняться). Труд все более удаляется от своей цели, то есть смысла. В своей работе люди большей частью не соприкасаются ни с чем живым. Ритм их труда, стиль жизни подчиняются технике. Человек зависит не от себя, а от какой-то внешней силы. Воду он приносит не из колодца, она кем-то подается в водопроводный кран. Он согревается, не топя печку, — кто-то греет его дом кипятком или паром. Он родится не дома, а в больнице и умирает в больнице, где его не провожают священник и близкие. Личные отношения учитель — ученик или врач — пациент растворяют-

ся в многолюдных школах и громадных больницах. Жизнь людей стандартизируется как массовое производство. Исчезает национальный стиль архитектуры (Новый Арбат неотличим от набережной Гаваны или улицы Сан-Паулу).

Люди, живущие на противоположных точках земного шара, оказываются неотличимо одинаково одетыми. Газеты прививают человеку стандартный средний язык, а радио убивает местные говоры. Людей всему учит общество. Подростки учатся в кино, как надо целоваться, а на порнофильмах — и более интимному поведению. Человеку трудно ответить — что же такое он сам? Эстрадные звезды, например, меняют свою наружность: цвет кожи (инъекциями гормонов), лицо (пластической операцией), им придумывают хобби и политические взгляды. Их выступления требуют сотен тонн аппаратуры. Сама звезда исчезает как человек, остается лишь точка приложения анонимных сил.

Человек все больше исключается из природных условий, помещается в искусственные. Яркое освещение улиц вырывает его из цикла день — ночь, комфортабельные дома и транспорт — из цикла зима — лето. Даже пространство все больше исчезает из жизни: чтобы добраться из Москвы в Ленинград или Нью-Йорк, надо затратить примерно одинаковое время.

Исчезает дом как место, с которым связаны традиции и семейные чувства. Ле Корбюзье говорил, что дом — это «машина для жилья». Он предлагал разрушить исторический центр Парижа (и Москвы тоже), ибо они построены хаотически, без плана (в Москве это в значительной мере удалось).

Беспочвенность этой цивилизации облегчает ее пересадку на новую территорию, ее экспансию. По словам Ганса Фрейера, для того, чтобы утвердиться на новой почве, такая цивилизация совсем не обязательно должна там вырасти. «Одно-два поколения нужны, чтобы электрифицировать, перевести на международные индустриальные рельсы страну, жившую тысячелетней традицией». Это и есть то «экономическое чудо», которое совершается то в Сингапуре, то на Тайване.

Вторая научно-техническая революция в середине XX века усиливает и обостряет описанные выше черты западной цивилизации. Вот характеристика этого нового общества словами нескольких видных современных мыслителей.

Льюис Мамфорд замечает: «Технологическая цивилизация абсорбирует человека целиком — не только в работе, но и потреблении, развлечении, отдыхе, — все организуется ею». Вся жизнь включается как элемент в массовое производство. Но зато человек может пожить реальной жизнью, подключившись к телевизору, и получить из этого ящика причитающуюся ему порцию человеческих переживаний. Механический мир телевизора все более вытесняет реальный мир. Например, американский подросток до восемнадцати лет проводит в полтора раза больше времени у телевизора, чем в школе и за чтением книг. Это воздействие аналогично гипнозу — здесь нет диалога, невозможен вопрос и нельзя даже, как в книге, перечесть еще раз предшествующую страницу.

Механизмом, обеспечивающим полное включение человека в деятельность технологической цивилизации, служит реклама в широком смысле слова: промышленная, политическая, реклама идей и идеологий. Она основывается на достижениях науки: психологии, социологии, нейрофизиологии. Массовые социологические эксперименты дополняют те принципы, которые были найдены при экспериментах на собаках и крысах. Крыса запускается в лабиринт, где сзади ей грозит удар тока, а в конце — ожидает пища. Она тем самым полностью вырывается из своего обычного окружения, и из бесчисленных экспериментов подобного рода делается вывод о психике крыс, которая оказывается очень похожей на принципы функционирования робота. Эта аналогия вполне оправдывается, если только абстрагироваться от всего, что специфично для крысы и отличает ее от робота! Дальше эти принципы применяются к психике и поведению людей. Громадные затраты промышленных фирм и политических партий на этот «психологический бизнес» и конструируемую им рекламу показывают, что такой метод приносит практические результаты.

Как говорит фон Берталанфи: «Этот дух господствует в нашем обществе и, более того, по-видимому, необходим для его функционирования: редукция человека к низшему уровню его животной сущности, манипулирование им как автоматом для потребления или марионеткой политических сил». «Это (может быть, исключая атомную бомбу) — величайшее открытие нашего века: возможность редукции человека к автомату, «по-

купающему» все, от зубной пасты и «Битлсов» до президентов, атомной войны и самоуничтожения».

Изложенный мною взгляд на развитие технологической цивилизации ни в коей мере не является бунтом против техники, науки или городской жизни, желанием (как сказал Вольтер о Руссо) «встать на четвереньки и убежать в лес». Рост человечества с нескольких миллионов в конце палеолита до 5 миллиардов ныне — это объективный факт. Ни охотничья, ни чисто земледельческая цивилизация не смогли бы прокормить такое население, потребовались бы какие-то драконовские меры, вроде массового убийства детей. Вероятно, неизбежно было развитие в сторону увеличения удельного веса городов, роли науки и техники. Но тот вариант развития, который все яснее проявляется в последние полтора-два века, явно носит болезненный характер. Несмотря на свои колоссальные достижения в некоторых конкретных областях (например, почти полное уничтожение детской смертности, увеличение продолжительности жизни), этот вариант в целом утопичен. Как и сталинская командная система, западная технологическая цивилизация избрала техноцентрическую идеологию в противоположность космоцентрической. Это всего лишь другой путь осуществления уже знакомой нам утопии об «организации» природы и общества по принципу «мегамашины» с максимальным исключением человеческого и вообще живого начала.

Подобная утопия в самой себе несет залог своей гибели. Основным и наиболее загадочным свойством всего живого (и даже всего органически выросшего) является знание им своей формы, способность к самоограничению. Еще Аристотель заметил, что всякая органичная сущность (например, корабль) имеет свой естественный предел. Отказ от органичности оборачивается для технологической цивилизации потерей этого свойства. Современная техника (как созидания, так и уничтожения) может развиваться лишь неограниченно, увеличиваясь и убыстряясь. Этим она приходит в противоречие с ограниченностью (то есть органичностью) окружающей природы, включающей и человека. Природные ресурсы, способность природы выдерживать разрушительное воздействие техники, способность человеческой психики приспособляться к вечно увеличивающемуся темпу перемен и к механическому характеру жизни — все это имеет предел, по-видимому, уже очень

близкий. Особенно опасным представляется последний фактор — западные психиатры обращают внимание на быстрый рост психических заболеваний, связанных с потерей чувства осмысленности жизни. Обычно бреды носят технологический характер: больной ощущает себя машиной, он манипулируем, его существование лишено автономного смысла. Вероятно, те же причины лежат в основе агрессивных студенческих волнений и роста терроризма — люди (особенно молодые) ощущают, что жизнь для них становится чем-то непереносимой, хотя им еще неясно — чем именно. Очень сложно себе представить, что эти трудности могут быть преодолены на том же пути, на котором они возникли, — посредством еще более радикального технического воздействия на природу. Скорее выход связан с отказом от техницистской утопии, от техноцентрического мышления.

Но здесь возникает другое противоречие, заложенное в самих принципах технологической цивилизации. Оно связано с ее беспочвенностью, универсальностью, способностью быстро подчинять себе другие культуры — уничтожаются возможные запасные варианты, которыми человечество могло бы воспользоваться в случае кризиса этой цивилизации. В период кризиса средиземноморской цивилизации человечество обладало целым спектром возможных путей развития. Еще сравнительно недавно можно было надеяться, что Россия, Китай, Япония, Индия, страны Латинской Америки сохранили достаточное разнообразие общественных и экономических укладов, чтобы в случае кризиса технологической цивилизации человечество могло среди них найти альтернативный вариант развития. Сейчас для таких надежд гораздо меньше оснований.

Технологическая цивилизация пришла на смену цивилизации в основном крестьянской, когда подавляющая часть населения жила среди природы, в постоянном общении с животными. Труд был непосредственно связан с его результатом, смысл его понятен. План работы составлялся, каждое важное решение принималось самим крестьянином — это был творческий труд. Но на другой чаше весов лежали тяжелая, изнуряющая физическая работа, неуверенность в завтрашнем дне, частый голод, громадная смертность — особенно детская. Почти каждому взрослому приходилось пережить смерть своего ребенка. Все эти несчастья смогла в значитель-

ной степени устранить технологическая цивилизация, но, как оказалось, на собственных условиях. Человек должен был отказаться от своих человеческих требований к жизни и подчиниться логике техники. На таких условиях эта цивилизация оказалась исключительно продуктивной — и не только в производстве атомного оружия, но и в выработке энергии или в способности накормить громадное население. Однако человеческие запросы к жизни при этом столь радикально игнорировались, что создалась угроза существованию самого человека. Вся ситуация напоминает сказку, в которой человек заключает договор с волшебником. Договор исполняется волшебником пунктуально, но благодаря тому, что в нем не были записаны какие-то казавшиеся самоочевидными условия, результат оказывается обратным тому, к которому стремился человек. Сейчас человечество близко к моменту, когда по договору надо расплачиваться.

По-видимому, человечество переживает сейчас какой-то переломный момент истории, оно должно найти новую форму своего существования. Этот перелом по масштабу можно сравнить с переходом от охотничьего уклада к земледельчески-скотоводческому в начале неолита. Тогда тоже возникла кризисная ситуация: истребление в результате усовершенствования техники охоты многих видов животных — дикой лошади, мамонта — создало положение, аналогичное теперешнему экологическому кризису. И выход из кризиса (переход к земледелию) был глубоко нетривиален и далеко не прямолинеен. Так, известная неолитическая культура расписной керамики (у нас представленная трипольской культурой) считается археологами попыткой перехода к мотыжному земледелию, по каким-то причинам не удавшейся (так она, во всяком случае, трактуется в учебнике археологии А. В. Арциховского). Этот пример показывает, что в истории бывают линии развития, кончающиеся неудачей. Похоже, что такова и линия развития технологической цивилизации, основанная на идеологии научно-технической утопии. С той, однако, лишь ей присущей особенностью, что ее неудача грозит гибелью не только этой локальной культуре, а всему человечеству и всему живому на Земле.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Если читатель согласится, что приведенный выше анализ выделяет некоторые существенные черты как командной системы, так и западного либерального течения «прогресса», то мы будем иметь основу для того, чтобы сформулировать ответ на вопрос, поставленный в начале работы: почему у западных либералов существовала симпатия к сталинской командной системе? Оба этих исторических феномена представляют собой попытку реализации сциентистски-техницистской утопии. Точнее, это два варианта, два пути такой реализации. Западный путь «прогресса» более мягкий, в большей мере основан на манипулировании, чем на прямом насилии (хотя и оно играет свою роль в некоторый период его развития: террор Великой французской революции или колонизация незападного мира). Путь командной системы связан с насилием громадного масштаба. Это различие в методах создает видимость того, что оба течения являются непримиримыми антагонистами, однако на самом деле ими движет один дух и идеальные цели их в принципе совпадают. В западном варианте, например, раскрестьянивание экономически осуществляется даже эффективнее, чем при командной системе, — население, занимающееся земледелием, редуцировано в гораздо меньшей части (3,6 процента населения в США). Все более интенсивное применение все более тонких достижений химии и генетики сделало сельское хозяйство похожим скорее на завод или лабораторию — мечта Горького осуществилась!

Хотя, по-видимому, идеология современного западного индустриального общества чисто рационалистична, она так далеко ушла от непосредственных человеческих ценностей, что явно приобрела утопический характер. Западные социологи отмечали, что рациональность капиталистического предпринимателя относится лишь к средствам, но он иррационален в своих целях и мировоззрении.

По словам Симона Рамо: «Мы должны планировать совместное господство над землей с машинами... Мы становимся партнерами. Машины требуют для оптимального функционирования определенных черт общества. У нас тоже есть свои пожелания. Но мы хотим получить то, что могут нам дать машины, и, следовательно, должны идти на компромисс. Мы должны изменить

правила общества так, чтобы они стали для машин приемлемы». У нас подобное подчинение человека процессу производства было прокламировано еще в начале 20-х годов. А. Гастев писал: «Современная машина, особенно же машинные комплексы имеют свои законы настроений, отправлений и отдыхов, не находящихся в соответствии с ритмикой человеческого организма... история настоятельно требует ставить не эти маленькие проблемы социальной охраны личности, а скорее смелого проектирования человеческой психологии в зависимости от такого решающего фактора, как машинизм».

С другой точки зрения описание этого аспекта цивилизации дается в повести В. Распутина «Прощание с Матёрой» словами старой крестьянки: «Ты говоришь, машины. Машины на вас работают. Но-но. Давно ж не оне на вас, а вы на их работаете — не вижу я, ли че ли! А на их мно-ого чего надо! Это не конь, что овса кинул да на выпас пустил. Оне с вас все жилы вытянут, а землю изнахратят, оне на это мастаки. Вон как скоро бегают да много загребают. Вам и дивля, то и подавай. Вы за имя и тянетесь. Оне от вас — вы за имя вдогоню. Догонили, не догонили те машины, другие сотворили. Эти, новые, ишо похлеще. Вам тошней того припускать надо, чтоб не отстать. Уж не до себя, не до человека... себя вы и вовсе скоро растеряете по дороге. Че, чтоб быстро нестись, оставите, остальное не надо... Она, жисть ваша, ишь какие подати берет: Матёру ей подавай, оголодала она. Однуе бы только Матёру! Схапает, помырчит-пофырчит и ишо сильней того затребует. Опеть давай. А куда деться: будете давать. Иначе вам пропаловка. Вы ее из вожжей отпустили, теперь ее не остановишь. Пеняйте на себя».

Противопоставление техноцентрического космоцентрическому мировоззрению, описанное на материале нашей деревни 30-х годов К. Мяло, параллельно тому, что пишет Льюис Мамфорд на основании западного опыта:

«Существует глубокий антагонизм между механической экономикой, центр тяжести которой — сила, и более старой органической экономикой, ориентированной на жизнь. Жизненная экономика стремится к непрерывности, многообразию и сохраняющему структуру целенаправленному росту. Такая экономика скроена по человеческой мерке: чтобы любой организм, любое сообщество, любое человеческое существо имело много-

образие благ и переживаний, необходимое для свершения его индивидуального жизненного пути от рождения до смерти. Характерной чертой жизненной экономики является сохранение обусловленных жизнью пределов: она стремится не к максимально возможному количеству, а к нужному количеству и нужному качеству в нужном месте. Ибо слишком много чего-либо так же гибельно для живого организма, как и слишком мало.

Наоборот, экономика, основывающаяся на силе, предназначена для непрерывного и насильственного расширения производства ограниченного типа благ — тех, которые особенно приспособлены для массового производства... Хотя эти современные «силовые установки» производят максимальное количество высокоспециализированных материальных благ — автомобилей, стиральных машин, холодильников, ракет, атомных бомб, — но они не способны реагировать на гораздо более сложные потребности человеческой жизни, так как эти потребности не могут быть механизированы и автоматизированы, тем более контролируемы и по произволу подавляемы без того, чтобы не убить нечто существенное в жизни организма или в самоуважении человеческой личности».

Для обоих течений существенна опора на мощную технику и подавление органических, традиционных сторон жизни. (Один западный социолог сформулировал даже смысл современной техники так: уничтожить природу и создать вместо нее другую, искусственную.) Наконец, оба течения основываются на разработанной технике управления массовым сознанием. Их родство подтверждается и тем, с какой легкостью новые моды (в одежде, шоу-бизнесе или искусстве) перебрасываются от одного к другому. Такая их близость порождает ощущение духовного родства и может объяснить, почему представители одного течения болезненно воспринимают критику другого, чувствуют, что она ударяет и их.

С этой точки зрения совершенно понятно, почему западные последователи идеологии «прогресса» охладели к нашей стране как раз тогда, когда жизнь в ней стала смягчаться; это смягчение было связано с ослаблением роли утопической идеологии командной системы, которая их привлекала. К тому же нечеловеческая жестокость командной системы предстала слишком неприкрыто, надо было как-то от нее отмежеваться, тут и пригодилась возможность выступить суровыми судьями,

списав все жестокости за счет особенностей русского характера и русской истории.

Мы сталкиваемся здесь с тем, что два разных, внешне резко различающихся пути ведут в принципе к одной цели. Однако в истории это случалось уже не раз, и нам будет полезно рассмотреть несколько примеров, вариантов этого явления. Простейший из них — двухпартийные политические системы. Для устойчивого их функционирования необходимо, чтобы конкурирующие партии выступали как антагонисты, внушали, что приход к власти конкурента будет национальной катастрофой. Но столь же необходимо, чтобы политические принципы этих партий в основе своей совпадали. Например, сейчас такая система в Великобритании переживает, кажется, кризис, так как программы лейбористской и консервативной партий стали действительно принципиально различаться.

Другим примером служит соперничество Сталина и Гитлера. Для них лично это, несомненно, была борьба не на жизнь, а на смерть. Но с другой стороны, действия каждого из них парадоксальным образом способствовали успеху другого — и это продолжалось довольно длительное время. Приходу к власти Гитлера очень помогла коллективизация и процессы «вредителей» в СССР — Гитлер уверял немцев, что нечто подобное грозит Германии и лишь он может от этого защитить. Но приход Гитлера к власти укрепил международные позиции Сталина — как противовеса Гитлеру. Они и играли на этих клавишах: один — как единственная реальная защита Европы от «коричневой чумы», другой — от «красной». В этой игре особенно важно было гипнотическое внушение того, что выбор возможен лишь между ними, третьего не дано. Вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» — имел именно этот смысл, что можно выбирать только между Сталиным и Гитлером.

Многочисленные примеры дают две фракции — умеренная и крайняя в большинстве оппозиционных и революционных движений: пуритане и индепенденты в английской революции, жирондисты и якобинцы во французской, либералы и террористы в России 60—70-х годов XIX века и т. д. Последний вариант отражен в образах Степана Трофимовича и Петра Степановича Верховенских («Бесы»). Его описание с точки зрения очевидца дано Львом Тихомировым (брошюра «Начала и концы»). Он утверждает, что именно либералы снаб-

дили террористов мировоззрением. Для либералов терроризм был лишь крайностью — тем, что они хотели бы, но боялись делать. Террористы же считали либералов предателями и, не скрывая, указывали, какой их ожидает конец в случае победы. Похожее настроение господствовало и в «освободительном движении» XX века. Тогда был распространен принцип — «у нас не может быть врагов слева». Это создавало очень своеобразную ситуацию: группы, находившиеся «левее», могли вести себя по отношению к соседям «справа» как к врагам, а те не могли им ответить тем же!

Поучительный пример подобной ситуации — известная дискуссия, когда Каутский выступил с критикой политики «военного коммунизма». Троцкий ответил ему целой книгой («Анти-Каутский»), Каутский — еще одной книгой («От демократии к государственному рабству. Ответ Троцкому»). В последней книге есть интересный параграф: «Грозящая катастрофа». В нем Каутский с несокрушимой логикой доказывает, что скорый крах большевизма неизбежен. По поводу ситуации «после краха» он пишет: «То, чего мы опасаемся, это не диктатура, а нечто иное, пожалуй, гораздо худшее. Вероятнее всего, что новое правительство будет чрезвычайно слабо, так что оно не сможет, даже если захочет, справиться с погромами против евреев и большевиков», «потому можно понять тех социалистов, которые говорят, что хотя большевизм и плох, но еще хуже то, что наступит после его гибели, и что потому мы вынуждены защищать его как меньшее зло». Так что основным аргументом оказывается не сочувствие загубленным жертвам «расказачивания» или расстрелянным священникам. Пугает то, что проводимая политика «вредна для дела». Но тогда в несколько другой ситуации, чтобы «не повредить делу», можно нащупать и другой выход — поддержать, затушевать слишком неприглядные черты, создать лучший образ в глазах общественного мнения. Это уже делает более понятным отношение западных либералов к Сталину. К тому же он для них, несомненно, находился «слева», а «слева не может быть врагов».

Остается трудный вопрос о том, как совместить гуманность и уважение к человеческой личности, присущие западному либерализму, с полной антигуманностью сталинского режима. Западный либерализм, несомненно, много способствовал распространению гуманности,

представители именно этого течения боролись против процессов над ведьмами, за отмену пыток, укрепление всевозможных гарантий свободы личности. Однако все это относится лишь к жизни внутри общества, принявшего принципы прогрессивно-либеральной идеологии, гуманность никак не распространяется на остальную часть человечества. Это связано с важной чертой идеологии прогресса — гипнотической убежденностью в том, что она открывает единственный путь развития человечества. В следовании ей и заключается «прогресс» и цивилизация. «Прогрессивным» было в истории все то, что вело к созданию современного западного общества, только такие общества и составляют предмет истории. Других культур не существует — это лишь тупики на пути «прогресса» или даже препятствия «прогрессу».

На эту парадоксальную концепцию указывали, например, русский мыслитель Данилевский и английский историк Тойнби. По мнению последнего, она будет рассматриваться нашими потомками как исторический курьез. Подобный, например, письму китайского императора Чуэн Лунга английскому королю Георгу III, посланному в 1793 году. Император выражает удовлетворение прибытием британского посла, так как Китай всегда стремился к распространению просвещения, но выражает сожаление, что посол оказался совершенно неспособным к обучению церемониям и культуре. Таков был и взгляд египетских жрецов, даже в то время, когда над их страной уже сменилось ассирийское, персидское, македонское и римское господство. Тойнби считает его признаком окостенения и началом упадка цивилизации.

Западная концепция единственности исторического пути порождает понятия «передовых» и «отсталых», «развитых» и «развивающихся» стран. Только она оправдывает высказывания о том, кто от кого отстал и даже на сколько лет (например, Сталин утверждал: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет»). Хотя, кажется, это никогда явно не формулировалось, но такая точка зрения предполагает исторический процесс одномерным. Но даже грубый материальный мир, по представлениям современной физики, не может быть описан при помощи трех измерений: требуется ввести четыре, десять или двадцать шесть измерений. А гораздо менее тривиальный мир истории предлагается мыслить одномерным! Интуитивно история представляется

так, как если бы какие-то букашки ползли по веточке: одна букашка уползла вперед, другая от нее отстала. В одном месте от веточки ответвляется отросток, букашка свернула на него — это тупиковая линия развития.

Концепция исключительности западной цивилизации делает западную прогрессивно-либеральную идеологию совершенно глухой к любым трагедиям, разыгрывающимся в других цивилизациях, — эти цивилизации, с ее позиций, существуют как бы «незаконно», являются помехами на пути человечества к прогрессу. Поэтому Запад и способен соединять высокую гуманность внутри с крайней жестокостью ко всему, находящемуся вовне. Один из множества примеров — истребление переселенцами-пуританами североамериканских индейцев. Их натравливали друг на друга, скупая скальпы, им подбрасывали отравленную муку, травили собаками, устраивали на них облавы, расстреливали. (Один фермер — участник массового убийства в долине Моргана — вспоминает, например, что они не решались стрелять в детей из винтовок большого калибра, так как их разнесло бы в клочья, их убивали из револьверов «смит-вессон».) И самое радикальное средство — распахивали прерии, служившие для кочевья (спустя несколько десятилетий деликатная, не приспособленная для пахотного земледелия почва прерий превращалась в пыль и в виде пылевого облака уносилась ветром в океан). А в заключение уничтоженная цивилизация убивалась еще раз — духовно, вычеркиваясь из истории или входя в нее как тупиковая, обреченная на гибель линия развития. Если обратить внимание на эту сторону «прогресса», то окажется, что гораздо гуманнее были, например, центральноафриканские государства, где ежегодно в жертву богам плодородия приносилось всего несколько сот человек! И не вызывает никакого удивления, что западные либералы полностью игнорировали все зверства сталинского режима, бывшего для них лишь «блистательным историческим экспериментом».

Уже было отмечено, что технологическая цивилизация не несет в себе представления о своих границах — она неограниченно и агрессивно распространяется по земле. Так она стала проникать и в Россию, сначала в своем стандартном западном варианте: через обезземе-

ливание крестьян, имущественное расслоение деревни, рост числа промышленных рабочих, строительство железных дорог, увеличение экспорта и включение в мировой рынок. Однако этот процесс наткнулся на глубокую укорененность, устойчивость крестьянской цивилизации. Для крестьян речь шла не просто о выборе более выгодной профессии — уход из деревни означал для них разрыв со всем, что придавало красоту и смысл их жизни. Он требовал от них отказа от всей системы нравственных ценностей, жизни в мире, лишенном внутреннего смысла и морального оправдания. Глеб Успенский описывает впечатления крестьянина, ушедшего в город: «Он испугался этой голой работы из-за денег: ему трудно было жить без «своих», трудно работать без их поддержки». Потерпев неудачу, он возвращается: «Как ни изнурят, ни измучают его, но свои места, а главное — возвращение «к крестьянству», то есть земледельческому труду, вновь восстановляет все его нравственные силы, уничтожает на его лице следы болезней, горя, негодования, — и вновь это лицо глядит спокойно, благородно и приветливо...» Толстой много раз описывал судьбу крестьян, ушедших в город: алкоголизм, нищенство — для мужчин; публичный дом, смерть от сифилиса в больнице — для женщин. Что означает для крестьян разрыв с родной землей, описано и в «Прощании с Матёрой» В. Распутина. Но это уже эпоха, когда последний маленький островок деревенской жизни захлестывают волны технологической цивилизации, — можно представить себе, насколько сильнее звучал голос земли, когда крестьянская цивилизация еще не была подорвана.

В результате подчинение России стандартам технологической цивилизации тормозилось, а в ответ эта цивилизация создала образ России — «препятствия на пути к прогрессу человечества». Русские террористы вызывали сочувствие либерального общественного мнения Запада, а русские финансовые займы неизменно наталкивались на сопротивление. Дошло до того, что в первую мировую войну, когда русские солдаты массами гибли, спасая дело союзников, правительства западных стран Антанты вынуждены были оправдываться перед своими парламентами, что связали себя с таким реакционным режимом. А их послы в России систематически раскачивали этот режим, способствуя выходу из строя одного из главных своих союзников.

Давление технологической цивилизации: разорение

значительного числа крестьян и разрушение общины, образование фермерских хозяйств, уход большой части населения в город — все это было тяжелым потрясением для крестьянской цивилизации. Возникло ощущение угрозы основным жизненным ценностям со стороны плохо понятного, невидимого врага, повысился уровень агрессивности. Это создало предпосылки для успеха второго, командного, варианта технологической утопии, по видимости диаметрально противоположного первому, опирающегося на возникшие в народной психике стрессы. Так и в этом случае успех одного из двух соперничающих вариантов проложил путь другому по пословице: от волка бежал, да в болото попал.

Рассмотренный нами вопрос, относящийся, казалось бы, к прошлому, становится вновь актуальным сейчас, когда наша страна стоит перед выбором, от которого, возможно, зависит все ее будущее. Мы видим, сколько сил уходит на преодоление инерции командной системы. А если мы ошибемся в выборе и страна разгонится по новому пути — откуда взять силы, чтобы опять остановиться? В таком положении надо извлечь все, что можно из опыта прошлого. Дает ли нам что-либо предшествующий анализ? Он заведомо не дает и не претендует дать одного: четкого указания на оптимальный путь развития, плана на будущее. У автора не только нет подобных предложений, но имеются серьезные опасения по поводу них в принципе. Мы очень привыкли в науке и технике к такому ходу решения задачи: идея — детальный план — модель или эксперимент — и, наконец, воплощение в жизнь. На этом чисто рационалистическом пути действительно создаются и заводы и атомные бомбы, но так никто не создал ни нового растения, ни животного. Чисто рационалистическое творчество история тоже знает, но так создаются утопии, а, по словам Бердяева, утопии обладают тем недостатком, что в наш век слишком легко реализуются. Органичные же изменения общества происходят, по-видимому, другим путем, более похожим на рост организма или биологическую эволюцию. Они не придумываются, а вырастают из жизни, и роль человеческой рациональной деятельности здесь главным образом в том, чтобы их узнать, угадать их значение и способствовать их укоренению.

Но другой, гораздо более скромный вывод из предложенного выше анализа, пожалуй, все же можно сделать. Это — призыв к отказу от взгляда на историю как на одномерный процесс. В сегодняшней ситуации такой взгляд выражается в виде утверждения, что для нас возможен лишь выбор из двух путей: назад — возврат к командной системе и вперед — максимальное приближение к западному образцу, повторение западного пути. Это вообще не выбор — Запад болен всего лишь другой формой болезни, от которой мы хотим излечиться. Оба пути ведут к одной социально-экологической катастрофе и даже помогают в этом друг другу. Конечно, такой конец не предопределен, в обоих вариантах есть надежда найти какой-то выход, без нее невозможно было бы и жить. Но то, что является выходом для Запада, может не быть выходом для нас. В западной цивилизации, кроме бросающегося сейчас в глаза утопически-техницистского течения, заложены и громадные жизненные силы. Об этом свидетельствует и прекрасное искусство, созданное начиная с эпохи Возрождения, и глубокая и красивая наука. Там веками вырабатывались многообразные методы контроля и воздействия одних слоев общества на другие (хотя и отточена техника отвода глаз, психологической обработки). Наша история создала другие, во многом отличные силы, и наш путь должен опираться именно на них.

Призыв «догнать» представляется вообще весьма рискованным, если он относится к социальной области, а не к реальным бегунам. Попытка повторить чужое творчество (а история — творческий процесс) обычно приводит не к точной копии, а к продукции второго сорта. Лишь найдя какой-то свой путь, удается обычно достичь того же или более высокого уровня.

Чтобы получить полноценную копию западного образа жизни (даже со всеми его недостатками и опасностями), надо иметь в качестве исходной точки их средневековье и прожить их последующий путь. Эти триста лет никаким способом нельзя сжать в тридцать. Если же копировать лишь некоторые результаты этого развития, то мы получим скорее всего нечто более похожее на Латинскую Америку, чем на США и Западную Европу. То есть колоссальный долг передовым странам (а он уже и сейчас не мал), разорение природы, вопиющее имущественное неравенство, терроризм и тоталитаризм. Параллельность утопических тенденций командной си-

стемы и западного общества дает возможность легко взаимодействовать созданным в них экономическим структурам, и грандиозные западные капиталовложения без тех защитных мер, которые Запад мучительно и долго вырабатывал, смогут окончательно разорить страну за несколько десятилетий.

Западный опыт, конечно, должен быть использован, но с большой осторожностью, не как образец, которого необходимо достичь. Надо мобилизовать опыт всех более органичных форм жизни: раннего капитализма, «третьего мира» и даже примитивных обществ. На Западе сейчас растет интерес к этим вариантам исторического развития — именно в поисках структур, которые возможно использовать для преодоления современного кризиса. В обширной литературе исследуется система ценностей в обществах «третьего мира» и в примитивных обществах — например, относительная ценность свободного времени и материальных благ, принципы отношения к природе, к традиции, воспитанию, культурная и религиозная жизнь этих обществ. Для нас же самой близкой и понятной является та крестьянская цивилизация, среди которой еще так недавно протекала жизнь наших предков. Вернуться назад к ней никак нельзя — в истории вообще возврат невозможен. Но она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться, и главное, космоцентризму — жизни в состоянии устойчивого социального, экономического и экологического равновесия.

Это раньше всех ощутила литература, как всегда, более чуткая. Таково, как мне кажется, происхождение феномена «деревенской» литературы и объяснение ее успеха. Причем успеха не только у нас, но и на Западе.

На «деревенскую» литературу возможны три точки зрения. Можно считать, что она представляет этнографический интерес как живописующая хоть и отошедшую в прошлое, но любопытную и своеобразную микрокультуру. Другая точка зрения была недавно очень ярко высказана в предисловии, написанном В. Солоухиным к вышедшей во Франции антологии «деревенской» прозы. Он пишет: «Эти люди, родившиеся в русской деревне, выросшие в ней и хоть немного помнящие, какой она была, прощаются, в сущности говоря, с родной матерью, оставаясь одинокими и беззащитными на холод-

ном и беспощадном ветру истории». То есть речь идет о реквиеме, или, вернее, русском плаче по прекрасной погибшей цивилизации и, следовательно, о литературе, обращенной в прошлое. Но возможна и третья точка зрения, примыкающая к изложенным выше соображениям. Искусство делает, казалось бы, невозможное: воскрешает крестьянскую цивилизацию — хоть и не в жизни, а в наших переживаниях. Мы соприкасаемся с нею и понимаем ее гораздо глубже, вернее, чем если бы пользовались любыми средствами социологии и этнографии. Нам открывается пример органичного, устойчивого общественного уклада, основанного на глубоком единстве человека и космоса: модель того уклада, поиск которого — главная проблема современного человечества. Отсюда понятны притягательность и успех «деревенской» литературы — она указывает путь в будущее.

В заключение еще один беглый взгляд из более отдаленной перспективы на современный кризис. Он бесконечно обострился, приобрел взрывной характер в последние десятилетия, но корни его очень древние — это итог развития, длящегося десятки тысячелетий. Усовершенствование методов охоты, переход от охоты к земледелию или от сохи к плугу, создание мощной искусственной ирригации, развитие промышленности — все это одна линия усиливающегося воздействия человека на природу. Этот процесс сопровождался постоянным ростом населения Земли. Очевидно, что оба процесса имеют естественный предел, к которому мы, по-видимому, приблизились. Столкновение с таким пределом и порождает экологический и демографический кризисы. Единственный возможный выход — перейти от развития, основанного на постоянном росте, к стабильному стилю существования. В частности, бэконовский принцип «покорения природы» должен быть заменен противоположным — «покорения техники». Но ведь это означает изменение всего характера жизни, смену основного вектора, характеризовавшего движение человека, по крайней мере, с момента возникновения homo sapiens. Такого коренного, глобального перелома всего хода истории человечество еще не знало. В области экологии не видно даже и признаков конца переломного периода, выхода из того кризиса, который сейчас

переживает человечество. Оно находится в самом его начале, мы только начали осознавать это. Социальным аспектом начальной фазы этого периода является и наша командная система, и утопическая линия развития позднего капитализма. Очевидно, что такой кризис захватит несколько веков, — таковы прогнозы и в области демографического кризиса (если, конечно, эти века будут нам даны, если человечество в принципе способно вписаться в равновесие природы). Вряд ли у нас сейчас есть хоть какие-то основания предугадать, как человечество выйдет из кризиса. Но, возможно, по крайней мере, освободится от мертвых схем, которые не дадут этот выход увидеть. Одной из таких схем и представляется мне противопоставление командной системы западному пути как двух диаметрально противоположных выходов, из которых только и возможен выбор.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 18

Игорь Ростиславович Шафаревич

РУСОФОБИЯ. ДВЕ ДОРОГИ — К ОДНОМУ ОБРЫВУ

Редакторы **В. Семенов, Л. Еременко**

Макет и оформление художника **П. Ильина**

Сдано в набор 22.01.91. Подписано в печать 08.04.91. Формат 84X108 1/32. Бумага писчая № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,98. Учетно-изд. л. 7,56. Тираж 100 000 экз. Цена 3 руб. Заказ 1013.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-85025-019-0

3 руб.

